

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-037

«ЧЕРНЫЙ ПОЯС» БЕЗ ГРИФА СЕКРЕТНОСТИ

А.Д. Арабаджиев
А.Е. Куланов

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Annotation

За какие-нибудь четверть века Россия превратилась из страны, где воинские искусства Востока были под строжайшим запретом, в великую державу боевых единоборств, которые практикуют ныне около пяти миллионов человек, объединенные в десятки федераций, что позволяет говорить о самом массовом российском виде спорта. Но в том-то и дело, что японские будо — комплекс традиционных единоборств — никогда не были спортом! Чем они являлись в действительности на протяжении столетий? Что представляет собой личность современного Мастера и Наставника? В чем состоит преемственность канонов будо? Кому дано стать в XXI веке хранителем истинных традиций древних воинских искусств? И, наконец, кто же в Японии имеет право оценивать настоящих мастеров? Ответы на все эти вопросы мы найдем в книге А. Арабаджиева и А. Куланова, которая впервые приоткрывает завесу тайны над Обществом Воинской добродетели Великой Японии, этой своеобразной «масонской ложей» корифеев будо, созданной более ста лет назад в Стране восходящего солнца. Авторы, знающие не понаслышке структуру и характерные отличия этой уникальной организации, постигающие ее работу изнутри, сами участвуют в процессе передачи знания, сохранения и приумножения традиций воинских искусств как в теории, так и на практике. Прочитать эту книгу обязан каждый, кто сегодня примеряет на себя гордое звание будока, кто хочет узнать больше о сокровенной сути боевых единоборств, их прошлом, настоящем и будущем.

- [«Черный пояс» без грифа секретности](#)
 -
 - [ЗЕРЦАЛО ВОИНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ](#)
 - [ОТ АВТОРОВ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВА ВОИНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ ВЕЛИКОЙ ЯПОНИИ\[2\]](#)
 - [ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ](#)
 - [Символ нации](#)
 - [В знании — сила](#)
 - [Элитный орден самураев](#)
 - [Образовывая — воспитывать](#)

- [Создавая форму](#)
- [СОЛНЦЕ И СТАЛЬ](#)
 - [Маньчжурия под сенью меча](#)
 - [Неизвестное об известных](#)
 - [Тайные общества](#)
 - [Путь в никуда](#)
- [НЕПОСЛЕДНИЕ САМУРАИ](#)
 - [Возрождение золотого феникса](#)
 - [Самурайская элита сегодня](#)
- [ЛИЧНЫЙ ОПЫТ](#)
 - [О 2-м Всемирном фестивале Воинской добродетели \(2002 г.\)](#)
 - [3-й Всемирный фестиваль Воинской добродетели в г. Киото](#)
 - [Тренировка в летнюю жару](#)
- [ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР](#)
 - [Будо и бутоку](#)
 - [Те, кто нас окружает...](#)
 - [Будо и синто](#)
 - [Духовный центр](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1](#)
 - [Приложение 2](#)
 - [Приложение 3](#)
 - [Приложение 4 \(по материалам <http://home.comcast.net>\)](#)
 - [Приложение 5 \(Здесь и далее цит. по <http://ejmas.coni>\)](#)
 - [Приложение 6](#)
 - [Приложение 7](#)
 - [Приложение 8](#)
 - [Приложение 9](#)
 - [Приложение 11](#)
 - [Приложение 12](#)
 - [Приложение 13](#)
 - [Приложение 14](#)
 - [Приложение 15](#)
 - [Приложение 16](#)
 - [Приложение 17](#)
 - [Приложение 18](#)
 - [Приложение 19](#)
 - [Приложение 20](#)
 - [Приложение 21](#)

- [Приложение 22](#)
- [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
- [СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
-

**«Черный пояс» без грифа секретности
Александр Арабаджиев, Александр
Куланов**

ЗЕРЦАЛО ВОИНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Нам с вами, дорогие читатели, необычайно повезло: мы стали свидетелями чуда. За какие-нибудь четверть века Россия превратилась из страны, где воинские искусства Востока были под строжайшим запретом, в великую державу боевых единоборств, организатора Вторых Всемирных игр боевых искусств, прошедших в Санкт-Петербурге. Российские бойцы уверенно побеждают в международных турнирах. Восточные единоборства, которые практикуют ныне около пяти миллионов человек, объединенные в десятки федераций, уже называют самым массовым российским видом спорта. Более половины этих федераций имеют японские корни и самым непосредственным образом связаны с комплексом традиционных единоборств *будо*.

Но в том-то и дело, что японские *будо*, завоевывающие сердца миллионов, никогда не были спортом. Чем они являлись в действительности на протяжении столетий, пытаются разъяснить многие авторы, но успешных попыток было слишком мало. В океане книг и статей о японских боевых искусствах сегодня можно обнаружить массу информации о технических отличиях школ, некоторые сведения по истории их происхождения и минимум данных о реальной общественной роли *будо* в Новое и Новейшее время. Еще меньше известно о том, что представляет собой личность современного Мастера и Наставника, какие критерии определяют уровень его духовной, психической и физической подготовки вне зависимости от конкретных видов *будо*, школ, направлений, секций и федераций, в чем состоит преемственность канонов *будо*, кому дано стать в XXI веке хранителем истинных традиций древних воинских искусств, и, наконец, кто же в Японии имеет право оценивать настоящих мастеров.

Ответы на все эти вопросы мы найдем в книге А. Арабаджиева и А. Куланова, которая впервые приоткрывает завесу тайны над Обществом Воинской добродетели Великой Японии, этой своеобразной «масонской ложей» корифеев *будо*, созданной более ста лет назад в Стране восходящего солнца, прошедшей долгий и трудный путь через тернии XX века и явившейся сегодня миру во всем блеске обновленной, очищенной от примеси рыцарской доблести.

Особенность этой книги состоит в сочетании академически фундированного беспристрастного анализа истории Дай Ниппон Бутокукай на основании множества переработанных книг и документов с живыми

впечатлениями инсайдеров — людей, непосредственно причастных к Обществу Воинской добродетели. Авторы, знающие не понаслышке структуру и характерные отличия этой уникальной организации, постигающие ее работу изнутри, сами участвуют в процессе передачи знания, сохранения и преумножения традиций воинских искусств как в теории, так и на практике. Прочитать эту книгу обязан каждый, кто сегодня примеряет на себя гордое звание будока, кто хочет узнать больше о сокровенной сути боевых единоборств, их прошлом, настоящем и будущем.

Александр Долин,

автор первой русскоязычной книги о японских единоборствах «Кэмпо. Традиции воинских искусств», доктор исторических наук, профессор Международного университета Акита, Япония

ОТ АВТОРОВ

Токийский международный аэропорт Нарита. Объявлена регистрация на рейс авиакомпании JAL до Москвы. К стойке, подтаскивая перекрещенные скотчем объёмистые коробки и сумки, приближается большая группа наших соотечественников — в основном мужчины среднего возраста, многие с проседью, внешне совсем не похожие на челноков, несмотря на обилие сумок. На них и их багаж с удивлением смотрят другие русские — из туристической группы, этим же рейсом возвращающейся в Москву. Когда первые начинают проходить регистрацию, выясняется, что они действительно не челноки, а в устрашающих размеров багаже тщательно упакованы деревянные и металлические мечи, специальные тренировочные доспехи, форма для занятий единоборствами. Один из туристов толкает в плечо другого: «А нам гид сказал, что боевые искусства в Японии давно умерли».

Истории о том, что «истинного будо в Японии больше не существует», более ста лет. Примерно столько же — рассказам о поныне здравствующих «последних самураях». Едва ли не каждый иностранец, тесно связанный с Японией, знает одного представителя этой страны, которого с полной уверенностью представляет друзьям как «последнего настоящего воина-буси». Учитывая, что людей, работающих с Японией, только в нашей стране несколько тысяч, получается, что из «последних самураев» вполне можно было бы сформировать войсковое соединение, примерно равное по численности бригаде.

Как и многие другие, тот русский гид, что рассказал туристам о «безвременной кончине» буцо, конечно, преувеличил — пусть и не по своей вине. Серьезные мужчины с большим багажом знали это, как никто другой — на родину возвращалась российская делегация *Дай Ниппон Бутокукай* — Общества Воинской добродетели Великой Японии — самой важной, древней и, одновременно, самой малоизвестной сегодня, одним словом — элитарной организации боевых искусств в Японии. Они пробыли в этой стране 14 суток. Десять дней — самых трудных, самых насыщенных, самых счастливых — в Киото, городе, который сами японцы считают родиной своих единоборств. Возможно, это и преувеличение, но оно вызвано общенациональным культом поклонения древней столице, одному из самых красивых и намоленных мест в стране, где на два миллиона человек населения приходится более трех тысяч храмов.

Значительную часть посетителей этих святилищ составляют приезжие из самой Японии и, разумеется, из-за границы. Многие из них, как и тот гид, что сопровождал наших туристов, тоже считают, что боевые искусства умерли. Но многие придерживаются совершенно иной точки зрения.

Не случайно на улицах древнего города то и дело попадаются сосредоточенные, бодро шагающие японцы, несущие за плечами или в руках длинные чехлы, в которых опытный взгляд без труда узнает футляры для мечей, луков и алебард. В апреле и мае каждого года таких странных личностей на улицах Киото заметно прибавляется. Более того, кварталы, примыкающие к великолепному храму Хэйан-дзингу, утром и вечером наполнялись сотнями *гайдзинов*—иностранцев, одетых в форму для занятий разного рода единоборствами, в наброшенных сверху форменных куртках *Дай Ниппон Бутокукай*, обутых в соломенные сандалии *дзори* и все с теми же футлярами в руках. В эти дни в Киото, вблизи великого храма Хэйан-дзингу, в Павильоне Воинской добродетели — *Бутокудэн*—проходил 3-й Всемирный фестиваль Воинской добродетели (*Сэкай Бутокусай*) — своеобразные «олимпийские игры» мастеров *будо*, проводящейся раз в пять лет. Одновременно с ним шел очередной, сорок шестой по счету, ежегодный Всеяпонский фестиваль Воинской добродетели (*Дзэнкоку Бутокусай*).

Российская делегация, состоявшая из тех самых серьезных мужчин — представителей Российского отделения *Дам Ниппон Бутокукай*, участвовала тогда в такой «олимпиаде» во второй раз. Этим людям посчастливилось изнутри увидеть в настоящем деле святая святых японской традиции боевых искусств — *Бутокудэн*. Им повезло участвовать в уникальном событии, главными действующими лицами которого вместе с ними стали легендарные мастера, обладатели высших степеней отличия, учившиеся у основателей многих стилей *будо* и вписавшие свое имя нетленными иероглифами в историю японских единоборств. Более того, само участие команды из России в 3-м Всемирном *Бутокусай* уже стало частью истории, а все члены той команды — ни много ни мало, а историческими персонажами, своим мастерством, мужеством и пониманием сути боевых искусств добившимися такой чести.

Но если с мастерством еще хоть как-то ясно, то что такое «суть боевых искусств»? Как ее понять? Где она изложена? У кого это можно прочитать? Ответ на этот вопрос состоит из двух частей. Первая очень проста: понять это можно только на татами. Правда, для этого тоже требуется масса условий, важнейшее из которых — наставник. Учитель. *Сэнсэй*, что по-японски значит «пре-ждерожденный». Человек, который не просто умеет

владеть своим телом, но который сам глубоко понимает, что, как и, главное, зачем он делает, досконально знающий исторический и культурный контексты существования будо, и (возможно, это главное) способный донести это знание до своих учеников. И вот здесь начинается самое сложное: часть вторая — как передать это людям?

Ответы на эти вопросы у нас есть. Чтобы найти их, мы обращаемся к Традиции воинских искусств Японии, традиции многовековой, но очень современной. В нашей книге мы постараемся рассказать о некоторых малоизвестных фрагментах истории будо и об аспектах японской культуры, религии и искусства, связанных с ним, чтобы наш читатель хотя бы немного смог ощутить обстановку, в которой родились, живут и развиваются современные боевые искусства. Мы попытаемся рассказать об этом через историю создания и развития легендарной элитной организации — *Дай Ниппон Бутокукай*, через свои впечатления от участия в *Бутокусай*, семинарах и специальных тренингах, проводимых этой организацией.

Шанс увидеть великое есть у каждого. Короткая японская фраза— *итиго итиэ*—переводится обычно длинным и рассудительным объяснением ощущения сочетания одного счастливого или несчастного мига, мимолётного шанса, штриха в жизни, который часто предопределяет нашу судьбу. Надеемся, что вместе с нами вы сможете пережить *итиго итиэ* и таким образом изменить свое представление о мире будо. Это непросто, но необходимо: расширение восприятия мира через изучение воинских искусств воспитывает высокое духовное начало, заставляющее нас двигаться вперед в поисках истины. Истина же — это вызов самому себе, это и есть Путь. Чтобы уяснить достоинства будо, следите за его истинным духом, следуйте ему на своем Пути, ибо это Путь служения, Путь Воинской Добродетели. И тогда, кто знает, может быть, в следующий раз мы вместе с вами окажемся у стойки регистрации на рейс Москва — Токио в начале нашего общего Пути...

Александр Арабаджиев, Александр Куланов

ВВЕДЕНИЕ

«Основание в 1895 г. *Дай Ниппон Бутокукай* в городе Киото внесло существенный вклад в дело сохранения классических воинских дисциплин», — бесстрастно зафиксировал в своем, ставшем уже классическом, трактате «Современные будзюцу и будо» крупнейший иностранный исследователь этой темы Донн Дрэгер^[1]. «Открытие специальной школы по подготовке профессиональных преподавателей будо; изменение роли и смысла Пути воина в предвоенный период, запрещение преподавания боевых искусств и его разрешение», — чётко, как вешками дорогу, обозначил американский автор историю будо ссылками на историю *Дай Ниппон Бутокукай*, опираясь на историю этой организации и апеллируя к ней. При этом сама по себе история Общества Воинской добродетели до сих пор оставалась в стороне от интересов исследователей и любителей будо. На первый взгляд это странно... По нашему мнению, такая странность, в первую очередь, обусловлена противоречивым имиджем ДНБК, сформировавшимся в результате сложных событий середины прошлого века. Мы надеемся отчасти исправить сложившуюся ситуацию, представляя сегодня на суд читателей сжатый «курс истории» *Дай Ниппон Бутокукай*, восстановленной нами по различным источникам, важнейшим из которых является само Общество Воинской добродетели — его хроники, свидетельства мастеров, а также на основе нашего личного видения философских основ его существования.

Нам посчастливилось услышать немало рассказов о прошлом, настоящем и планах на будущее *Дам Ниппон Бутокукай* от его высшего руководства и опытных наставников. Мы также использовали издающиеся ДНБК бюллетени, посвящённые важнейшим событиям в жизни организации, и сразу же рекомендуем всем читателям обратиться к официальному веб-сайту *Дай Ниппон Бутокукай*—<http://www.dnbk.org/> (на английском языке) и <http://butokukai-honbu.org/i> — на японском. Там можно получить всю основную официальную информацию по различным вопросам жизнедеятельности Общества, включая его историю, философию, сведения о штаб-квартире и представительствах Международного дивизиона. Заметим сразу, что вопреки гуляющему на просторах Рунета мнению некоторых недобросовестных горе-исследователей, это сайты не «американского филиала» ДНБК, а корневой организации, штаб-квартира которой расположена в Киото.

Помимо указанных источников при подготовке книги мы пользовались материалами других веб-ресурсов, в том числе стилевых федераций, чьи основатели или известные представители имели отношение к ДНБК, а также консультировались с учёными и исследователями смежных областей истории Японии. Мы постарались привести в списке литературы, прилагаемом к данной книге, максимальное количество источников на русском языке, чтобы облегчить всем заинтересованным русскоязычным читателям задачу более глубокого понимания изучаемой темы. При этом мы ни в коем случае не претендуем на глубину и исчерпывающий охват всей полноты картины возникновения и развития *Дай Ниппон Бутокукай*, отдаём себе отчёт в том, что наша работа не свободна от недостатков и неточностей, и надеемся, что в будущем сможем улучшить её качество и расширить спектр рассматриваемых вопросов — в том числе и с помощью наших читателей.

Одновременно мы обращаем ваше особое внимание на то, что предлагаемая книга не является официальным документом *Дай Ниппон Бутокукай*, продуктом пропаганды или выражением взглядов руководства Общества. Наше произведение отражает лишь наши личные взгляды на историю ДНБК, роль, которую играла и играет эта организация в жизни *будо*, на ее этическую и философскую основу. Официальным же изданием является уже упоминавшийся десяти томник «История *Дай Ниппон Бутокукай*».

Прежде чем приступить непосредственно к изложению этих взглядов, следует сделать некоторые пояснения, касающиеся, в первую очередь, японской терминологии. Авторы воспринимают *будо* как часть японской культуры, а не как разновидность рукопашного боя. Это заставляет нас более внимательно и уважительно относиться к японской традиции в целом, тем более, что сложившаяся обстановка требует внести ясность даже в название организации.

В своей работе мы придерживались принятой в СССР и современной России так называемой «поливановской» транслитерации японского языка, отличающейся от англоязычного воспроизведения японских текстов главным образом несовпадением отображения шипящих «си-ши» и «тё-чо». Большинство японских слов, названий и терминов мы выделили в тексте курсивом (например, *Дай Ниппон Бутокукай*), некоторые наиболее важные снабдили также иероглифическим чтением и отказались от попытки склонения их по правилам русского языка, за исключением слов, наиболее прочно укоренившихся в русском языке и требующих падежных окончаний в целях благозвучия (например, *Бутокусай*, а не *Бутокусае*, но

даны, данов и т. д.). Кроме того, в соответствии с принятой в японистике нормой, японские имена и фамилии приводятся по японским правилам: сначала фамилия, потом имя (например, Уэсиба Морихэи, где Уэсиба — фамилия, но не Морихэи Уэсиба).

Принципиально важные проблемы возникли в связи с этим при попытке адекватного перевода названия Дай *Nippon Бутокукай* на русский язык. Во-первых, несмотря на то, что наиболее точно передающим на русском языке специфику записи самого названия нам показался вариант, предложенный переводчиком и исследователем будо Ф. Кубасовым — *Дай-Nippon Бутоку-кай*, в целях унификации мы решили оставить общепринятый — *Дай Nippon Бутокукай*. Имеется, однако, еще один распространенный вариант записи, принятый в том числе в англоязычных источниках: *Дай Nippon Бутоку Кай* или *Dai Nippon Butoku Kai*. Но так как в тексте неоднократно приводятся названия других японских организаций, имеющих в конце названия слово *кай* — «общество», и записывающихся при этом, как по-русски, так и по-английски, обычно слитно (*Кокурюкай*, *Сококукай*, *Бутокукай* и т. п.), авторы сочли логичным применить это правило в общем случае — *Дай Nippon Бутокукай*. Кроме того, из двух вариантов названия Японии—*Нихон* и *Nippon*, не отличающихся друг от друга в иероглифическом написании (и то и другое — ВФ), нами был выбран более официальный и чаще применяемый в современном *Бутокукай* — *Nippon*.

Во-вторых, существующие варианты собственно перевода названия нашей организации поражают своим многообразием: от «Великого физкультурного общества Японии» до «Ассоциации спорта императорской армии». Не считая плюрализм положительным качеством в решении филологических вопросов и учитывая важность наиболее точного перевода названия не только по букве, но и по смыслу, нам пришлось сделать выбор между двумя наиболее распространёнными предложениями: «Общество Воинской Доблести Великой Японии» и «Общество Воинской Добродетели Великой Японии». Несложно заметить, что противоречие заключается в попытке адекватно перевести на русский язык слово *бутону* — «доблесть» или «добродетель»? «Большой японско-русский словарь» под ред. Н.И. Конрада (М.: Советская энциклопедия, 1966–1976) трактует *бутону* как «воинскую доблесть», но *току*—как «нравственность, добродетель». «Краткий русско-японский словарь» (М.: 1950) под ред. того же академика Н.И. Конрада не даёт перевода *бутону* вообще, определяет *току* как «добродетель», но зато переводит слово «доблесть» на японский язык как *юканса* , а «воинскую доблесть» как *бую* . Русско-японский словарь

«Кэнкюся» (Токио, 1988) называет «доблесть» — *юканса*, а «воинскую доблесть» — *букун*. Японскорусский словарь издательства «Коданся» (Токио, 2007) и Японско-русский словарь издательства «Сансэйдо» (Токио, 2002) переводят *току* как «нравственность, добродетель». Сопоставляя эти варианты, мы неизбежно приходим к выводу, что наилучшим переводом *бутону* на русский язык является «воинская добродетель», а наше представление о сути самой парадигмы *бутону*, приводимое в соответствующей главе книги, как нам представляется, полностью подтверждает эту версию.

Значительную часть исследования составили приложенные к основному тексту документы, переведённые главным образом с английского языка: отчёты, справки и донесения американских спецслужб, письма японских мастеров *будо* в Штаб оккупационных сил союзнической коалиции в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого века; а также перевод со старояпонского языка первого варианта Устава *Дай Ниппон Бутокукай*. Мы считаем, что знакомство с этими уникальными материалами существенно расширяет представления о реальной истории японских боевых искусств, являющейся сегодня в высокой степени мифологизированной.

Не меньшее значение имеют, по нашему мнению, примечания в конце книги. Авторы надеются, что эти примечания, как и источники, к которым мы отсылаем читателей, помогут более полно и правильно представить картину, на фоне которой развивались описываемые события, передать дух времени, эмоции и настроения героев описываемой эпохи. При этом, нам ещё раз хотелось бы особо подчеркнуть, что многие важные вопросы, такие как этика и философия *бусидо*, история самурайского сословия, общие сведения о японских религиях — всё то, что необходимо знать для правильного восприятия *будо*, как части японской культуры, не являются предметом изучения данной книги. Авторитетные исследователи прошлого, современные ученые и переводчики уже создали огромную исследовательскую базу. Малая часть ее указана в числе наших источников. Мы настоятельно рекомендуем ее освоить нашим читателям. Для того, чтобы избежать в своей жизни феномена эксплуатации мифа о «последнем самурае», с которого мы и начали нашу книгу, мы видим единственную возможность — наиболее широко и глубоко изучать историю, культуру и национальные особенности Японии, воспринимать *будо* через призму общекультурного подхода — только так и никак иначе.

Мы также сочли возможным отвести целую главу личным впечатлениям (впрочем, не только своим) от тренинга в *Дай Ниппон*

Бутокукай, так как, повторимся, данная книга не претендует на академичность и отражает наши личные взгляды, воспроизводит наши личные ощущения от увиденного, услышанного, пережитого. Наконец, мы горячо благодарим всех, кто помогал нам в создании этой книги: наших наставников из *Дай Ниппон Бутокукай* (Киото), друзей в Токио — доктора В.Э. Молодякова и Танака Такэюки, членов российского представительства *Дай Ниппон Бутокукай* Алексея Гржибовского, Сергея Лановенко, Владимира Лукина, главного редактора интернет-портала «Загадочная Япония» Анастасию Кальчеву и многих других людей, чьи советы были нам очень важны и чью помощь трудно переоценить. В книге использованы фотографии авторов, членов российского представительства Международного дивизиона *Дай Ниппон Бутокукай*, а также М. Мартыненко.

ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВА ВОИНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ ВЕЛИКОЙ ЯПОНИИ^[2]

Почтительно разъясняем:

Некогда божественный воин *Дзимму*^[3], прародитель императорского дома, установил мир в нашей стране и стал с любовью править всем её народом, заставив Воинскую добродетель Империи воссиять, не уступая солнцу.

С тех пор ему без перерыва наследовала череда мудрых императоров, правивших в согласии с веяниями времени и потребностями народа, чем даровали они стране нашей немало веков блеска и процветания. Пика же своего величия достигла наша страна в годы *Энряку*^[4], когда император *Камму*^[5], объединявший в себе добродетели мудрости, учёности и доблести, негодяев и смутьянов по всей стране покарал, а ужасных варваров за её пределами усмирил. Ещё перенес он столицу в Хэйан и, великими думами преисполнившись, Павильон Воинской добродетели при дворе соорудив, часто-часто собственной персоной туда пожаловать изволил.

В исторических хрониках зафиксирован указ от 3-го месяца 15-го года *Энряку*^[6], в котором кратко упоминалось о планах государя выбрать по всем провинциям людей, достигших высот в военном деле.

Император, высоко ценя Воинскую добродетель, всему народу мир даровать изволил. Подданные же в ответ на это лишь с ещё большим усердием стали изучать военное дело. Именно здесь лежат корни тысячелетнего Духа Ямато. Ужели можем мы относиться к нему без должного уважения?

После Обновления^[7], в 4-м месяце 28-го года Мэйдзи [1895], в связи с наступлением 1100-летней годовщины со дня перенесения столицы из Нагаока в Хэйан, в Киото устроили праздник, дабы почтить добродетели императора. Кроме того, был восстановлен Павильон Великого Предела^[8] как почтительный знак нашей памяти.

Его величество ныне правящий император [Мэйдзи^[9]] всё более и более приумножал Воинскую добродетель: в частности, возвёл он в Киото

святилище Хэйан-дзингу. Будучи весьма тронуты этим, мы при вашей, наших уважаемых единомышленников по всей стране, под держке, учредили Общество Воинской добродетели Великой Японии. Восстановив Павильон Воинской добродетели неподалёку от святилища, мы обязательно раз в год, собрав товарищей, проводим фестиваль, читаем лекции о боевых искусствах, почитаем добродетель богов, стараемся не забывать о духе патриотизма и благополучии Родины.

В последнее время, однако, нашими боевыми искусствами стали восхищаться во многих других странах. Наверное, дело в том, что они по достоинству оценили, как Его Величество Император заботится о том, чтобы Воинская добродетель достигла у нас расцвета, ранее невиданного, и воспитывает тем самым в нас — подданных — чувство братского единства, преданности и верности, трудолюбия и миролюбия. Тем не менее красота японского духа [*ямато дамасий*] — вещь, которую не так-то просто взрастить в короткое время. Так что учреждение нашего Общества состоялось не единственно по инициативе нас, недостойных: напротив, главной его причиной явилась насущная необходимость, проистекающая из реалий нашего времени. Поэтому мы горячо призываем благородных людей всей страны нашей, кто не чужд духу верности, отваги и героизма, не отказываться от изложенных здесь наших заветных мыслей, но искренне с ними согласиться и примкнуть к нам.

Представители основателей организации:

Ватанабэ Тиаки^[10], придворный младшего третьего ранга, 3-й степени

Мибу Мотооса^[11], придворный младшего третьего ранга, 2-й степени, граф

4-й месяц 28-го года Мэйдзи (1895)

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Символ нации

Каждый, кто хотя бы немного интересовался историей восточных единоборств, знает, что зарождение в Японии мощного военного сословия *буси* или самураев относится к VIII–X вв. В это время стало очевидно, что для укрепления границ государства, постоянно расширяющегося на восток и ведущего жестокие войны на выживание с коренным населением Японских островов — *айну*, а также для безопасности феодальных поместий необходимо создать крупные подразделения профессиональных воинов, способных решать поставленные перед ними боевые задачи быстро и эффективно. В определённом смысле и на определённом историческом этапе легендарных самураев вполне можно сравнить с былинными русскими богатырями, защищавшими пограничные рубежи Руси и, по возможности, отодвигавшими их всё дальше и дальше, а в более поздний период — и с казаками, первоначальная задача которых также заключалась в охране и освоении приграничья, и которые тоже постоянно привлекались для участия во внутренних вооружённых конфликтах России в качестве профессиональной военной силы^[12].

Именно тогда — в эпоху зарождения и перспективного роста самураев, в 794 г. н. э., в только что выстроенной японской столице Хэйан-кё — будущем Киото властью императора *Камму* был основан первый Павильон Воинской добродетели—*Бутокудэн* — с тем, чтобы развивать военные искусства и оттачивать боевое мастерство дворцовой охраны и провинциальных самураев. Известно, что 5 мая 818 г. н. э. по указу императора Сага в *Бутокудэн* была проведена церемония *ябусамэ* — стрельбы на скаку из лука. Это стало началом формирования официально поддерживаемых на самом высоком уровне демонстрации национальных воинских традиции. С тех пор на протяжении всей истории Японии *Бутокудэн* остаётся главным центром обучения всем видам боевых искусств.

С конца XI в. усиление класса воинов, в целом уже сформировавшегося экономически и политически, воинов, обладавших высокоразвитыми навыками ведения боя, явилось доминирующим фактором, определившим весь дальнейший ход японской истории. С профессиональной же точки зрения самураи обучались *татиути* — искусству боя с мечом, *содзюцу* — бою с копьем, *нагинатадзюцу* — владению японской алебардой, *кюба-но мити* — искусству конного

лучника), а также другим известным в то время способам ведения боя^[13].

В феодальной Японии более позднего периода — конца XIV в. — начала XIX в. самураи развивали уже комплексные формы военных техник — *сого будзю-цу* — с использованием разного рода оружия, доспехов и различных боевых принадлежностей. Широкое распространение получили *рюха будзюцу* — специализированные, профильные школы боевых искусств, совершенствовавшие собственные уникальные методы боевой стратегии, теорию военных действий и прикладные методики боя. *Буси*, ставшие к тому времени правящим сословием^[14], в силу своих профессиональных обязанностей и призвания почти полностью посвятили свою жизнь развитию боевых навыков высокого порядка и служению культуре военной доблести. В Японии XV — начала XVII в., а особенно в период *Сэнгоку-дзидай* — так называемую «Эпоху воюющих провинций» (1467–1568), получили развитие комплексные системы *хэйхо* или боевой стратегии — *хёхо*.

В 1603 г. в стране установилось военное правление *сёгунов*^[15] дома Токугава, продолжавшееся до 1868 г. При режиме военного правительства — *бакуфу* — сражения, до того времени непрерывно терзавшие Японию, практически прекратились, но класс самураев на протяжении всех последующих двухсот шестидесяти лет старался поддерживать традиционный дух в занятиях боевыми дисциплинами, надеясь таким образом сохранять в своих рядах высокую боевую готовность, реальная потребность в которой сошла на нет. В это время *буси* начали считаться не только высшим слоем, элитой общества, но и эталоном морального превосходства, «идеальными людьми», неукоснительно следующими законам своеобразного кодекса этики самураев — того, что было осмыслено, систематизировано и со временем явлено миру как *бусидо*, или Путь воина.

В никогда не формулировавшихся точно и сжато, но тем не менее понятных всем японцам заповедях *бусидо* особое внимание всегда уделялось полному подчинению строгим правилам поведения и образу жизни, глубокому пониманию и искреннему восприятию идеалов чести, верности, отваги, ответственности, сыновнего почтения, самопожертвования, единения, дисциплины, сочувствия в соединении с высочайшим боевым духом. При этом конкретные цели и объекты поклонения, ради которых самурай «взваливал» на себя груз *бусидо*, со временем менялись. Основной конфликт разгорался между разными проявлениями чувства долга: с одной стороны, перед своим

непосредственным хозяином, что на философском уровне обосновывалось широко распространенными и популярными в среде воинов нормами конфуцианской добродетели. С другой — перед высшим сюзереном — императором, что, в свою очередь, теснейшим образом было связано с культом *синто*—первоосновой японского восприятия окружающего мира и определения своего обособленного места в нём.

С таким специфическим способом мышления и мировосприятия *буси* продолжали совершенствовать искусство боя с мечом и другие известные тогда военные дисциплины. В период правления Токугава возникли и получили распространение множество различных школ боевых искусств — *рюги-будзюцу*, каждая из которых заявляла о своем превосходстве и особой боевой доблести. В то же самое время из-за прекращения войн самураи неизбежно превратились в класс, функциональное существование которого и совершенствование *будзю-цу* не могло быть оправдано реальными потребностями ситуации. В результате многие мыслители той эпохи были обеспокоены привилегированным положением класса воинов в обществе, которое уже не очень-то в них нуждалось с практической точки зрения, и пытались найти обоснование такого положения.

Одним из этих мыслителей был Ямага Соко, влиятельный философ периода *Гэнроку*^[16], основатель школы военной стратегии *Ямага-рю* и сторонник классического обучения — *когаку*. Он являлся учеником Хаяси Радзан, японского философа неоконфуцианского толка, советника первых трёх сёгунов династии Токугава, и имел большое влияние на самурайскую элиту того времени. Не случайно кисти Ямага Соко принадлежит одна из первых попыток изложения идей, впоследствии получивших известность как *бусидо*. В определённом смысле он стал и идейным вдохновителем мести сорока семи *ронинов* — самураев, оставшихся без хозяина, во главе с Оиси Ёсио, который являлся его учеником. Эта самая известная история, ставшая легендой, иллюстрирует идеалы самураев токугавской Японии и до сих пор служит «учебным пособием» по воспитанию самурайского духа преданности^[17]. Размышляя о роли *буси* в обществе, Ямага Соко писал: «Самурай потребляет пищу, не выращивая ее, использует утварь, не изготавливая ее, получает доход, не покупая и не продавая. Чем оправдать все это? Самурай ничего не выращивает и не производит, он также не занимается торговлей, но не может быть, чтобы у него не было совершенно никаких функций». Отвечая на этот вопрос, Ямага Соко писал, что отныне самурай более не должен быть лишь воином. У него более высокое предназначение: служить образцом добродетели и символом всей нации.

Именно такое понимание роли самурайского сословия повлекло за собой значительные изменения в сущности воинских искусств, со временем воплотившихся в оформлении их нового типа — будо.

Кроме того, исключительно сильное влияние на формирование духа современных воинских искусств оказало малоизвестное сегодня среди любителей японских единоборств философское течение ёмэйгаку — так называемая «школа интуиции» — восходящее к учению китайского философа Ван Янмина — Оёмэй. Сегодня популяризаторы японских будо не любят вспоминать о всепоглощающем увлечении ёмэйгаку, которое охватило едва ли не всех представителей самурайского сословия в период бакумацу^[18] (яростным почитателем этого учения был генерал Сайго Такамори, которого тогда не называли иначе как «Великий Сайго»), и которое в очень значительной мере сохранилось в духе будо до наших дней.

Оригинальным лозунгом ёмэйгаку было «знание — начало действия, действие — завершение знания», что на практике выливалось в решительное следование первоначальному импульсу, интуиции. Интуиция, дух, внутренняя сущность человека, выражавшаяся в иррациональной решимости в противовес рациональному размышлению, являлись для последователей ёмэйгаку главным и естественным, врождённым мерилom или, выражаясь современным языком, «ценностным индикатором» всех вещей. Соответственно, и действия на основе «знания» должны были быть мгновенными, спонтанными и точными. В сочетании с философией дзэн эта концепция была и остаётся исключительно ценной для всех адептов будо, так как отражает принцип мгновенной и единственно правильной реакции на атаку противника. Духовный наставник многих мастеров меча патриарх дзэн Такуан Сохо в своих «Вечерних беседах в храме Токайдзи» называл этот феномен «первородным умом» — хансин и говорил о нём, отделяя от эмоций — какки: «Всё, что вы делаете, делайте от всей души. Это и есть хансин. Если же вы сомневаетесь, действовать или не действовать, это какки. Прилежно делайте то, что вы желаете делать, и не делайте того, в чём вы не уверены. Глубоко осознанные желания исходят от первородного ума, в то время как неуверенность — это проявление эмоций»^[19].

Нетрудно заметить, что ныне поверхностное знакомство со странным сплавом дзэн и Оёмэй вызывает искреннюю симпатию у представителей русской культуры, отождествляющих нередко его с концепцией «делай что должно, и будь что будет», восходящей то ли к Бхагавад-гите, то ли к латинским мудрецам. У наследников западной — протестантской традиции

этому чувству нередко мешает непонимание и внутренне неприятие глубоких философских и религиозных основ «движущей силы» будо. Это естественно. По выражению выдающегося японоведа-компаративиста профессора А.А. Долина, «религиозный характер духовного поиска, преобладание иррационального над рациональным всегда составляли отличительную черту русской философии, которая, в отличие от философии западной, была не отвлеченным теоретизированием, а скорее *руководством к действию*, практическим пособием по социологии, учебником по самосовершенствованию, исправлению личной и общественной жизни — но без конкретных социальных ориентиров. В этом смысле многие работы русских философов конца XIX — нач. XX в. имеют немало общего с синтетическими восточными учениями.»^[20] Ориентированным на поиски практической пользы абсолютно во всем и лишь время от времени соглашающимся отведать восточной экзотики, как говорил О. Генри, «вкусить лотоса», европейцам и американцам такие пассионарные метания *ёмэйгаку* представляются излишними и непонятными. Для русских же это еще одна, дополнительная линия, роднящая души двух народов.

В реальной жизни идеи *ёмэйгаку* стали духовной основой движения молодых, амбициозных, но небогатых и незнатных самураев юго-западных княжеств против феодального режима *сёгуна* в середине XIX в. Это движение привело их к победе, так как наиболее полно отражало внутреннюю сущность революционных преобразований. Однако оно не могло эффективно работать в условиях эволюционного развития государства, после достижения триумфа, когда для закрепления успеха требовался анализ, а не интуитивная реакция на события. Как тут не вспомнить пушкинское определение русского бунта — «бессмысленного и беспощадного»? Вот и в Японии *ёмэйгаку* постепенно стало делом «вечных революционеров» — основателей и сторонников тайных обществ, самураев-пассионариев и фанатичных военных националистов. После установления нового режима смены строя, после революции, когда великая цель их подпольной деятельности была достигнута, они естественным образом стали маргиналами в новом обществе. В области боевых искусств *ёмэйгаку* также оказалось изрядно потеснено. Прежде всего, это произошло на ниве *дзюдзюцу*, поскольку основатель его самой авторитетной школы — *дзюдо* — доктор Кано Дзигоро был скорее противником, чем сторонником учения Ван Янмина, и в своей деятельности полагался на анализ, использование достижений западной науки и восточного опыта, на трезвый расчёт и тщательно обдуманые идеи, планы и методики. Но пока до этого

было ещё далеко.

Правление правительства Токугава подошло к концу 9 ноября 1867 г., когда 15-й сёгун династии Токугава — Ёсинобу «передал свои полномочия в распоряжение Императора» и 10 дней спустя ушел в отставку. Этот государственный переворот и последовавшие за ним преобразования по названию годов правления императора Муцухито получили название *Мэйдзи Исин* — Реставрация *Мэйдзи*. Вскоре после этого, в январе 1868 г., началась война *Босин*^[21], оказавшая значительное влияние на дальнейшее формирование духовной составляющей будущих боевых искусств и давшая самые замечательные примеры самурайского духа посттокугавской эпохи. Эта война, запечатлённая в сотнях японских фильмов и американском блокбастере «Последний самурай», закончилась в 1869 г. фактическим прекращением существования самураев как сословия.

Указом 1871 г. было объявлено о роспуске самурайских дружин и отмене их сословных привилегий. С 1872 г. *буси* де-юре становились рядовыми гражданами, не имеющими никаких исключительных прав. Новое правительство приступило к проведению широкомасштабных преобразований, в ходе которых были упразднены многие феодальные институты, особенно те, которые наследственное право ставили выше личных заслуг, — это было неприемлемо для общества, остро нуждавшегося в притоке свежих сил. Естественно, таким образом был нанесён серьезнейший удар по школам традиционных единоборств, полностью существовавших в мире сословных традиций. Как только самураи окончательно деклассировались, все виды военного искусства немедленно пришли в упадок. Наставники *будзюцу* отказывались брать учеников, не видя в этом никакого смысла. Заниматься воинскими ремеслами продолжали буквально единицы, вызывая этим едва ли не всеобщее неодобрение, как противники прогресса и официальной линии государства. Если ранее обучение в *додзё* — залах для занятий *будзюцу* — являлось обязательным элементом образования каждого самурая, то теперь, с упразднением самого воинского сословия, многие классические школы, лишившись своей социальной базы, прекратили своё существование или же вынуждены были сменить места дислокации. Это было время, когда прославленным в прошлом наставникам воинских искусств приходилось устраивать публичные демонстрационные состязания по боевым искусствам за площадку риса — просто, чтобы не умереть с голода.

Первое такое шоу — *гэкикэн когё* — в течение 10 дней, начиная с 11 апреля 1873 г., организовал и провел в токийском районе Асакуса один из крупнейших мастеров меча того времени, лицензированный наставник

школы *Дзикисинкагэ-рю* Сакакибара Кэнкити.

Под его руководством лучшие фехтовальщики Токио взялись за деньги демонстрировать свое умение у ворот знаменитого храма Сэнсодзи на набережной Саэмон, и вскоре такая практика стала традицией. Поучаствовать в шоу приглашались и зрители, но прежде всего это всё-таки были выступления мастеров меча высокого класса — настоящих профессионалов, вынужденных заниматься необычной для себя практикой ради выживания. Существует много разных мнений по поводу того, насколько оправдан был поступок Сакикибара Кэнкити с точки зрения самурайской морали, а также о том, насколько сильно повлиял элемент шоу на становление внешнего стиля разных видов фехтования — *иайдо* и *кэндо*, но этим вопросам, видимо, навсегда суждено остаться дискуссионными. Тогда же — в 1873 г. — было ясно одно: публика хотела зрелищ, мастера *будзюцу* — хлеба, и соединение спроса и предложения дало поразительный эффект. Вскоре в одном только Токио действовало около сорока подобных шоу-площадок, на которых демонстрировались практически все известные направления единоборств: *кэндзюь^у*, *нагинатадзюцу*, *баттодзюцу*, *дзюдзюцу* и так далее.

Разумеется, закон влияния изменил количества на качество сработал и здесь: чем больше становилось таких шоу, тем ниже был их уровень. Постепенно сводясь к балаганным, подобные представления быстро насытили столичный рынок, и многие бывшие самураи занялись «чёсом» в провинциях, где интерес к недоступным простым людям воинским единоборствам был еще достаточно высок. Несмотря на то, что вскоре *гэкикэн когё* были запрещены в Токио — балаганная атмосфера в сочетании с напоминанием о феодальных устоях старой Японии противоречила духу нового времени, они успели распространиться по всей стране, и, по мнению многих экспертов, внесли свой, весьма значительный вклад в дело спасения национальных боевых искусств.

В 1895 г. триумфом для Токио закончилась Японокитайская война^[22]. Кроме позиционирования Японии в мировой политике как государства, с которым нужно считаться, она, вкуче с рядом других факторов, создала в стране благоприятную среду для роста националистических настроений. Как следствие, на этом фоне вновь пробудился чуть было не исчезнувший массовый интерес к *будзюцу*. Строго говоря, *кэндзюцу* было спасено от вымирания еще раньше — в 1880 г. было введено обязательное обучение бою на мечах в полиции (в армии и на флоте *будзюцу* были вытеснены в тот период европейскими фехтованием и гимнастикой). Этому также способствовала обстановка в стране, возникшая после подавления

восстания «великого героя» Сайго Такамори, когда Японию буквально захлестнул бум популярности только что разбитых и расстрелянных правительственными войсками (а потому уже и неопасных) мятежных фехтовальщиков, равно как и небольшого Отряда обнаженных мечей — Баттотай, воевавшего на противоположной стороне.

В апреле в Симоносэки был заключен мирный договор между Китаем и Японией. Отношение к только вчера считавшимся маргинальными боевым искусствам менялось кардинально на фоне роста националистических и милитаристских настроений. Одновременно с празднованием победы над Китаем, в Киото, в рамках 4-й национальной выставки — своеобразной японской ВДНХ, прошли масштабные показательные выступления мастеров различных боевых искусств, съехавшихся туда со всей страны. Демонстрации явились удобным поводом для создания всеяпонской организации, которая могла бы объединить интересы государства, преподавателей боевых искусств и их адептов, поставив в основу своей деятельности реорганизацию, систематизацию и пропаганду существующих систем *будзюцу* с целью подъёма национального самосознания, патриотизма, воспитания особого японского духа, основанного на идеалах *буси*, и, конечно, оздоровления нации. Проще говоря, в условиях возрождения самурайского духа нужна была организация, демонстрирующая на практике его идеалы, необхо-

димо было создать элитный орден самураев — воинов, пусть не всегда по происхождению (эта тема скромно замалчивалась), но всегда по духу. Идея о ее создании витала в воздухе. Неудивительно, что вскоре она была сформулирована группой высокопоставленных чиновников и предпринимателей, в числе которых были глава токийского полицейского управления Сасакаи Кумата-ро, шеф киотской налоговой службы Торими Хиротакэ, хозяин одного из крупнейших японских универмагов «Такасима» Иида Синсити и другие, как сегодня сказали бы, «представители власти и бизнеса». Такая организация вскоре появилась, но, прежде чем рассказать о начале её пути, стоит несколько слов посвятить одной из причин её будущего влияния и авторитета.

В знаниях — сила

В том же 1895 г. по всей Японии праздновалось 1100-летие переноса столицы в Хэйан (Киото). В память о правлении основателя древнего города императора *Камму* было решено вновь, по примеру одноименного древнего зала, располагавшегося на территории императорского дворца, построить в Киото *Бутокудэн*, но уже на новом месте. Выбор пал на святилище Хэйан-дзингу — огромный синтоистский храм, посвящённый памяти императора Камму и выполненный в виде уменьшенной на треть копии старого императорского дворца, в центре которого был возведён главный павильон — *Дайкёкудэн*. Вот как описывал это событие его очевидец — европейский журналист и истовый японофил Лафкадио Хэрн: «Город великих храмов обогатился двумя зданиями, которые, наверное, никогда еще не были превзойдены за всё тысячелетнее существование города... Произведение, призванное к жизни правительством, называется Дай-Кёку-Дэн и построено в память восшествия на престол Камму-Тэнно, пятьдесят первого императора Японии и основателя святого города. Духу этого императора и посвящено Дай-Кёку-Дэн: таким образом, это синтоистский храм и самый прекрасный из всех них. Но, несмотря на это, его архитектура совсем не синтоистская, это скорее точная копия первоначального дворца Камму-Тэнно... Возвышенный дух Камму-Тэнно мог бы порадоваться таким восхитительным воскрешениям прошлого при помощи архитектурной магии»^[23]. На обширной территории «фантастического храма» и нашлось место для размещения весьма комфортабельного по тем временам «многофункционального центра» боевых искусств с залами для занятий *дзюдзюцу*, *кэнддзюцу* и галереей для *кюдзюцу*.

17 апреля 1895 г. в Киото по поручению императора Мэйдзи было официально объявлено о создании Общества Воинской добродетели Великой Японии — *Дай Ниппон Бутокукай* — со штаб-квартирой организации в Хэйан-дзингу. Решение было поддержано выдающимися наставниками боевых искусств Японии, ведущими социально-политическими деятелями страны, а также, что было особенно важно, Министерством образования. Несмотря на свое вполне «гуманитарное» название, это ведомство стало одним из ключевых в эпоху Мэйдзи и распространило свое влияние на все сферы японского общества. В его недрах в значительной мере определялась внутренняя, а в определённом

смысле и внешняя, политика государства.

В том, что именно образование помогает эффективно строить будущее, японцы никогда не сомневались, а потому соответствующее ведомство стало важнейшим проводником в жизнь новой идеологии Японии. Первое десятилетие после Реставрации Мэйдзи власти вырабатывали свой взгляд на систему воспитания подрастающего поколения, тщательно увязывая его со строящейся государственной политикой, религией, создаваемой на базе синто новой национальной идеей, базирующейся на принципах *кокутай*, божественного происхождения Японии. Что это значит? *Кокутай* (буквально «государственный организм») называлось учение, разработанное в первой половине XIX в. так называемой «школой Мито» — группой националистически настроенных ученых, и очень скоро ставшее официальной идеологической и правовой доктриной мэйдзийской Японии. В соответствии с ней существует специфически японская национально-государственная общность — *кокутай*, объединяющая в единое живое целое на первом уровне — мир богов *коми* и императора, как первосвященника *синто*, на втором — японский народ (потомков богов), и на третьем — Японские острова (творение богов).

Теория *кокутай* утверждала существование исключительного японского феномена — уникального и неповторимого, тем самым одновременно как бы отказывая другим государствам в праве на «органичность» и видя в них лишь «механизмы». Уникальность *кокутай* и мнимая необходимость его распространения в Азии стали основой японской националистической идеологии в первой половине XX в. В качестве главных доказательств этой уникальности использовались такие популярные еще с XIV в. аргументы, как существование «непрерывной в веках» династии императоров божественного происхождения^[24], и то, что территория Японии никогда никем не завоевывалась, — в этом она решительно противопоставлялась остальному миру. Например, в 1941 г. правовед и видный идеолог национализма Хиранума Киитиро (1867–1952), бывший в то время министром внутренних дел, заявлял: «Японское государственное устройство не имеет аналогов в мире... В других странах династии основывались людьми. <.. > И лишь в Японии престол унаследован от божественных предков. Династии, созданные людьми, могут погибнуть, но трон, основанный богами, неподвластен воле людей»^[25]. Богоизбранность, непогрешимость и уникальный дух стали идеологией японской нации на долгие десятилетия. Идеи *кокутай* нашли воплощение и в новой трактовке *бусидо*. Видный современный политолог и

японоведа, профессор университета Такусёку (об этом вузе ещё пойдет речь в дальнейшем) В.Э. Молодяков, размышляя о идеологии *кокутай*, точно подметил, имея в виду именно мэйдзийские времена: «В этике *бусидо* воплотились те же принципы, что и в учении о *кокутай*: единство божественного императора и его богоизбранных подданных; священный характер связывающих их семейных и “более-чем-семейных” уз; безграничная доброта императора к подданным и их безграничная ответственность перед ним; “небесное предназначение” или “небесная миссия” (*тэмэй*) японской нации в следовании “путем богов” (*синто*) и “императорским путем” (*кодо*) (это понятие приобрело особое значение в 30-е годы XX в.). Кульминационным моментом жизни японца в соответствии и с *кокутай* и с *бусидо* провозглашалось принесение своей жизни в жертву императору и богам, в чем проявлялись и долг, и любовь, и ответственность, и верность»^[26].

В эпоху Мэйдзи, да и позже, «на острие атаки», в авангарде насаждения *кокутай* находилось Министерство образования Японии. По оценке Донна Дрэгера, к середине 1880-х гг. система просвещения в этой стране превратилась «из разрозненно существовавших отдельных программ обучения, направленных на воспитание всесторонне образованных граждан, в стандартную национальную систему, поставляющую умелых работников для нужд армии, флота, промышленности и сельского хозяйства. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию, что, как ожидалось, должно оградить японских граждан от влияния западной культуры и заменить ее тлетворное влияние благотворно воздействующей на них собственной, японской культурой. Эти изменения свое высшее выражение нашли в императорском рескрипте по образованию, изданном в 1890 г., где особо говорится о социальной гармонии, а преданность императору преподносится как добродетель»^[27].

Зная всё это, совсем не удивительным, а, наоборот, абсолютно закономерным представляется тот факт, что министром образования в эту критическую для Японии эпоху стал бывший самурай из воинственной Сацумы^[28] — княжества, давшего стране главных героев той поры, Мори Аринори (1847–1889). Кто еще мог так уверенно и точно связать этику *бусидо* с философией *ёмэйгаку*, концепцией *кокутай* и воспитанием нации, как не бывший сацумский *буси*? Это ему принадлежат и сегодня еще актуальные слова о том, что «японские школы созданы на благо нации, а не учащихся». Естественно, что для самурая в душе и по воспитанию,

каковым, безусловно, оставался Мори Аринори и на своем гуманитарном посту, важнейшей частью взращивания идеального человека как элемента *кокутай* являлась физическая подготовка в уникальных японских традициях. Эта идея стала мощным толчком для развития популярности *будзюцу* у молодёжи: *сумо*, *кэндзюцу*, *дзюд-зюцу* и *нагината-дзюцу* вошли в программу обучения в средних школах по всей стране. И не только в школах: в 1877 г. в японской столице распахнул свои двери первый и до сих пор самый престижный в Японии университет — Токийский императорский. В течение следующих 25–30 лет университеты были открыты по всей стране, и вскоре именно они стали основной «кузницей кадров» для подготовки будущих и любителей, и профессионалов *будо* в Японии. Позже, когда особую популярность в Японии набрало *каратэ*, его оплотом стали именно университеты. Появился даже особый его вид — так называемое «студенческое *каратэ*» *Вадо-рю*. А один из университетов — Колониальная школа Тайваньского общества, ныне университет Такусёку (*Такусёку дайгаку*), выпустил из своих стен едва ли не всех сегодняшних гранд-мастеров *будо*^[29]. Ректором же *Такусёку дайгаку* на рубеже веков — как раз в эпоху формирования всех современных школ *будо* — был доктор Нитобэ Инадзо, автор классического трактата о самурайской душе «Бусидо. Дух Японии». Большинство питомцев доктора Нитобэ трудились на оккупированных территориях — на Тайване, в Корее и Маньчжурии, и, естественно, именно они являлись главными выразителями идей *кокутай*, по сути — проводниками японского национализма^[30].

Элитарный же Токийский императорский университет окончил в свое время будущий основатель *дзюдо* Кано Дзигоро (1860–1938). Нет никаких сомнений в том, что во многом влияние молодого и талантливого преподавателя, выпускника Токийского императорского университета, на историю *будо* было так велико и потому, что в 1885 г. он занимал важное положение в университете Гакусюин — «школе пэров» Японии, в котором учились, да, кстати, и сегодня учатся, отпрыски высшей знати, включая всех представителей императорской фамилии. Развивая карьерный успех и грамотно выстраивая отношения с Министерством образования, используя свои педагогические и организационные таланты и умело сочетая стремление к западничеству и тягу «к корням» у японской элиты, либерал-западник Кано основал также привилегированный лицей для тяготеющих к прогрессу детей мэйдзийской аристократии, что не могло не сказаться на отношении к нему, например, полицейского начальства при выборе базовой школы *дзюдзюцу* для преподавания в полиции.

Мы сознательно уделили так много внимания роли Министерства образования и идеологии *кокутай*, как историческим реалиям эпохи зарождения *будо*. Без понимания влияния этой роли на жизнь японского общества трудно осмыслить масштабы того события, которое произошло в 1895 г. в Киото. Поддержка Министерства образования гарантировала особый, государственный статус *Дай Ниппон Бутокукай*, способствовала проникновению идеологии организации, а по сути, фило-

Софии *будо*, в общую идеологию мэйдзийской Японии и наоборот. Кстати, именно в тот период японцы начали официально называть свою страну не просто Японией — *Нихон*, но Великой Японией — *Дай Ниппон*. Сегодня этот фразеологизм практически забыт в живом японском языке и сохранился только в истории, да среди живых ее коллективных носителей — организаций, сохранивших отчасти дух ушедшей эпохи. Таков «орден последних самураев» — *Дай Ниппон Бутокукай*.

Элитный орден самураев

Официальные торжества по празднованию 1100-летия переноса столицы проходили в Киото с 22 по 24 октября 1895 г., но различные праздничные мероприятия, посвященные этому событию, продолжались вплоть до конца ноября. Первый в современной истории фестиваль боевых искусств—*Бутокусай* был открыт 25 ноября, после чего демонстрации различных боевых искусств проходили на протяжении еще трёх дней. В первом празднике приняли участие около тысячи мастеров воинских искусств—*бугэй* со всей страны. Прошли демонстрации *кэндзюцу*, *дзюдзюцу*, *содзюцу*, *кюдзюцу* и других видов единоборств, в том числе соревнования по *кэндзюцу* и *дзюдзюцу*, в которых приняли участие 320 человек.

Тогда же — во время первого Всеяпонского фестиваля — было положено начало традиции проводить *Бутокусай* каждый год (позже время проведения было перенесено на апрель — май, когда в Японии идет череда праздников, один из главных среди которых День мальчиков (5 мая), в *Бутокудэн*. Впрочем, и другие массовые показательные выступления и семинары по *будзюцу* считаются с тех пор и по сей день наиболее престижными и соответствующими духу *будо*, если проводятся в *Бутокудэн* — став главным *додзё Дай Ниппон Бутокукай*, он привлёк наиболее известных мастеров боевых искусств со всей страны^[31]. Здание в классическом японском стиле размером 36,2 на 27,15 метра обошлось Обществу в крупную по тем временам сумму — 43 000 йен, но оно до сих пор остается визуальным символом японских *будо*. Полностью строительство нового здания Павильона Воинской добродетели было завершено в марте 1899 г., и эту дату можно считать временем окончательного оформления структуры Общества Воинской добродетели Великой Японии.

Указом императора Мэйдзи первым главой *Дай Ниппон Бутокукай* был назначен генерал императорской армии, покровитель спорта и физкультурного движения, принц Комацу-но мия Акихито (1846–1903) известный также как принц Хигасифусими Ёсиаки, великолепный памятник которому стоит сейчас в токийском районе Уэно. Президентом Ассоциации стал Ватанабэ Тиаки, губернатор столичной префектуры Киото, а вице-президентом — Мибу Мотои, настоятель храма Хэйан-дзингу, на территории которого был построен новый *Бутокудэн* и где

расположилась штаб-квартира (*хонбу*) *Дай Ниппон Бутокукай*.

С самого начала Общество уделяло особое внимание пропагандистской и воспитательной работе. В целях увековечивания заслуг наиболее выдающихся мастеров боевых искусств, глубоко понимающих суть *бутоку*^[32], а также для их поощрения были введены два вида медалей за заслуги перед *Дай Ниппон Бутокукай*: *Юкосё* («Медаль за великие дела») и *Сёдзё* («Медаль за выдающиеся успехи») ^[33]. В статуте этих медалей было особо оговорено, что о тех членах ДНБК, которые были награждены *Юкосё* или *Сёдзё*, будут написаны официальные биографии, излагающие их доблестные деяния, а затем эти биографии будут помещены в *Бутокудэн* и сохранены для грядущих поколений.

В июне 1902 г. в *Дай Ниппон Бутокукай* произошло ещё более важное событие. Состоялось решение о присвоении первых почетных званий мастерам *будо*, для чего была учреждена система из трех ступеней:

— *Сэйрэнсё* — «свидетельство о закалке» (*сэй-рэн* — «выплавление, закалка»); позднее этот ранг был заменен на *рэнси* — «тренирующийся, закаляющийся воин». Впервые эти титулы были присуждены еще на первом фестивале — *Тайкай* в октябре 1895 г. в Киото пятнадцати высококлассным фехтовальщикам, отобранным из 386 претендентов: Исияма (*Нито-рю*), Хагивара (*Дзикисинкагэ-рю*), Хара (*Тэндзи-рю*), Токуно Сэкисино (*Дзикисинкагэ-рю*), Окамура Саконта (*Дзикисинкагэ-рю*, *Синнитто-рю*), Кагава (*Муто-рю*), Ёсида (*Сэйтоку тайси-рю*), Нэгиси Сигоро (*Синто мунэн-рю*), Умэдза-ки (*Синкагэ-рю*), Мацудзаки Намисиро (*Синкагэ-рю*), Такаяма Минсабуро (*Дзикисинкагэ-рю*), Мамия (*Оно-ханитто-рю*), Коминами (*Муто-рю*), Абэ (*Дзикисинкагэ-рю*), Мицухаси (*Мусаси-рю*). Впоследствии награду *сэйрэндзё* заслужить было еще сложнее. История сохранила для нас такие пропорции: 1895—386/15; 1896—472/15; 1897-482/6; 1899—766/8; 1900—493/7; 1901—825/8.

— *Кёси* — «наставник воинов» — звание присуждалось за особые достижения в преподавании *будо*. Весьма желательно было, чтобы его обладатель имел реальный боевой опыт. Первоначально *кёси* получали символическое жалованье — 20 йен за свой титул, но позже эта практика была отменена. Первыми *кёси* стали четыре человека, но, к сожалению, мы пока не знаем их имен.

— *Ханси* — «служащий идеалом», «образцовый муж», «опытный фехтовальщик». Для получения этого ранга претендент, помимо всего прочего, должен был достичь и определенного возраста (первоначально это была ступень в 60 лет, хотя данное правило было нарушено в 1913 г., когда

ряд фехтовальщиков, включая Наито Такахара и Такано Сасабуру, получили их, будучи несколько моложе, а в наше время титула ханси *Дай Ниппон Бутокукай* можно удостоиться только по достижении 55 лет), и всего их за всю историю Дан *Ниппон Бутокукай* насчитывается лишь несколько десятков человек. Жалованье ханси составляло 25 йен, а первыми обладателями этого титула стали семь человек: Исикава (*Иттोरю*, 74 г.); Такао (*Тёттю-рю*, 73 г.); Сибу (*Синто мунэн-рю*, 68 г.); Сакабэ (*Кёсин мёти-рю*, 66 г.); Ватанабэ (*Синто мунэн-рю*, 66 г.); Мицухаси (*Мусаси-рю*, 62 г.); Токуно (*Дзикисинкагэ-рю*, 61 г.)^[34].

Нельзя не отметить, что несколькими годами ранее один из «отцов-основателей» и наиболее авторитетных руководителей ДНБК Кано Дзигоро ввел у себя в «академии» *дзюдо Кодокан* другую, более тонкую, а потому лучше отвечающую вкусам молодёжи и иностранцев (что выяснилось, впрочем, значительно позже), систему поясов, мастерских и ученических разрядов (*данов* и *кю*). Интересно, что, по всей вероятности, оценка мастерства с помощью уровней — *данов* впервые появилась не в единоборствах на *татами*, а в противостоянии на доске для игры в облавные японские шашки—*го*. Это произошло в предмэйдзийскую эпоху — в период *сёгуната* Токугава. Уже с доски для *го* система *данов* попала в некоторые школы *будзюцу*, и только после этого профессиональный педагог доктор Кано позаимствовал и творчески развил её, сделав получение все новых и новых разрядов основной мотивационной схемой для всех, кто занимается японскими единоборствами.

Кано Дзигоро впервые присвоил начальные — первые *даны* (*сёдан*) своим ученикам еще в 1883 г., вскоре после открытия *Кодокан*, так что в *Дай Ниппон Бутокукай* дзюдоисты пришли уже со своей, устоявшейся системой оценки знаний и мастерства. Неудивительно поэтому, что на первых порах ДНБК, куца *дзюдо* вошло отдельной, но всего лишь секцией, и *Кодокан* довольно ревностно восприняли «ценностные» измерения друг друга. Сам доктор Кано поначалу так прокомментировал ранговое несоответствие с ДНБК в журнале «Дзюдо», издававшемся *Кодокан'*. «*Бутокукай* было позволено проводить аттестацию наставников и учителей, которую изначально проводили только в *Кодокан*. Однако *Бутокукай*, не ограничившись *дзюдо*, стало проводить аттестацию по данам в *кэндо*. *Кодокан*, будучи недовольным этой практикой и являясь единственным центром по присвоению *данов*, отныне намерен положить этому конец, поскольку это разрушает с таким трудом созданную систему степеней *дзюдо*. Нужно освободиться от этих вредных явлений... Я сам приложил много усилий для создания *Бутокукай*, сам воспитывал первых

энтузиастов этого дела. У *Кодокан* нет и не может быть никаких причин для того, чтобы испытывать враждебность по отношению к *Бутокукай*. Но организация *Бутокукай* не должна существовать только в Киото. Дзюдо *Бутокукай* должно представлять собой организацию мастеров дзюдо со всей Японии. *Бутокукай* не должно рассматривать *Кодокан*, которое создало японское дзюдо, как нечто чужое»^[35].

Сегодня, с высоты ста с лишним прошедших лет, кажется, что *Кодокан* всегда был самой важной и престижной организацией в мире боевых искусств Японии, а доктор Кано — единственной заметной величиной в руководстве ДНБК, но на деле это не так. Авторитет основателя дзюдо действительно был очень велик, однако Кано Дзигоро являлся лишь одним из целого ряда лучших наставников того времени, а *Кодокан* — одной из списка лучших школ. Проигрывая иной раз в сиюминутных, по сути своей политиканских, столкновениях с руководством ДНБК, мастер компромисса и прирождённый пиарщик Кано обошёл всех на «длинной дистанции». После того, как дзюдо стало видом спорта, сияние других будо заметно померкло, а с включением его в программу Олимпийских игр стало ясно, что никто из представителей мира японских единоборств уже не поднимется в ближайшее время до таких высот популярности. Одновременно отодвинулись в тень времен другие мастера, другие школы и организации. Следует понимать: это был нормальный исторический процесс и, рассуждая об эпохе становления современных будо, помнить, что столетие тому назад всё выглядело совсем иначе. Очень скоро участникам тех событий стало понятно, что ДНБК развивается более динамично, чем *Кодокан*, авторитет его внутри Японии становится заметно выше, чем у последнего. Да и сам Кано, «приложивший много усилий для создания *Бутокукай*», не мог отказаться от своего второго детища. Необходимо было найти устраивающее всех решение и, скрепя сердце, Кано не только признал право *Дай Ниппон Бутокукай* присваивать даны своим членам, но и сам участвовал в обсуждении возможности присуждения наиболее высоких степеней — 5-х данов — лучшим мастерам. В свою очередь, выдающиеся дзюдоисты с благодарностью и полным осознанием оказываемой им чести принимали титулы от более могущественного и влиятельного ДНБК. Фактически состоялся своеобразный «обмен» системой званий и рангов, который имеет место и сейчас — время показало, что это было и остается наилучшим выходом из ситуации.

К тому же некоторое противостояние в системе присуждения званий и рангов коснулось не только *Кодокан* и *Бутокукай*. Стоит отметить, что

основанный в 1878 г. *Кэй-ситё* — Столичный полицейский департамент — в Токио создал свою собственную систему *данов*, отличную от той, что пользовалась более молодые, но одновременно и более влиятельные *Кодокан* (1883) и *Бутокукай* (1895). Поскольку немало полицейских входили в структуру киотской организации, это неизбежно привело к конфликту, и правительство даже издало специальный декрет, запрещающий *Кэйситё* вмешиваться в дела *Дай Ниппон Бутокукай*. Однако опыт *Кэйситё*, создавшей в 1886 г. новую систему ученических разрядов — *кю*, также был учтен.

В 1912 г. в процессе обсуждения формальных комплексов по фехтованию — *кэндо-но ката Дай Ниппон Бутокукай* — было принято решение о об объединении рангов *дзюдо* и *кэндо*. Тогда же выдающиеся мечники Наито Такахару, Такано Сасабуро и Мона Тадаси получили ранг *ханси*, а в 1913 г. к ним присоединились более молодые (даже не достигшие пороговых 60 лет) Ямасита Ёсицугу, Исогаи Хадзимэ, Нагаока Хидэкадзу и Исикава Торасиро. С 1917 г. в *кэндзюцу* (с 1919 г. — в *кэндо*) начали официально использовать систему *данов*, аналогичную *дзюдо*. При этом максимальной степенью был 5-й *дан*, после чего уже присуждались только титулы *сэйренсё*, *кёси*, *ханси*. Степени выше 5-го *дана* начали присваиваться мастерам лишь в 1937 г. После войны в *Бутокукай* вернулись было к «пятидановой» системе, но с 1957 г. вновь перешли к *дзюдоистским* десяти *данам*. Интересно, что сейчас ряд федераций, например *кэндо*, не присваивают *даны* выше 8-го (хотя старые мастера, успевшие получить их в прежние времена, с достоинством носят более высокие степени отличия), а награждают титулами, заимствованными из *Дай Ниппон Бутокукай* — *ханси*.

Возвращаясь же к общей истории боевых искусств в Японии, стоит отметить, что особенно явственно влияние *Дай Ниппон Бутокукай* стало ощутимо несколько позже, когда ДНБК пришлось заниматься сертификацией нового большого направления в *будо* — *каратэ*. Первые демонстрации *каратэ*, давшие ему право на официальное существование, прошли в *Бутокудэн* в период с 1917 по 1923 г. Несмотря на то, что эти выступления, организованные первым и наиболее успешным пропагандистом нового искусства — выходцем с Окинавы Фунакоси Гитин, были не самыми удачными (странные телодвижения далеко не сразу впечатлили мэтров *Дай Ниппон Бутокукай*), *каратэ* всё же получило право на развитие. Перед самой Второй мировой войной ДНБК официально засвидетельствовало существование первых стилей: *сёто-кан*, *вадо-рю*, *годзю-рю*, *сито-рю*, разрешив их преподавание. Основатели и ведущие

наставники *каратэ* — Фунакоси Гитин, Мияги Тёдзюн, Мабуни Кэнва, Нагаминэ Тёсин и некоторые другие, будучи специалистами в других *будо*, были сертифицированы и по системе *данов*, и по системе рангов — практически все они стали *кёси* и вошли в исполнительные комитеты ДНБК и его филиалов.

Вообще, рубеж XIX–XX вв. можно смело назвать эпохой расцвета Общества Воинской добродетели. В это время его возглавляли ведущие мастера японских единоборств, поистине, лучшие из лучших мира *будо*. Например, Найто Такахару, наставник боя на мечях школы *Хокусин Иттोरю*, знаменитой своим воинским духом, был избран главой секции *кэндо*. Исогаи Хадзимэ, выдающийся представитель недавно появившегося, но уже самого авторитетного в своей области *дзюдо*, возглавил центр преподавания *дзюдо*, как только тот был открыт при *Дай Ниппон Бутокукай*. Во многом благодаря энергии и инициативе этих и многих других людей по всей стране активизировалось движение по возрождению *будзюцу*, и *Дай Ниппон Бутокукай* достигло высот своего развития.

ДНБК располагало и мощным административным ресурсом. По примеру префектуры Киото, губернатор которой Ватанабэ Тиаки вошёл в высшее руководство только что созданного Общества, все остальные регионы Японии сочли необходимым, чтобы первые лица префектур возглавили местные отделения *Бутокукай*. Правило о том, что формальным лидером *Дай Ниппон Бутокукай* является один из представителей императорской фамилии, также соблюдалось неукоснительно, а после того, как вице-президентами Общества избрали министра иностранных дел Аоки Сюдзо и экс-министра связи Оура Канэтакэ, на эту должность стали претендовать чиновники высшего ранга. Впрочем, время внесло в эту традицию одну коррективу. Виконт Оура покинул свой пост в связи с подозрениями в коррупции и, чтобы избежать такого в дальнейшем, с 1916 г. данный пост всегда занимали генералы императорской армии — люди, подозревать которых в коррупции было и неудобно, и странно — большинство из них уже вышли в отставку, а в реальных условиях тех лет — и небезопасно.

Образовывая — воспитывать

Авторитет *Бутокукай* в области *будо* становился непререкаем, и теперь важнейшей задачей стала работа на будущее: подготовка квалифицированных инструкторов, которые могли бы преподавать воинские искусства на самом высоком уровне в региональных отделениях ДНБК по всей Японии и в её колониях. Главным центром подготовки тренеров в начальный период деятельности *Бутокукай* явилась Школа обучения преподавателей *будзюцу* — *Будзюцу кёин ёсэйдзё* основанная в октябре 1905 г. Хотя страна переживала в те дни патриотический бум, вызванный грандиозной победой над Россией (завершивший войну Портсмутский договор был заключен 5 сентября), желающих стать профессиональными инструкторами *будо* было не слишком много — около 20 человек.

Вероятно, это было вызвано не самыми простыми условиями обучения в *Будзюцу кёин ёсэйдзё*. Диплом об успешном окончании этой школы вручали тем выпускникам, которые, пройдя полный курс обучения, продолжавшийся от одного до трех лет, успешно сдали экзамены, получив от 4-го разряда и выше. Учащиеся школы получали стипендию от штаб-квартиры *Дай Ниппон Бутокукай* в размере 6 йен в месяц — очень небольшие деньги даже по тем временам. Помимо двух ежедневных двухчасовых занятий по *будзюцу*, учащиеся должны были пройти курсы японского языка, *камбун* — китайского старописьменного языка, использовавшегося в Средневековье, в том числе для записи японских текстов, свитков *мокуроку* с изложением технического и философского наследия школ, а также курсы географии, истории, математики и английского языка.

К 1906 г. были открыты 39 отделений *Бутокукай* в различных регионах Японии. Каждое из отделений по примеру киотской штаб-квартиры строило свой Дворец Воинской добродетели и организовывало в нем семинары и фестивали боевых искусств, по-прежнему приурочивавшиеся ко Дню мальчиков. В мае же 1908 г. *Дай Ниппон Бутокукай* было реорганизовано и получило статус юридического лица. При этом его устав подвергся серьезной переработке. В частности, были учреждены Исполнительный комитет (*Ридзикай*) и Комитет постоянных членов (*Дзёгиинкай*), упорядочена система региональных представительств.

«Расширению популярности *кэндо* и *дзюдо* среди японцев в большой

мере способствовала и директива Министерства образования от 1911 г., когда *кэндо* и *дзюдо* стали обязательными предметами в средних школах на всей территории страны; все мальчики должны были заниматься той или иной дисциплиной. Это было первое официальное признание со стороны властей важности современных дисциплин [*будо*] в деле воспитания японских граждан»^[36]. Вслед за этим, в июле 1912 г. школа *Будзюцу кёин ёсэйдзё* была закрыта, но ее выпускники еще долго оказывали серьезное влияние на возрождение и развитие *будо*. Например, трое из 27 фехтовальщиков, прошедших полный курс обучения по *кэндзюцу* в *Будзюцу кёин ёсэйдзё* — *Мотида Сэйдзи*, *Накано Мунэсукэ* и *Саимура Горо*, — уже в послевоенный период были удостоены

Всеяпонской федерацией *кэндо* звания *ханси* и степени 10-й дан — высшей в *будо*.

После закрытия *Будзюцу кёин ёсэйдзё* ее заменило новое учебное заведение — *Будо сэммон гакко* — Специальная (профессиональная) школа *будо* или, сокращенно, *Бусэн*, основанная 18 сентября 1912 г. По рекомендации ведущих японских деятелей просвещения, в том числе автора «*Бусидо*» *Нитобэ Инадзо*, эта школа была задумана не как «техникум» по подготовке инструкторов *будзюцу*, которые должны были бы в будущем преподавать в префектуральных отделениях *Дам Ниппон Бутокутэй*, а как элитное, хотя и очень специальное, учебное заведение. Женатый на американке англофил *Нитобэ* мечтал о закрытом пансионе по типу английского *Итона*, выпускники которого смогут стать преподавателями в обычных школах и университетах. Планировалось, что в *Бусэн* будет два отделения — высшего среднего образования и педагогическое. Для поступления в школу абитуриент должен был иметь аттестат об окончании средней школы. Срок обучения был установлен в 3 года, на протяжении которых все студенты были обязаны жить в школьном общежитии. Слушатели (первый набор *Бусэн* составил 22 человека) были освобождены от оплаты и за обучение, и за проживание в общежитии, находясь на казенном коште и внося лишь небольшую сумму за питание. С 1921 г. выпускникам школы начали присваивать звание «*будо гаку си*», что можно примерно перевести как «бакалавр *будо*». Если будущие бакалавры хорошо успевали по основной дисциплине, то есть *будзюцу*, они могли на факультативных началах осваивать литературу — как китайскую, так и японскую. Таким образом, хороший мастер был обязан был. разносторонне образованным человеком, а средненький — оставался невеждой. Сдав соответствующие экзамены, выпускники, одновременно со свидетельством *Дай Ниппон Бутокукай*, получали дипломы преподавателей литературы,

претворяя в жизнь, таким образом, принцип *бунбу рёдо* — гармоничного развития *будокс*?^[37]. «Поощряя освоение классических дисциплин, лидеры ассоциации *Бутокукай* также подчёркивали растущее значение *кэндо* и *дзюдо* в общей системе воспитания граждан», — писал об этом Донн Дрэгер^[38]. Кстати, мечты доктора Нитобэ были реализованы и в Токио, где с 1913 г. инструкторов *кэндо* готовило столичное педагогическое училище, — *будо* через школы и университеты проникало в жизнь всей страны.

История, а самое главное, степень влияния обеих этих школ на развитие боевых искусств остается до сих пор темой малоизученной и, не исключено, таящей в себе много сюрпризов. Мы уже затрагивали вопрос взаимосвязи возрождения *будо* в Японии и политики Министерства образования. Нам довольно хорошо известно, как много сделал для этого Кано Дзигоро, заложивший педагогическую основу преподавания *дзюдо*, но только сейчас поднимается на информационную поверхность целый пласт сведений, относящийся ко вкладу в развитие современных боевых искусств *Дай Ниппон Бутокукай* и его профессиональных школ. Эта тема сохраняет актуальность и в современном обществе, главным образом за пределами Японии. В самом деле, кто из наших, например, специалистов, интересующихся историей единоборств, не задумывался над простым вопросом: почему у НИХ это есть, а у НАС — нет?

Невозможность запросто, не задумываясь, ответить на него рождает толпы фантазёров, придумывающих мифические, якобы где-то «чудом сохранившиеся русские бои», «кулачные игрища» и еще Перун-знает-что, инстинктивно пытаюсь заполнить пустующую лакуну русского национального единоборства. Да, безусловно, русские воевали всегда и, весьма вероятно, у нас действительно существовали самые разные национальные системы боя, возможно, даже весьма эффективные и интересные, но правда заключается в том, что... до наших дней ничего из этого не сохранилось. Ни в коем случае не умаляя достоинств и заслуг мастеров, успешно генерирующих сегодня в России новые и уникальные стили единоборств, следует признать, что собственно русской истории у этих стилей пока нет. Она создается на наших глазах и, вполне возможно, новые школы обретут долгую и счастливую жизнь, но пока еще никто не смог убедительно доказать — с фактами в руках, а не используя приёмы *public relations*, что «казачок» это не танец, а единоборство.

Впрочем, Россия в этом не одинока. Примерно такая же ситуация исторически сложилась в большинстве европейских стран. Несколько лучше

дело обстоит в Китае, где вытесненное при коммунистах на Тайвань и Гонконг ушу снова возвращается в жизнь общества. Но Япония в любом случае является в этом смысле страной уникальной. Японцы сохранили почти всё, что имели, по крайней мере 100–150 лет назад. Большинство своих сталеи они активно и непрерывно развивают и даже представляют будо как средство культурной дипломатии, официально оформив его в таком качестве в документах МИДа. Как им это удалось добиться такого результата? Нам думается, один из многих, имеющих право на существование, вариантов ответа как раз и заключается в том, что в критическую для боевых искусств эпоху японцы не стали полностью от них отказываться и не решили «творчески переработать» их в спорт (хотя испытывали сильное давление в этом направлении изнутри и снаружи), а с помощью педагогических, идеологических и философских приёмов создали стройную систему будо как часть национальной культуры, тесно связанной с религией (прошлое), образованием (настоящее) и воспитанием (будущее) нации. И не просто создали, а довели ее до совершенства, построив целый образовательный каскад будо: японские дети приучались к занятиям единоборствами в школе, совершенствовали свои навыки в университете, где им преподавали профессионалы — дипломированные наставники, окончившие специальную школу и имеющие возможность непрерывного профессионального роста под руководством лучших специалистов Японии. Специалисты занимались будо профессионально, и так же профессионально обучали ему, растя себе смену. Так продолжалось десятилетия уже в эпоху новейшей истории, которая донесла до нас не устные предания и не только плохо понимаемые, образно написанные свитки древности, а вполне конкретные, ясные нам информационные свидетельства: книги, журналы, программы и методики обучения.

Стоит ли после этого удивляться тому, что в современной Японии есть национальные единоборства, а в Европе и Америке (за малым исключением вроде английского бокса) — нет? Статистика начала XX в. сохранила для нас вполне зримые свидетельства успеха системы преподавания будо в Японии: к 1930 г. в Национальном правительственном протоколе по боевым искусствам было зафиксировано более двух с половиной миллионов обладателей черных поясов и более 215 тысяч экспертов высокого ранга по восьми основным направлениям боевых искусств. Большинство их активно тренировались, а лучшие поддерживали традицию проведения *Бутокукай*. Самым масштабным и, одновременно, последним в истории предвоенного Дам *Ниппон Бутокукай* стал фестиваль 1940 г., посвященный празднованию 2600-летия основания японской

империи и правящей династии — важнейшей дате в постмэйдзийской и предвоенной истории Японии. В официальных соревнованиях и показательных выступлениях фестиваля приняло участие больше мастеров самых различных направлений, стилей и школ *будо*, чем за всю его предыдущую историю. На этом *Бутокусай* было впервые в истории Общества показано и столь популярное сегодня *каратэ*: демонстрацию выполняли сразу несколько групп, которые впервые выступили в качестве школ японских *будо*, представивших экспертам и зрителям свои официальные названия и программы.

За пятнадцать лет до описываемых событий, в 1925 г. японский парламент утвердил проект программы обязательного среднего образования, в которую вновь были включены *кэндо* и *дзюдо*. Со следующего года выпускникам *Будо сэммон гакко*, признавая высокий уровень их образования, Министерство образования решило без экзаменов вручать диплом преподавателей средней школы по национальной и китайской литературе, поэтому многие из них, направленные на работу в различные районы страны, преподавали не только боевые искусства, но и указанные предметы. Таким образом, реноме выпускников *Будо сэммон гакко*, как разносторонне образованных людей, настоящих интеллигентов, вооружённых знаниями и силой, дополнительно способствовало распространению *будо*, хотя уровень преподавания и того и другого одновременно понизился.

Создавая форму

Огромное значение для последующего развития японских боевых искусств имело создание стандартных (*сэйтэй*) комплексов приёмов — *ката кэндо* и *дзюдо*, и, конечно, *Дай Ниппон Бутокукай* сыграло в их появлении определяющую роль.

Ката должны были стать основой преподавания *будо* в школах, а потому между различными направлениями *кэндзюцу* и *дзюдзюцу* в период их разработки шла ожесточенная борьба за право продвинуть свои варианты приемов — это открывало широкие возможности распространения школы во всеяпонском масштабе. Нивелировать противоречия стоило огромного труда председателям комитетов по разработке этих *ката*—Ватанабэ Нобору (*кэндо*) и Кано Дзигоро (*дзюдо*).

Первое стандартное *Кэндо-но ката* было разработано специальной комиссией *Дай Ниппон Бутокукай*, в которую вошли мастера *кэндзюцу* Ватанабэ Нобору (*Синто мунэн-рю*), Сибазэ Умпатиро (*Синто мунэн-рю*), Михаси Каньитиро (*Мусаси-рю*), Токуно Кансиро (*Дзикисинкагэ-рю*), Сакабэ Дайсаку (*Кёсин мёти-рю*), Нэгиси Сингоро (*Синто мунэн-рю*), Абэ Морие (*Дзикисинкагэ-рю*) и ряд других специалистов. Однако этот комплекс не смог завоевать популярности у фехтовальщиков и не получил большого распространения.

Для разработки нового стандартного *ката кэндо* Великой Японии (*Дай Ниппон кэндо ката*) в мае 1910 г. была собрана новая комиссия. В нее вошли Нэгиси Сингоро (*Синто мунэн-рю*), Цудзи Симпэй (*Сингёто-рю*), Найто Такахару (*Хокусин итто-рю*), Монна Масаси (*Хокусин итто-рю*) и Такано Сасабуру (*Оно-ха итто-рю*), которые были назначены сопредседателями комиссии, а также Синкай Тадаацу (*Тамия-рю*), Вада Дэн (*Синкагэ-рю*), Сибазэ Умпатиро (*Синто мунэн-рю*), Ватанабэ Кунихару, Кимура Сикихидэ, Ота Ярю, Яно Кацудзиро, Сибата Морю, Накаяма Хакудо, Такахаси Кютаро, Танака Ацуси, Одзава Итиро, Хосино Сэндзо, Косэки Норимаса, Уэмура Нобуо, Ниномия Хисаси, Кавасаки Дзэндзабуру, Саасаки Масанобу, Асано Кадзуёси и Тода Мару.

После долгой и трудной согласовательной работы членов комиссии, которые твёрдо отстаивали позиции школ — каждый, разумеется, своей, доказывая преимущества именно их технических приёмов, компромисс всё-таки был найден. 16 октября 1912 г. советом по разработке *Дай Ниппон кэндо ката* были представлены на суд компетентного собрания

стандартные приемы *кэндо*. Они включали в себя 7 *ката* с длинным мечом (*тати*) и 3 — с коротким (*кодати*). Но и после этого у представителей различных школ *кэндзюцу* возникали вопросы об эффективности тех или иных технических приёмов. Поэтому *Дай Ниппон Бутокукай* было вынуждено создать новую комиссию для внесения исправлений в уже утвержденное Стандартное *ката кэндо*. В нее вошли 12 специалистов: Найто Такахару (*Хокусин итто-рю*), Такано Сасабуро (*Оно-ха итто-рю*), Монна Масаси (*Хокусин итто-рю*), Тода Мару, Ниномия Хисаси, Такахаси Кютаро, Яно Кацудзиро, Кавасаки Дзэндзабуро, Асано Кадзуёси, Накаяма Хакудо, Косэки Норимаса и Ватанабэ

Кунихару. В мае 1917 г. комиссия представила исправленный вариант *Сэйтэй кэндо-но ката*, а в сентябре опубликовала его, снабдив комментарием. Окончательный же вариант *Ката кэндо* Великой Японии был принят только в сентябре 1933 г.

Значительно более гладко и быстро прошла работа по созданию Стандартного *ката дзюдзюцу Дай Ниппон Бутокукай* Историки связывают это с именем председателя комиссии — Кано Дзигоро, который сумел построить работу так, что большая часть пожеланий представителей разных школ была учтена практически сразу.

Помимо доктора Кано в комиссию по разработке *Ката дзюдзюцу* Великой Японии в качестве его заместителей вошли Тоцука Хидэми (*Есин ко-рю*) и Хосино Кумон (*Ситэн-рю тайдзюцу*), а также Танабэ Матаэмон (*Фусэн-рю*), Хирацука Кацута (*Ёсин-рю*), Такэно Сика-таро (*Такэноути-рю*), Имаи Юкитаро (*Такэноути-рю*), Осима Хикосабуро (*Такэноути-рю*), Катаяма Такаёси (*Ёсин-рю*), Сэкигути Дзюсин (*Сэкигути-рю*), Цуки Сигэёси (*Сэкигути-рю*), Аоянаги Кихэй (*Сосуйсицу-рю*), Яно Хироцугу (*Такэноути санто-рю*), Эгути Ядзо (*Кюсин-рю*), Кавано Итидзи (*Синто Хокусю-рю*), Ёда Итидзи (*Хёси-рю*), Инадзу Масамицу (*Миура-рю*), Ямасита Ёсиаки (*Кодокан*), Ёкояма Сакуцзиро (*Тэндзин синъё-рю*, *Кодокан*), Исогаи Хадзимэ (*Кодокан*), Нагаока Хидэкадзу (*Кодокан*) и Саго Хокэн (*Кодокан*). Итогом работы комиссии стало создание двух комплексов: *Нагэ-но ката* (*ката бросков*) и *Катамэ-но ката* (*ката удержаний*), которые мы и теперь можем видеть в современном *дзюдо*.

Созданные *Дам Ниппон Бутокукай* стандартные *ката кэндо* и *дзюдо* получили известность под названиями *Бутокукай-рю* — «Школа Общества Воинской добродетели» или *Бутоку-рю* — «Школа Воинской добродетели». Большинство школ *кэндзюцу* и *дзюдзюцу* признали их, но немало было и таких, которые совершенно не приняли эти *ката*, и остаются при своем мнении и теперь.

В январе 1931 г., во время начала японской экспансии в Китай, Министерство образования приняло свое решение об обязательном преподавании дзюдо и кэндо в средних школах (в 1933 г. к списку присоединилось кюдо) — как «полезных для воспитания патриотизма, а также тренировки духа и тела». Важнейшей задачей подготовки истинных японцев стало не только их образование в духе *кокутай*, но и *сэйсин кунрэн* — моральная подготовка на основе воинских искусств. С началом Тихоокеанской войны этот процесс усилился, а в марте 1942 г. Министерство образования рекомендовало исключить возможность занятий западными видами спорта для детей и молодёжи. Вместо этого делался ещё больший акцент на будо, а для *Дай Ниппон Бутокукай* было настоятельно «рекомендовано» включить в свою программу стрельбу и штыковой бой.

Правила некоторых видов будо, например, кэндо, были несколько изменены с целью приближения к условиям реального боя (уменьшена длина тренировочного меча — *синай*, введены правила «одного удара для победы» — *иппон сёбу*, и т. д.). Известно, что старые мастера кэндо, кюдо и дзюдо серьёзно сопротивлялись этому процессу, пытаясь повлиять на военные власти через своих учеников в генеральских погонах, но это движение имело лишь частичный успех — им удалось избежать репрессий, но не удалось спасти организацию от изменений, которые позже оказались для неё фатальными: под будо все чаще стали понимать рукопашный бой, а не канонические искусства Пути.

Ко времени вступления Японии во Вторую мировую войну численность членов *Дай Ниппон Бутокукай* заметно выросла, достигнув в марте 1941 г. 3 178 000 человек. Общество представляло собой мощную и слаженную организационную структуру, которая имела свои отделения не только внутри страны, но и за рубежом, в том числе в Соединённых Штатах. Однако после поражения Японии во Второй мировой войне популярность и влияние *Дай Ниппон Бутокукай* сыграли с ним злую шутку. Кстати сказать, подозрительное и негативное отношение к ДНБК было характерно не только для западных, но и для советских специалистов. Вот как охарактеризовали Общество советские разведчики-востоковеды, скрывавшиеся под псевдонимами «Е. Иоган» и «О. Танин», в своей книге «Военно-фашистское движение в Японии» (М.: Партиздат, 1933) «В 1895 г. в Киото было основано «Общество содействия военной доблести» («Дай Нихон Бутокукай») под председательством барона Оура, которое к 1910 г. имело уже 1650 тыс. членов и занималось патриотическим воспитанием и военно-спортивным обучением молодёжи для армии; в его рядах работало

значительное количество офицерства. Основными лозунгами его агитации было “возвеличение японского военного духа и объединение всей нации, спаянной вечными самурайскими традициями прошлого, вокруг священной особы императора”. Это общество сохранило свое значение и после мировой войны как важный центр монархической и великодержавной агитации. Центр Общества находится в Киото. В 1928 г. оно насчитывало 2167 тыс. членов, а по данным 1931 г. даже 2760 тыс. членов. Руководство обществом до последнего времени находилось в руках старого кланового генералитета. Последний председатель общества сацумовец адмирал Ясиро»^[39].

СОЛНЦЕ И СТАЛЬ

Маньчжурия под сенью меча

Сегодня всем интересующимся данной темой хорошо известно, что в сороковых годах прошлого века американские власти с подозрением относились к культу боевых искусств, вполне справедливо на тот момент увязывая его с сугубо милитаристской трактовкой *бусидо* — концепции Духа воина, использовавшейся японскими пропагандистами в целях активизации националистических настроений в обществе. Любой *айкидока* или *кاراتэка* скажет вам, что в 1945 г. это вылилось в «запрещение» *будо*. Это правда, которую мы не намерены оспаривать. Но мы не случайно использовали кавычки в этом предложении и хотим напомнить, что предыстория данного процесса была очень долгой.

Так, например, ещё до начала «Великой тихоокеанской войны»^[40], в феврале 1941 г., Министерство юстиции и Генеральная прокуратура Соединенных Штатов внесли Североамериканское отделение Общества Воинской добродетели (*Хокубэй Бутокутй*) в список подрывных организаций наряду с такой скандально известной разведывательно-диверсионной организацией, как «Общество реки Амур» — *Кокурюкай*. Мотивацию американских военных и контрразведчиков можно понять. К тому времени в Японии действительно существовало большое количество тайных обществ, некоторые из которых, как то же *Кокурюкай*, самым активным образом вели разведывательную и подрывную работу против действующих (Китай, Корея, Бирма, Филиппины, позднее США) и потенциальных (СССР) противников Токио. Впрочем, этим же объясняется и неспособность правоохранительных органов Соединённых Штатов разобраться в хитросплетениях тайной политики Японии и хотя бы заметить разницу между двумя совершенно разными организациями: *Кокурюкай* и *Сококукай* — «Обществом Отечества». Оба они были, по мнению американской прокуратуры, экстремистскими, а потому были... объединены в одно — «Общество Черного дракона — *Сококукай*» — к чему мудрить и заострять внимание на таких «тонкостях»? Военная обстановка не способствовала разборчивости, но нам справедливости ради необходимо признать, что среди членов всех этих обществ действительно было немало высокопрофессиональных специалистов по боевым искусствам — восприятие *бусидо* изрядно изменилось за первые десятилетия XX в.

В 1937 г. Министерство образования Японии обнародовало *Кокутай-*

но-хонги (Основы государственного устройства»), в которых нашлось место и для Пути воина: «Гармония явственно сказывается и в воинском духе нашей нации, которая одна высоко ценит бусидо... Это тот дух, который можно рассматривать как священный воинский дух. Воинский дух нашей нации не ставит своей целью убийство людей, напротив, он дает им эту жизнь. Подобный дух пытается оживить всё вокруг, а не разрушить. В своей борьбе он руководствуется миром, суля подъем и процветание; и через борьбу он оживляет всё вокруг. В этом и заключается воинский дух нашей нации»^[41]. Итоговая реляция *Кокутай-но хонги* гласила: «Возвести новую японскую культуру, усваивая и переплавляя западную культуру в соответствии с нашим государственным устройством и тем самым способствовать развитию мировой культуры»^[42]. Несмотря на безобидную риторику, большинство японцев совершенно однозначно воспринимали такую вполне гуманитарную, в официальном изложении, миссию бусидо совсем иначе, естественным образом увязывая её не с «развитием мировой культуры», а с захватнической политикой *хакко итцу* — объединения «восьми углов мира под одной крышей», и следуя простой формуле, позаимствованной из Корана и внедренной в сознание одним из националистических гуру тех лет и большим любителем будо Окава Сюмэй: «Провидение всецело под сенью меча»^[43].

Вооружённой мечом десницей «божественного» японского народа посчитали себя многие фехтовальщики и не только. Наилучшим же регионом для японского «освоения» являлась Маньчжурия—*Манею* и в целом огромный, но раздробленный и малоспособный к организованному сопротивлению Китай. «Китай был традиционной сферой приложения сил японских националистов еще с середины 80-х годов XIX в. В осознании необходимости его колонизации были солидарны все националисты и консервативные революционеры, потому что Китай был нужен Японии как сырьевая база, рынок, территория, куда можно было переселять “избыточное” население... Маньчжурская эпопея в той или иной степени стала делом всей жизни целого поколения военных, политиков, идеологов и технократов, родившихся между 1884 и 1896 гг...именно это поколение отошло от традиционной колониальной политики и решило реализовать в Маньчжурии свои новаторские идеи и замыслы. В основе создания Маньчжоу-го лежало не просто стремление отторгнуть от Китая часть территории (территориально и административно единого Китая уже давно не существовало) и даже не просто желание создать подконтрольное буферное государство на границе СССР, что было вполне естественно и со

стратегической, и с тактической точки зрения. Новое государство должно было стать полигоном для испытания модели националистического государственного социализма...» — писал об этих событиях В.Э. Молодяков^[44].

Испытатели нашлись немедленно, и среди них оказалось немало известных сегодня людей — те имена, которые ныне вспоминают не иначе как с использованием определения «великий», в 20—30-х гг. прошлого столетия были объектами приложения других эпитетов, главным из которых было *соси*. Это слово можно перевести и как «храбрец», «лихая башка», и как «бандит, наёмник, громила». Современник первых *соси*, а их происхождение относится к первым годам эпохи Мэйдзи, Лафкадио Хэрн характеризовал их как «одно из бедствий современной Японии. Они по большей части состоят из бывших студентов, добывающих себе пропитание насильственными террористическими деяниями. Политики пользуются ими или против “соси” противника, или в качестве клакеров и крикунов на выборах. Частные лица иногда пользуются ими для личной охраны. В последние годы они играют роль во всех скандальных покушениях на выдающихся особ»^[45].

Неудивительно, что среди *соси*, в том числе «маньчжурских» — *мансю соси*, оказалось немало представителей мира боевых искусств. Более того, очень скоро в числе лидеров *мансю соси* выявилось сразу несколько молодых мастеров *будзюцу* относительно высокого ранга. Со временем они основывали свои школы, стили и даже виды воинских искусств. Будучи в разной степени авантюристами, обладая нереализованными желанием, комплексами и амбициями, все эти люди пытались найти себя, искали возможности для самореализации на захлестнувших Японию националистической и милитаристской волнах. Они искренне верили в «священную миссию Ямато» по покорению «варварских стран» и народов, верили в *хакко итцу*, каких бы ужасных жертв ни стоила реализация этой идеи и к каким бы бесчеловечным приемам ни приходилось прибегать ради нее. Да и как им было не верить в это, если даже христианин доктор Нитобэ, автор «любимого чтения иностранцев, стремящихся узнать настоящую Японию»^[46] и ректор университета, который окончили большинство выдающихся *будока*, призывал их к колонизации, целью которой является «наилучшее освоение и использование природных богатств и развитие человеческой культуры путем взаимного сотрудничества народов, по-разному одарённых Небом», и напоминал, совсем уже в духе [современной] американской администрации, что,

например, «Корея не может самостоятельно поддерживать порядок на своей территории, и это создаёт угрозу безопасности Азии в целом».

Подобные призывы явились настоящим откровением для очень многих молодых, сильных и ослеплённых национализмом людей, большинству из которых трудно было пробиться наверх, к вершинам славы внутри самой Японии, где в силе оставались еще многие мэтры политики, помнившие об идеалах *Мэйдзи Исин*, знающие, как много Япония взяла у западных стран, и трезво оценивающие место страны в мире. Лишенные социальных лифтов у себя дома, они надеялись сыскать их за пределами родных островов. «Маньчжурия должна была стать... царством социальной справедливости и равных возможностей: в идеале для всех, населявших ее, а на практике для японцев, для тех, кто “не нашел себя” дома. “Не даете нам возможности нормально жить в Японии, так дайте возможность нормально жить и работать в Маньчжурии!” — примерно так можно сформулировать их основное требование»^[47]. В полной мере эти процессы относились и к сфере *будо*, где старые мастера, наставники уже давно сформировавшихся школ и стилей, руководители мощных и уважаемых организаций, прежде всего, *Дам Ниппон Бутокукай*, оказались весьма сдержанны в оценках событий, а тем более в своих действиях. К сожалению, этого нельзя сказать о многих из их учеников — талантливых, энергичных, но излишне импульсивных мастерах, которые хотели, но не могли реализовать свои амбиции в Японии. *Соси* разных рангов, а также тысячи и тысячи других решительно настроенных и преданных им адептов *будзюцу*, и направлялись на территорию материковой Азии — добровольно или по приказу — с задачами, полученными как от военного командования, так и от лидеров многочисленных тайных обществ, являвшихся, по меткому выражению В.Э. Молодякова, «хранителями и наследниками традиционалистской, национальной философии и идеологии»^[48]. Для них Корея, Маньчжурия, центральный Китай, Тайвань, даже Филиппины стали настоящим полигоном для проверки собственных сил — и физических, и нравственных. Для Японии в целом эта проверка обернулась позором Нанкинского, Манильского и многих других «инцидентов», в которых меч и штык императорской армии стали символами не *будо*, не благородного воинского искусства, а жестокости и агрессии.

До сих пор неизвестно, сколько именно существовало в то время праворадикальных обществ и как много *мансю соси* они объединяли — по понятным причинам такое членство либо не определялось конкретно (достаточно было сказаться «сочувствующим», чтобы быть отнесенным к

числу представителей какого-нибудь «Общества хризантемы»), либо просто не афишировалось. Всё это сильно затрудняет изучение вопроса, но кое-что мы всё-таки знаем.

Неизвестное об известных

Как мы уже упоминали, в качестве маньчжурских «испытателей» отметились многие знаменитые в будущем мастера единоборств. Широко известно, например, что создатель *айкидо* Уэсиба Морихэи был не только одним из ревностных адептов многочисленной синтоистской секты *Омото-кё*, подвергавшейся в предвоенный период давлению официальных властей Японии^[49], но и очень интересовался проблемой освоения Маньчжоу-го. Одна из первых поездок туда будущего «Великого учителя» — *О-сэнсэя* состоялась в 1924–1925 гг. Вдохновлённый своим наставником и другом, основателем и главой *Омото-кё* священником Дэгути Онисабуро (1871–1948), Уэсиба решил помочь тому в осуществлении идеи создания «зоны великого сопроцветания, мира и добра». 13 февраля 1924 г. они отправились во Внутреннюю Монголию. По прибытии на место с помощью некоего Лу Чжан Гуэя Дэгути создал «Независимую Армию Северо-Запада», взял в свои руки распределение соли и риса, оповестил всех о создании Царства Бога и объявил себя Спасителем Мира. Правитель северного Китая, совершенно чуждый религиозной трескотне восточного соседа, Чжан Цзо Лин не потерпел такого самоуправства. Японцы, в том числе мастер *будо* и его наставник, путешествовавший по Маньчжурии на священном в *синто* белом коне, были арестованы. Чжан Цзо Лин казнил Лу Чжан Гуэя и приговорил к смерти приезжих японцев, включая телохранителя «Спасителя» Уэсиба. Только вмешательство японского консула позволило Дэгути и Уэсиба вернуться 25 июля 1925 г. на родину целыми и невредимыми, а опыт неудачной пропаганды *Омото-кё*, окончившийся позорным пленом, похоже, серьёзно повлиял на формирование миролюбивой философии основателя *айкидо*.

Тем не менее Уэсиба посещал Маньчжурию и позже. Поклонники *айкидо* любят упоминать о том, что он даже демонстрировал своё искусство перед императором, нередко путая при этом императора японского — Сева с императором маньчжурским — Пу И. Уэсиба встречался как раз с последним. Это произошло в 1942 г. — на празднованиях десятилетия образования маньчжурского государства и в самый разгар войны. Причём, по официальной версии, организация поездки Уэсибы в маньчжурскую столицу Чанчунь приписывается *Дай Ниппон Бутокукай*, с которым основатель *айкидо* активно сотрудничал в статусе «консультанта», а по неофициальной — некоему «тайному обществу», с которым он тоже вполне

мог взаимодействовать, но вряд ли хотел об этом распространяться. Обе версии имеют равное право на существование, и вот почему.

Когда в 1941 г. *айкидо* было признано *Дай Ниппон Бутокукай* в качестве особого вида *будо*, Уэсиба стал советником Общества, а его официальным представителем в *Бутокудэн* был назначен *ханси* Хираи Минору — будущий основатель стиля *Кориндо айкидо*. Годом раньше Уэсиба получил должность преподавателя в Полицейской академии Японии и в военном училище Накано, где, в том числе, готовились кадры разведчиков и диверсантов для работы в странах Азии, прежде всего, в Маньчжурии, и в военной академии Тояма, о которой высоко отозвался идеолог японского национализма, мастер *кэндо* и, одновременно, военный министр барон Араки Садао. Президентом же первого клуба *айкидо* — *Кобу-кан* в соответствии с практикой, принятой в *Дай Ниппон Бутокукай*, был избран отставной генерал — большой любитель и покровитель самых разных *будзюцу* адмирал Такэсита Исаму^[50].

Поэтому вполне возможно, что под «тайным обществом», пригласившим и пролоббировавшим выступление Уэсиба перед Пу-И, имелось в виду *Синкэнкай* — «Новое общество меча» — организация консервативнонационалистического толка, которую в 1941 г. возглавил Такэсита. А может быть, к акции имело отношение и другое общество — *Дай Ниппон будо сэнъёкай* — «Общество содействия развитию будо Великой Японии», основателем и главой которого был сам создатель *айкидо*. Впрочем, есть и ещё одна, не очень приятная для многих фанатов Уэсиба, гипотеза, но об этом позже...

Другой выдающийся мастер *будо*, наставник *каратэ*, настоящий гуру поклонников стиля *Кёкусин* и школы *Годзю-рю*, Ямагути Гогэн по кличке Кот, был близким другом ещё одного высокопоставленного покровителя *будо* — генерала и философа-националиста Исивара Кандзи, основателя *Тоа рэммэй* — «Восточноазиатской федерации», ставившей своей целью уже знакомые нам «укрепление содружества между азиатскими народами» и создание «единой сферы процветания». Будучи начальником оперативного отдела сначала Квантунской армии, а затем и Генерального штаба Японии, Исивара, тогда ещё полковник, внёс особый вклад в организацию «маньчжурского инцидента» в 1931 г., после которого Япония оккупировала эту провинцию Китая, а через пять лет стал одним из героев разгрома военного мятежа в Токио. Исивара, приверженец буддизма, а точнее — единственной в этой миролюбивой религии непримиримой к своим противникам секты *Нитирэн*, всячески поддерживал Ямагути и при случае обеспечивал ему протекцию, в том числе и в пребывании Кота в

районах боевых действий. Вполне вероятно, что Ямагути отправился в Маньчжурию, чтобы принять участие в работе маньчжурского отделения *Тоа рэммэй*.

Однако, когда он в 1938 г. прибыл в Маньчжурию с некоей «тайной миссией», Исивара там уже не было — тот командовал дивизией в Киото, а позже преподавал в местном университете Рицумэйкан. В старой японской столице Исивара под держивал отношения с преемником Ямагути в руководстве его *додзё* при университете Рицумэйкан, выходцем из оккупированной Кореи Со Нэйтю, также членом ультранационалистической *Тоа рэммэй* и человеком, тесно связанным с *Дай Ниппон Бутокукай*. Тяжелоатлет, боксёр и обладатель 9-го дана *каратэ*, Со Нэйтю позже стал вице-президентом Всемирной федерации *будо* (*Сэкай будо рэммэй*), но прославился прежде всего как наставник основателя *Кёкусин каратэ* Ояма. Там же, в киотском *Бутокудэн*, не без участия корейских *каратэка*, владевших языком и хорошо знавших обстановку на театре военных действий, проходили подготовку и представители тайного общества Исивара, направляемые с «особыми миссиями» в Маньчжурию, и офицеры его дивизии — причем нередко это были одни и те же люди.

Помимо Уэсиба и Ямагути Маньчжурию в качестве полигона для обкатки националистических идей и новых стилей *будзюцу* выбрали многие известные мастера единоборств: основатель *дзюкэндо* «Золотой дракон» Кинрю, создатель школы *Кэмпокан* Мацуюма Синсукэ, основатель *Ёсэйкан-рю* Мотидзуки Минору, основатель *Сёриндзи кэмпо* и настолько эксцентричный человек, что некоторые особенности его биографии последователи *Сёриндзи кэмпо* и сегодня стараются не вспоминать, Со Досин (Накано Митиоми), великий организатор и теоретик *каратэ* Накаяма Масатоси, основатель *Томики айкидо* Томики Кэндзи, основатель *Ёсинкан айкидо* Сиода Годзо. Предания о том, что один из самых талантливых учеников Уэсиба — Сиода Годзо — оттачивал свои навыки на территории Китая, весьма популярны. Его поклонники рассказывают красочные легенды о том, как он отбивался от китайских грабителей. Вполне вероятно, что такой эпизод действительно имел место в его биографии, но было бы крайне наивным полагать, что решительный, предприимчивый, дерзкий основатель стиля *Ёсинкан* ходил по китайским хутунам в надежде, что кто-нибудь на него нападет, — Квантунская армия и японские оккупационные власти в изобилии предоставляли «человеческий материал» для упражнений *sosu*^[51] без риска ночных прогулок по хутунам.

Даже любимый когда-то ученик доктора Кано и прототип главного героя фильма «Гений дзюдо» Сайго Сиро активно двинулся в политику

после ухода из *Кодокан*. Существует неподтвержденная версия, что и название для своей школы — *Дайто-рю* — «Школа Великого Востока», присвоенное ей в 1897 г. — по случаю основания *Дай Ниппон Бутокукай*, было навеяно трудами некоторых консервативных философов того времени. Правда, полигоном для себя Сайго выбрал не Маньчжурию, а более близкие к Нагасаки, где он тогда жил, но тоже входящие в сферу основных «жизненных интересов Японии» Корею и Тайвань.

Тайные общества

Нетрудно заметить, что отнюдь не все перечисленные общества на самом деле являлись тайными, и, несмотря на их явный экстремизм и возможность участия в разведывательной и террористической деятельности, в их числе ни разу упоминалась организация, в связях с которой позже обвинялось *Дай Ниппон Бутокукай*, и которая стала настоящим символом тайных операций *мансю соси* — *Кокурюкай*. А между тем она тоже имела непосредственное отношение к развитию боевых искусств.

Вообще, возникновение тайных обществ в Японии тесно связано с «первой самурайской оппозицией» — са-цумским восстанием Сайго Такамори и именем современника этих событий (он был арестован за антиправительственную деятельность еще до начала восстания) Тояма Мицуру (1855–1944). «Консервативный революционер», сын *буси* из Фукуока, Тояма был пламенным самурайским пассионарием, одержимым духом *ёмэйгаку*. Едва выйдя из тюрьмы, он снова оказался в ней в 1878 г. — по делу об убийстве бывшего друга Сайго, министра внутренних дел Окубо Тосимити^[52], а освободившись вторично, создал первое, но отнюдь не последнее в своей биографии, крупное тайное общество Японии — *Гэнъёся* («Общество Черного океана»). Есть версия, что *Гэнъёся* положило начало не только японской мафии *якудза* (западные журналисты называли Тояма «боссом боссов»), но, что самое главное, тесному сотрудничеству японской разведки и энтузиастов консервативного национализма по разведывательно-диверсионному «освоению» Китая и Кореи, во многом подготовив китайскую революцию 1911 г. и распад этой огромной страны (не менее характерно в связи с этим еще одно прозвище Тояма — «теневой *сёгун*»).

Если *Гэнъёся* Тояма создавал с фукуокским самураем, участником восстания Сайго, а позже депутатом первого японского парламента и олигархом Хираока Котаро, то основателем нового общества — *Кокурюкай* — стал в 1901 г. другой уроженец Фукуока — Утида Рёхэй (1874–1937). Утида был потомственным самураем, политиком, плодовитым публицистом (в частности, он, живший одно время в Петербурге и владевший русским языком, написал весьма тенденциозную книгу «О гибели России») и профессиональным авантюристом — настоящим *соси*. Утида имел опыт подпольной работы не только в Маньчжурии и Корее, но

и на Филлипинах, где вместе с местным населением сражался сначала против испанцев, а потом и против американцев. Наконец, Утида Рёхэй был сыном выдающегося мастера *будо*, основателя интереснейшей и частично сохранившейся до наших дней школы *бодзюцу* — *Утида-рю* — Утида (Хираока) Рёгоро (1837–1921). Собственно, и сохранилась школа благодаря усилиям сына её основателя. 12 *ката* школы, систематизированные, описанные и дополненные Рёхэй, вошли в классификацию *Синто мусорю*, и этот вклад не случаен. Будущий теоретик японского консервативного национализма и профессиональный разведчик и диверсант Утида Рёхэй с детства занимался *кюдо* и *кэндо*, а в возрасте 18 лет, в 1892 г. стал учеником Кано Дзигоро. В *Кодокан* будущего авантюриста привёл отец — обладатель мастерских лицензий *мэнкё* сразу в нескольких видах *будзюцу*, и надо сказать, на ниве боевых искусств Утида Рёхэй, позже ставший членом *Дам Ниппон Бутто-кукай*, мог бы добиться не меньших успехов, чем на политическом поприще. Интересно, что часто находившийся на нелегальном положении за границей и всё время опасавшийся ареста Рёхэй включил в *ката Утида-рю* работу с тростью — единственным оружием, которое по условиям своей работы он мог иметь при себе. Эти *ката* также сохранились, и с некоторыми из них знакомы члены российского представительства ДНБК. Ну и, разумеется, стоит вспомнить, что Утида женился на дочери Хираока Котаро, повторно войдя в состав древнего, богатого и воинственного клана Хираока. Воинственного настолько, что один из его представителей — всемирно известный писатель, любитель *кэндо*, бокса и культуризма, создатель ультраправого «Общества щита» — *Татэнокай*, автор блестящих комментариев к классическому труду по *бусидо* «Хагакурэ» и эссе «Солнце и сталь» Мисима Юкио (его настоящее имя — Хираока Камитакэ) — уже в 1970 г. после неудачной попытки военного мятежа в Токио дал пример самого громкого в современной истории ритуального самоубийства — *сэнпуку (харакири)*^[53].

Утида и Тояма, ставшие к 1904 г. «авангардом народного национализма», сыграли важную роль в поражении России в войне. *Кокурюкай*, которое Донн Дрэгер называл «элитным подразделением крайнего японского национализма»^[54], внёс серьёзный вклад в развитие революционного движения в нашей стране, снабжая эсеров оружием, боеприпасами и деньгами, а заодно занимаясь разведкой и диверсиями в тылу нашей армии на Дальнем Востоке. После выполнения своей задачи резко сменивший политическую ориентацию и внезапно ставший убежденным русофилом Утида по благословению Тояма создал в 1908 г.

новую тайную организацию — *Ронинкай* («Общество *ронинов*»), название которой говорит само за себя. Целью этого общества стало обеспечение японского проникновения в Монголию. *Самиронины*—а по статусу практически всех «путешествовавших» по Китаю мастеров *будо* можно считать именно таковыми — называли это «покровительством» и «объединением мира под крышей Японии». Тогда же возник и ещё один, уже знакомый нам термин, как бы сводящий вместе *соси* и *ронинов* — *мансю*^[55]*ронин*, под которым, по выражению В.Э. Молодякова, понимали «интересный социально-психологический феномен маньчжурских искателей фортуны»^[56].

Учитывая, что эти два общества практически установили своеобразную монополию на действия самурайских пассионариев на территории материковой Азии, остается очень мало места для сомнений в том, что деятельность прославленных позже наставников, в том числе ставших своеобразными «иконами» миролюбия, не была абсолютно безупречна с точки зрения общечеловеческой морали и международных законов. Тесная же связь Тояма и Утида с этими людьми была очевидна — в буквальном смысле слова. Сохранилась даже замечательная фотография, запечатлевшая вместе троих идеологов неформального японского проникновения в Китай: Утида Рёхэй, Тояма Мицуру и... духовного наставника основателя *айкидо* Дэгуги Онисабуро.

Наконец, мало кому известно, что своей популярностью в период становления *айкидо* во многом обязано *Дай Ниппон Бутокукай* и имиджу ученика Дэгуги — Уэсиба Морихэй как... военного преступника. 4 января 1946 г. была подписана Директива Штаба оккупационных войск в Японии «О смещении и устранении нежелательных лиц из государственных учреждений». В приложении к ней определялись семь категорий лиц, подлежащих увольнению из государственных и общественных учреждений, как «активно проповедовавшие милитаризм и воинствующий национализм»^[57]. Две трети из них были профессиональные военные и связанные с ними политики (категории А, В, D). Интересно, что влиятельные члены ультранационалистических, террористических и секретных организаций были выделены в отдельную категорию — С, и *Дай Ниппон Бутокукай* в нее не попал. ДНБК значился отдельной строкой в последней категории — G, где среди 46 276 человек числились 1219 представителей *Бутокукай*^[58]. Вот что об этом вспоминал в одном из своих интервью газете «Осака Асахи» ученик Уэсиба и основатель Ёсинкан *айкидо* Сиода Годзо: «Уэсиба-сэнсэй поехал преподавать в школу Накано

по рекомендации директора Школы военной полиции Макото Миура... Уэсиба-сэнсэй также обучал в Военном университете в Ёцуя и в Военно-морской академии... регулярно преподавал будо в качестве обязательного предмета в Школах Накано и Тояма. Ученикам школы Накано было по 18–19 лет, и они тренировались, чтобы стать разведчиками. По окончании школы Накано они становились офицерами, носили гражданскую одежду и внедрялись в другие страны... То, что Уэсиба-сэнсэй был консультантом *Бутокукай* в Киото, который был конкурентом *Кодокан дзюдо*, было не хорошо. Когда пришёл Макартур (имеется в виду начало американской оккупации в 1945 г. — А.К), он распустил организацию. Уэсиба-сэнсэй обвинялся как военный преступник, и ему приписывались преступления класса G. Его организация (*Кобукай*) была расформирована, а его деятельность прекращена. Также Уэсиба-додзё на время закрылся и Уэсиба-сэнсэй поселился в Ивама. Поскольку он не мог больше практиковать будо, он создал “Айкиэн” (сад Айки)»^[59]. Чтобы стать творцом самой любвеобильной борьбы, ее основателю предстояло сначала оказаться в рядах военных преступников, а потом всячески отмежеваться от своего прошлого и как можно меньше вспоминать о Маньчжурии, мече и «великой миссии синто».

Путь в никуда

Вопрос о том, могли ли американские разведка и контрразведка обратить внимание на факты сотрудничества тайных обществ Японии и *Бутокукай*, является риторическим, — начало войны на Тихом океане стало началом конца главного довоенного центра японских воинских искусств — *Дай Ниппон Бутокукай*. Американские спецслужбы сразу же выделили эту организацию в качестве одного из главных духовных центров *бусидо*, привлекающего к себе наиболее горячих и хорошо подготовленных в военном отношении сторонников экспансионистской политики Японии. Официальным поводом стало объявление в Японии 8 декабря — на следующий день после нападения японского флота на Пёрл-Харбор, о создании государственной организации — *Син Дай Ниппон Бутокукай* в состав которой вошло собственно *Дай Ниппон Бутокукай*, а также большинство других органиазций *будо*, ранее существовавших самостоятельно. К сожалению, приходится признать, что к тому времени имидж Общества Воинской добродетели как националистической организации с не вполне понятными целями, возможно, близкими целям ультранационалистических тайных обществ вроде *Кокурюкай*, в представлении американских военных оформился вполне определенно. Особой ясности с задачами ДНБК у контрразведчиков не было, но и времени разбираться не оставалось. В условиях начавшейся Тихоокеанской войны такая настороженность выросла в подозрительность и окрепла. Каждый японец на территории США казался американцам шпионом, а уж если он владел навыками загадочного, самими же японцами разрекламированного, *будзюцу*.. Для преследований в отношении ДНБК достаточно было таких фактов, как избрание «крёстного отца» японскогонационализма Тояма Мицуру почетным президентом *Хокубэй Бутокукай*—отделения *Дай Ниппон Бутокукай* в США, чтобы в 1941 г. *Дай Ниппон Бутокукай* было включено американской разведкой в список подрывных организаций, возглавило который *Кокурюкай* (прил. 4). Заметим при этом еще раз, что в цитированной выше Директиве «О смещении и устранении нежелательных лиц из государственных учреждений» ДНБК и террористические организации и «секретные ордена» были разведены по разным группам ответственности. Напряженное отношение к *Дай Ниппон Бутокукай* являлось в США частью общих антияпонских настроений, результатом которых было и переселение в 1942 г. 110 тысяч японцев, в том

числе с американскими паспортами, в специальные лагеря, где они находились под охраной до конца войны, и антияпонской пропаганды, апофеозом которой становились призывы об уничтожении всех японцев вообще, — так, например, начальник мобилизационного управления Соединенных Штатов П. Макнат открыто призывал ни больше ни меньше, как... «убивать всех японцев до единого»^[60]. Война есть война. Как тут не вспомнить знаменитого советского поэта Константина Симонова, участвовавшего в качестве военного корреспондента в сражениях на реке Халхин-Гол в 1939 г. и писавшего: «Мы всякую жалость забудем в бою, мы змей этих в норах отыщем. Заплатят враги за могилу твою бескрайним японским кладбищем».

Лишь наиболее глубокие исследователи японского характера, такие как Рут Бенедикт, способны были в военное время отделить деятельность военно-спортивных обществ от поступков авантюристически настроенных их членов, понять и увязать гораздо более сложную философию организаций будо с особенностями японской психологии и культуры, наиболее ярко проявляющимися в экстремальных ситуациях военного времени: «Общество физической культуры Дай Ниппон предлагало в радиопередаче физические упражнения для согревания тела, которые заменили бы не только обогревательные приборы и постель, но и стали бы своеобразной подменой столь недостающей для поддержания нормальных физических сил еды. Конечно, кто-то скажет, что при сегодняшней нехватке продовольствия мы не можем думать о физических упражнениях. Нет! Чем больше не хватает пищи, тем усерднее мы должны укреплять наши физические силы другими средствами»^[61].

Позже — уже после окончания войны, вскоре после капитуляции — официальные лица *Дай Ниппон Бутокукай*, вероятно, опасаясь того, что оккупационные власти прикажут им расформироваться, сами предприняли попытку реорганизации и возврата к тому статусу, который имелся у Общества до апреля 1942 г. Тогда контроль над деятельностью *Син Дай Ниппон Будо-кукай* и, соответственно, над ДНБК, перешел к трем силовым министерствам — армии, флота, внутренних дел и двум гражданским — просвещения и народного благосостояния. В последнем был даже создан отдел обучения боевым искусствам. Целью таких реформ была подготовка военнообязанного населения страны к службе в армии (те, кто застал советскую эпоху, могут вспомнить «начальную военную подготовку» в советских школах) и обучение различным разделам будзюцу непосредственно в войсках, то есть допризывная подготовка, обучение

призывников и военнослужащих императорских армии и флота. Тогда в программу обучения ДНБК, наряду с традиционными дисциплинами, были введены штыковой бой — дзюкэндзюцу и стрельба — сягэки, что окончательно определило заметный военизированный крен в обучении. Это при том, что еще до этого степень милитаризации обучения в японских школах вызывала особое внимание и озабоченность наблюдателей. «Ни в одной стране в мире военная тренировка молодежи во всей сети народного образования не занимает такого большого места как в Японии. Нигде так старательно и всесторонне не культивируется “любовь и уважение” к армии», — писали Е. Иоган и О. Танин^[62], а другой наш соотечественник, Б.А. Караев, учившийся в то время в японской школе, вспоминал: «Идеологическое и моральное воспитание учащихся основывалось на рескрипте “О просвещении” императора Мэйдзи 1890 г.

...Уроки морали требовали строгого повиновения конституции и законам империи, развивали патриотические чувства, воспитывали мужество и тем самым способствовали возвеличиванию и сохранению славы империи...

В японских школах уделялось большое внимание также физической подготовке и спорту. В средней школе еженедельно выделялось по два урока таким предметам, как физкультура, боевое искусство (по выбору — фехтование или борьба дзюдо), военная подготовка. Кроме того, один раз в неделю все ученики участвовали в кроссе на 2 тысячи метров... Ученики, добившиеся хороших результатов в спорте, пользовались уважением среди своих товарищей так же, как и отличники учебы.

В 1942 или 1943 г. был введен комплекс физической подготовки наподобие нашего ГТО, и все ученики должны были сдать эти нормы: бег на 100 и 1500 метров, перенос бегом тяжести, метание гранаты, подтягивание на перекладине, плавание и т. п. Нормы были трех степеней, но выполнить даже низшую (бронзовый значок) было довольно трудно. Сдавший на ту или иную норму получал соответствующий норме значок, который носил на кителе школьной формы. Я с гордостью носил серебряный значок второй степени, заработанный с большим трудом.

Учитывая военное время, в школе уделяли большое внимание военной подготовке учащихся. Обучение включало строевую подготовку, упражнения по ведению боя, разведку, ориентирование на местности, чтение карт, составление донесений, несение караульной службы и многое другое. При школе имелся склад оружия, где хранились закрепленные за каждым учеником боевая винтовка, а также ручные пулеметы и гранатометы. Занятия вели два старших лейтенанта. Курс подготовки был

достаточно серьезным, поэтому выпускники школы при поступлении в армию зачислялись кадетами, а после стажировки на действительной службе представлялись к званию младшего лейтенанта.

Один раз в неделю после занятий все классы выстраивались для проведения строевой подготовки. Занятия обычно заканчивались церемониальным маршем. Кроме того, один раз в месяц совершались походы строем, марш-броски с полной выкладкой, военные игры — все это физически закаляло и воспитывало выносливость... Сама система школьного образования воспитывала патриотизм, порой граничащий с фанатизмом, любовь и уважение к вооруженным силам и чувство долга, который призывал учащихся добровольно становиться в ряды защитников родины»^[63].

Заметим, что далеко не все рядовые члены и лидеры Дам *Нитон Бутокутй* были согласны с реформами, наложившими суровый отпечаток даже на жизнь школьников, но не могли сопротивляться давлению силовиков и не учитывали до предела милитаризованную обстановку в стране. Даже один из идеологов японского национализма, уже знакомый нам генерал Исивара Кэндзи воспротивился политике родного военного министерства, вступил в открытый конфликт с генералом Тодзё^[64], который, как говорят, лично настоял на создании *СинДай Ниппон Бутокукай*, был уволен из армии и пересел в 1941 г. из начальственного кресла на место университетского профессора, где продолжил поддержку развития будо уже в качестве частного лица.

Усилия по послевоенному срочному возвращению Общества к довоенным структуре и идеалам были обречены на провал. Ни для кого из поклонников боевых искусств не являлось секретом, что этот шаг был предпринят лишь для того, чтобы отвлечь внимание оккупационных властей и внутренних, демократически настроенных сил японского общества от того, как жило ДНБК во время войны, и продолжить свою деятельность уже в более спортивноориентированных формах. 23 сентября 1945 г. были опубликованы «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации», где констатировалось, что после «быстрой, решительной и полной» демилитаризации в Японии «будут распущены и запрещены все крайне националистические и милитаристские общественные, политические и коммерческие общества и институты»^[65].

В это же время Симура Хисаку, видный деятель *Дай Ниппон Бутокукай* в префектуре Ибараки, выступил со следующим заявлением, по

достоинству оцененным только десятилетие спустя: «Мы стремимся открыть широкой общественности настоящую суть воинских искусств, организовав для этого встречи в различных местах, пропагандировать причину того, почему мы должны впитать истинный дух воинских искусств для того, чтобы восстановить мирную Японию. Мы хотим, чтобы люди осознали, что воинские искусства есть инструмент не для ведения войны, а для под держания мира, и это на самом деле национальные искусства Японии». Противоречие, заключенное в таком рациональном объяснении, резало слух тем, кто воспринимал будто исключительно как рукопашный бой и средство поддержания внутренней агрессии, либо не зная, либо забыв о духе *Бутоку*. Так или иначе, японское правительство так и не решилось самостоятельно добавить *Бутокукай* в список организаций, объявленных вне закона, поскольку в этом случае многие официальные лица высокого ранга, связь которых с Обществом была очевидна, также попадали под политическую чистку.

Собственно, ни для кого не было секретом, что срочным порядком проводившаяся реорганизация носила поверхностный характер и заключалась как раз в том, чтобы заменить тех официальных лиц, которые могли быть задержаны по обвинению в военных преступлениях или попасть под чистки, на более лояльных и не запятнанных симпатией к милитаристам людей. Это было очень прямолинейной и не очень удачной попыткой избежать дискредитации Общества в тазах оккупационных властей: цель ДНБК оказалась «секретом Полишинеля». Начальник разведки американских оккупационных войск в Японии (G-2) генерал Чарльз Уиллоуби так прокомментировал это событие: «Официальная цель организации, а именно “развивать воинские искусства и содействовать обучению людей”, насколько это понятно из ее устава, не изменилась».

В служебной записке, адресованной командующему оккупационными силами в Японии генералу Дугласу Макатуру, Уиллоуби дал следующую рекомендацию: «В условиях постепенного усиления влияния военных и превращения их в доминирующий фактор японской политики, которое завершилось назначением Тодзё на пост премьер-министра в 1941 г., *Бутокукай* всё чаще стал использоваться как средство привития милитаристского духа массам Японии... Организация была преобразована в военных целях, а в ее программу были включены штыковой бой и стрельба... Роспуск Дай *Ниппон Бутокукай* приказом императорского правительства Японии рекомендован согласно условиям параграфа If меморандума SCAPIN 548 на том основании, что данная организация предоставляет военное или квазивоенное обучение и обеспечивает

увековечивание милитаризма и воинственного духа в Японии». Параграф 1 f меморандума SCAPIN 548, в свою очередь, гласил: «Запретить создание любой политической партии, ассоциации, общества или любой другой организации, а также любой деятельности любого лица или группы лиц, чьей целью или результатом действий будет поддержание военного или квазивоенного обучения». В соответствии с этой запиской японскому правительству в устной форме была дана инструкция включить *Дай Ниппон Бутокукай* в список организаций, перечисленных в приложении «А» меморандума SCAPIN 548, и распустить его, включая все его отделения, а также любые организации, которые контролировались ДНБК или были его дочерними структурами. 31 октября 1945 г. Общество воинской добродетели Великой Японии прекратило свое существование.

Сегодня мы знаем, что запрет на преподавание боевых искусств в Японии действовал недолго. Помимо сугубо практических причин, о которых мы расскажем в следующей главе, при его отмене американскими аналитиками руководило чёткое понимание того, что в соответствии с особенностями японской этнопсихологии, этот народ, потерпев поражение в войне, способен быстро перестроить свое отношение ко многим, казавшимся прежде ультранационалистическими, элементам своего мировосприятия и готов воспринимать их лишь как стержень национальной культуры, как часть национального наследия, национального характера — без акцента на агрессивности и одиозном национализме. Американские командиры и начальники, в свою очередь, с большим вниманием отнеслись к рекомендациям своих экспертов.

Много позже Мисима Юкио писал в своём эссе «Солнце и сталь»: «Создание новой идеологии начинается с попыток сформулировать главную, пока ещё не вполне определившуюся идею. Перед тем как приступить к ловле, рыбак долго выбирает удочку по руке; точно так же поступает и фехтовальщик, тщательно подбирая бамбуковый меч нужного веса и длины. Когда же человек собирается изменить свое мировоззрение, он присматривается к смутно рисующейся ему концепции, пытаясь придать ей то одну форму, то другую, и в конце концов находит приемлемый образ, после чего идея делается его подлинной собственностью, проникает ему в душу»^[66]. Выдающиеся мастера будо начала XX в. — члены *Дай Ниппон Бутокукай*, их друзья и единомышленники пытались найти в созданной японским обществом философии *кокутай* свою «главную, пока ещё не вполне определившуюся идею». Им показалось, что они нашли её — идеологию солнца и стали, когда японское знамя с изображением красного круга *хино мару* необходимо было нести «диким», по их представлениям,

народам с помощью меча. Идея проникла им в душу; воспитанные на ценностях *оёмэй*—мгновенного следования чувству, повиновения интуиции, они бросились рьяно и бездумно воплощать ее в жизнь с помощью стали. Беда и вина этих людей заключалась в том, что они недостаточно внимательно «присмотрелись» к концепции этой идеи, «не взвесили меч в руке» и не заметили, как она опасна для мира и для них самих, сколько величайших бед она способна принести, и как грубо переворачивает она их же собственные представления о благородстве и добродетели. Впрочем, сам Мисима, так точно описавший то, как *надо* действовать, когда пришло время действовать ему самому, поступил в точности, как его предки, и... лишился головы с третьего удара неумелого фехтовальщика^[67].

НЕПОСЛЕДНИЕ САМУРАИ

Возрождение золотого феникса

Сильнейший психологический стресс, пережитый японцами в результате внезапного для большинства из них поражения в войне, находил порой самые неожиданные проявления. В 1950 г. буддийский монах сжёг один из красивейших храмов страны — «Золотой павильон» *Кинкакудзи*. Пожар великолепного сооружения можно было считать своеобразным символом крушения прежней Японии, точно так же как и его восстановление в 1955 г. — знаком возрождения и началом строительства новой, совсем иной страны. Но еще прежде, чем над крышей *Кинкакудзи* поднялось золотое изваяние волшебной птицы Аво — Феникса, произошло воскрешение, казалось бы, вновь, как и в конце XIX в., безвозвратно утраченных боевых искусств.

«Постепенное возрождение занятий всеми дисциплинами началось с того момента, когда в 1947 г. союзные державы решили сохранить некоторые классические *будзюцу* и создать новую современную дисциплину, *тайхо-дзюцу* (искусство задержания), в качестве мер по самообороне, необходимых при подготовке японских полицейских для довольно децентрализованной системы охраны правопорядка в Японии. В следующем году *кэндо* и *дзюдо* были признаны необходимыми для обучения личного состава правоохранительных органов дисциплинами; и уже переориентированные в сторону спорта эти современные дисциплины стали доступны для широкой публики. Вначале к этим, ставшим спортивными, дисциплинам японская общественность относилась довольно настороженно, и занятия ими не нашли широкого распространения. Однако их популярность стала расти, когда служащие в различных родах вооруженных сил поголовно увлеклись *кэндо*, *дзюдо*, *каратэ-до* и *айкидо*; многие японские специалисты жили за счет обучения этим дисциплинам», — писал об этом свидетель тех событий Донн Дрэгер^{[68][69]}.

Процесс запрещения основных японских *будо* — *дзюдо*, *кэндо*, *кюдо* и *каратэ* — шёл непросто, и точно так же нелегко решался вопрос их восстановления. До сих пор эта история выглядит изрядно запутанной даже для самих японцев. Основным камнем преткновения в ней служат два момента: насколько серьёзным было это запрещение и какими именно видами *будо* нельзя стало заниматься. Даже поверхностный анализ имеющихся документов ясно показывает, что сформировавшееся сегодня

среди поклонников боевых искусств, как на Западе, так и в самой Японии, представление о «жестоких карательных мерах» против боевых искусств, строжайшем запрещении практиковать что бы то ни было кому бы то ни было, не имеет под собой никаких реальных оснований. Имидж будо, как пострадавшей от послевоенных репрессий части национальной культуры обусловлен скорее виртуальной или психологической, чем реальной, составляющей. Японцы, таким образом, под давлением победившей силы признали свою неправоту, поражение и необходимость «покаяться в грехах». Они лишь исполнили своеобразный ритуал очищения, прежде всего, в своих собственных глазах. Своеобразным, растянутым во времени на многие десятилетия, покаянием стало и акцентирование внимания неофитов, в том числе и иностранных, на тяжёлом ударе, который якобы выдержали японские боевые искусства. Но что же, помимо ритуализированного покаяния, произошло на самом деле? А вот что.

Оккупационные власти в лице Верховного командования силами союзников в Японии (то есть, по существу, командование американским контингентом и лично генерал Дуглас Макартур) запретили лишь преподавание и обучение в школах и университетах *кэндо*, *дзюдо*, *кюдо* и *каратэ*: «Классические виды спорта, которые поощряют военный дух, такие как *кэндо*, должны быть полностью удалены из программ. Физическая культура не должна быть связана с *сэйсин кёику* (духовным образованием)»^[70]. Эта установка американского командования принципиально важна! Согласитесь: удаление будо из программ обучения в школах и университетах и тотальный запрет единоборств — не совсем одно и то же. Нельзя не отметить, что для российского читателя — любителя единоборств эта ситуация должна быть по-особому понятна, близка и волнующа. Во времена Советского Союза, через полтора десятка лет после самого появления *каратэ* и вскоре после начала проведения соревнований по этому виду единоборств, история его развития была прервана Указами Президиума Верховного Совета РСФСР № 6/19 и № 6/24 «Об административной и уголовной ответственности за нарушение правил обучения *каратэ*» от 11 ноября 1981 г. Тогда же было принято и изменение к ст. № 219/1 Уголовного Кодекса РСФСР — об уголовной ответственности за «незаконное обучение *каратэ*». Через два с половиной года Спорткомитет СССР издал приказ № 404 «О запрещении обучения *каратэ* в спортивных обществах». И здесь налицо было запрещение преподавания, а не запрет на тренировки, но принципиально важным нам кажется отметить, что в Советском Союзе запрещение преподавания могло повлечь автоматическую, хотя и негласную, ликвидацию практики. Этого не

произошло по причинам, которые никак не мог предусмотреть ни Спорткомитет, ни МВД, но это тема другого исследования. Безусловно, в любом случае сложно представить себе тренировку без преподавания и учеников без учителя, но в советском варианте ситуация оказалось особенно сложной. Кризис застиг у нас единоборства на подъеме, когда роль наставника, методики (и без всякого запрещения практически полностью отсутствовавшей) была особенно важна и востребована: нет учителя — нет занятий. Что и говорить: многие помнят, что в те годы любой человек с чёрным поясом казался непревзойдённым мастером, а тренировки порой вели те, кто сам начал заниматься лишь несколько месяцев назад!

В Японии 1945 г. всё выглядело вроде бы очень похоже, но на поверку оказалось совсем иначе. В стране имелось несколько миллионов профессиональных *будока*, сотни выпускников *Будо сэммон гакко* (школа прекратила свое функционирование с 1946 г.), которые могли продолжать тренировки, невзирая на запрет, так как эти занятия никак не были связаны с проблемой преподавания в школах или университетах. Обладая довольно высокой квалификацией и продолжая заниматься сами по себе и не будучи, в отличие от бывших самураев начала периода Мэйдзи, зависимыми материально от своих занятий, они сравнительно легко могли пережить запрет и, собственно, именно так и произошло.

Второй, для многих не вполне ясный и сегодня, вопрос относится к видовой сфере ограничения занятий. Запрещено было преподавание всех видов *будо*, но по одному из них — *каратэ* — потребовалось особое разъяснение специалистов американского штаба и японских сановников: «Да, *каратэ* тоже запрещено»^[71]. Однако классическая современная трактовка той истории изложена в нашем интервью с известным *каратэка* Танака Тёго: «Традиционные виды японских *будо* — *кэндо* и *дзюдо* — были запрещены тогда оккупационными властями. Американцы, напуганные пилотами-смертниками *камикадзе*, опасались, что с помощью практики традиционных *будо* японцы будут поддерживать в себе самурайский дух *бусидо*, и “закрыли” *кэндо* и *дзюдо*... Но вот что интересно: всё это время *каратэ* оставалось открытым, оно было разрешено, оно существовало!»^[72] Сегодня мы знаем, что это не так, — вроде бы запрещено было практически всё, но... как-то нерешительно и, повторимся, сам запрет действовал лишь на преподавание и только в школах.

Ещё одно отличие японской действительности от советской заключалось в том, что японские наставники могли не опасаться, что,

преследуя на самом деле за преподавание, например, *каратэ*, их привлекают к ответственности за, скажем, «изготовление и сбыт порнографии» или за фарцовку, кстати, самый процветающий бизнес в послевоенной Японии. Ну и наконец, совсем уж странным для нас выглядит то, что в период «запрещения» будо практически по всем их видам проводились соревнования^[73]. А «запрещённое» дзюдо даже объединилось во Всеяпонский союз, глава которого, сын и преемник Кано Дзигоро, Кано Рисэй обращался к командующему Силами союзников генералу Макартуру с просьбой о разрешении именно преподавания дзюдо и включения его в школьную программу^[74] — после запрета не прошло и трех лет! Одновременно очень активно шёл процесс образования ассоциаций, прежде всего, дзюдо и кюдо, проводились соревнования и в других видах будо, таких, например, как *айкидо*, которое именно после войны начало набирать силу. Начали формироваться и новые, в дополнение к уже зарегистрированным в ДНБК ещё до войны, федерации и клубы *каратэ*.

В таком случае против кого был направлен запрет? Против обычных японцев? Против школьников и студентов? Конечно же, нет. Как видно из документов, дискриминационные меры были обращены, в первую очередь, против наиболее одиозных носителей идеологии *бусидо*, какими они казались американцам тогда, в условиях только что заключенного мира — после долгой и кровопролитной войны, начавшейся вероломным нападением на Пёрл-Харбор. Виновным в области боевых искусств был объявлен не какой-то отдельно взятый их вид — дзюдо или кэндо, или *каратэ*, или кюдо, и не все виды будо в целом, а конкретная организация — *Дай Ниппон Бутокукай*. Это было справедливо и объяснимо: как мы помним, американцы с начала войны пристально наблюдали за чётко организованной структурой, в руководство которой входили отставные генералы, принцы, руководители тайных обществ, и идейной базой которой на тот момент служило *кокутай* — учение не вполне понятное, но известное тем, что на нем основывалась идейная политика ближайшего союзника нацистской Германии, и тем, что оно стало оправданием жестокого завоевания почти всего Азиатско-Тихоокеанского региона. И было уже абсолютно не важно, что практическая опасность *Дай Ниппон Бутокукай* непосредственно для США никогда и никем в этой стране не была подтверждена — организацию занесли в списки «потенциально опасных», пусть даже допросы её членов и не выявили их принадлежности ни к японской шпионской сети, ни к какой-либо подготовке диверсантов или террористов. Информация же о том, что переел началом занятий

кэндока совершают поклон в сторону южной стены додзё, если и выглядела подозрительной, то к факторам прямой угрозы отнести её было всё же затруднительно^[75].

В результате получилось так, что вскоре после оккупации Японии американскими войсками возникла ситуация, когда насущно необходимо было запретить сам дух бусидо, о котором американцы были наслышаны в теории, а на практике столкнулись на полях и морях сражений. Зримым воплощением духа и было признано *Дай Ниппон Бутокукай*. Но как запретить дух? Американцы попытались (и небезуспешно) хотя бы блокировать его воспитание в следующих поколениях. Для этого и было решено запретить преподавание основных будо в учебных заведениях. Формальная отсылка этого решения к внутрияпонской инициативе была подобрана специально: в американских документах мы находим ссылки на исполнение «п. 4 императорского рескрипта 101»^[76].

Нам пока не удалось обнаружить такого рескрипта, тем более, что они не нумеровались и редко разбивались по пунктам. Возможно, речь идет о правительственном указе № 101 1946 г., в соответствии с которым организации, квалифицированные как ультранационалистические, террористические или тайные, должны были представить списки своих членов, а также указать свои источники доходов. В свою очередь, в императорском рескрипте от 1.01 — подготовленном в штабе Макартура обращении императора Сева (Хирохито) к народу 1 января 1946 г., известном как *нингэн-сэнгэн* и, строго говоря, состоящим из двух рескриптов — «Об устройении новой Японии» и «О восстановлении нации», был, как принято сейчас говорить, заложен определенный сигнал. Принято считать, что в этом обращении император отрёкся от божественного статуса японских правителей, но нас в данный момент интересует другое. Обращение начиналось с цитирования «Клятвы пяти пунктов» — образной «программы» своего правления, которую объявил дед Сёва — император Мэйдзи в самом начале модернизации Японии — в 1868 г. Четвертый пункт клятвы гласил: *«Отжившие методы и обычаи будут уничтожены, и нация пойдет по великому Пути Неба и Земли»*. С некоторой натяжкой, но вполне допустимо будет предположить, что этот четвертый пункт и стал, как сейчас принято говорить, образным, но недвусмысленным сигналом к действию по уничтожению «отжившего обычая» — бусидо. Еще до этого, в октябре 1945 г., через 50 дней после подписания акта капитуляции Японии, штаб Макартура представил японскому правительству меморандум о необходимости запрещения

милитаристской и ультранационалистической подготовки и прекращения военного образования^[77]. Теперь же, с американской подачи, японцы взяли борьбу со своим национальным духом в собственные руки. Администрация Макартура осуществляла общее руководство оккупационной политикой, отправляя для контроля в штаб 8-й американской армии копии всех директив японскому правительству. Специальный отдел дублировал их в своих указаниях и рассылал для контроля командующим корпусами по всей Японии, которые, в свою очередь, пересылали их в отделы американской военной администрации, контролирующей деятельность администраций японских префектур.

Безусловно, репрессии в отношении представителей мира единоборств, которые применялись в Японии конца сороковых, нельзя сравнить с теми «мерами воздействия», которые обрушились на наших спортсменов в начале восьмидесятых, когда многие именитые отечественные каратисты попали за решётку по сфабрикованным обвинениям, а как минимум один — по обвинению в преподавании каратэ, но они тоже были. Только коснулись эти репрессии, осуществляемые не одними американцами, как ныне принято думать, а самими японцами, и основным видом которых было увольнение из различных ассоциаций *будо*, школ и университетов, почти исключительно членов *Дай Ниппон Бутокукай*^[78] — да и то скоротечно. «Чистка» системы образования, отмена милитаристского «морального воспитания» началась сразу после начала оккупации (уже упоминавшаяся директива об этом была подписана 30.10.1945 г.), а 15 декабря того же года вышла директива о запрете официальной поддержки «государственного *синто*», «*Кокутай-но хонги*» и другой националистической литературы, а заодно и запрет на выставление *камидана* в общественных местах. Сразу после объявления *нингэн-сэнгэн*, 4 января 1946 г. было принято решение о «чистке» националистов, к которым, в частности, были отнесены те, кто занимался «военным и полувоенным обучением». *Дам Ниппон Бутокукай* попало под «чистку», как и очень многие другие организации военно-патриотического толка (всего к декабрю 1951 г., когда процесс повернулся вспять, таких организаций было распущено 233)^[79]. Из 200 тысяч человек, подвергнутых репрессиям в послевоенной Японии к маю 1948 г., 221 человек были сотрудниками *Бутокукай*^[80].

Однако обстановка и в Японии и в мире в тот период очень быстро менялась. «В конце сороковых Япония столкнулась с серьезными внутренними проблемами, одной из которых было возрождение

националистической идеологии. Крайние националисты своими политическими убийствами и другими жестокостями стремились взорвать установившееся в стране социальное и политическое согласие. Японские полицейские силы, будучи сильно децентрализованы, оказались неспособными противостоять подобным проявлениям насилия, так что главнокомандующий союзных войск издал законодательный акт, направленный против действий всякого рода возмутителей порядка. Но лишь начало Корейской войны в 1950 г. привело к существенному повороту в политике оккупационных войск, которая до того времени была направлена на демилитаризацию и демократизацию Японии»^[81]. Ключевой в этой обширной цитате из «Современных будзюцу и будо» Донна Дрэге-ра является последняя фраза. Одновременно с победой над Японией Соединённые Штаты начали перелицовку бывшего главного противника в главного союзника. Стало абсолютно ясно, что Японии как врага больше не существует. Изменилось и отношение к проявлениям национализма. Уже в августе 1951 г. в своих правах были восстановлены 2457 «милитаристов и ультра националистов» различных категорий. Под надзором полиции были оставлены только «самые отъявленные», в том числе уже знакомый нам Окава Сюмэй и последний председатель *Гэнъёся* Синдо Кадзума^[82], а к 28 августа 1952 г., когда был официально восстановлен суверенитет Японии, из 46 068 националистов под надзором оставались только 208 человек (вскоре и они вернулись к обычной жизни)^[83]. Естественным образом отпадал и смысл репрессий в отношении главного и традиционного оружия нового союзника — *бусидо* во всех его проявлениях. Наоборот, стало критически важным научиться использовать это оружие в отношении нового врага — Советского Союза, первое столкновение с которым случилось уже в 1950 г. во время Корейской войны^[84]. Вчерашние смертельные противники — американцы и японцы — объединились в борьбе против общей угрозы в лице СССР. Но ещё до этого, как следует из документов, *дзюдо* и другие виды *будо* начали проникать в среду военнослужащих оккупационных сил^[85].

«С началом Корейской войны были официально сняты все запреты на занятия как классическими, так и современными дисциплинами, и было вновь открыто общество *Бутокукай*. Главнокомандующий союзными войсками распорядился, чтобы японское правительство в отсутствие союзных войск взяло на себя обеспечение внутреннего порядка, поскольку войска нужны были на корейском фронте, и создало национальные полицейские резервы. С этой поры и стали беспрепятственно заниматься

классическими, а также и современными *будзюцу*, созданными с целью обучения полицейских, а *кэндо* и *дзюдо* были выбраны основными средствами физического воспитания для всех японских полицейских», — вспоминал Донн Дрэгер^[86].

Участие американских военнослужащих в корейской войне, а также их пребывание в том или ином качестве в Японии тех времен послужило мощным стимулом для развития общей культуры единоборств сначала в Америке, а потом и во всем мире. Самый яркий и известный пример такого воздействия — Чак Норрис, увлеченный корейскими единоборствами во время своей службы в этой стране, а потом «перешедший» на *каратэ*. Но легендарный актер попал в Корею уже позже — в 1959 г., а вот один из отцов современного европейского *каратэ*, обладатель 10-го *дана* и выдающийся *дзюдоист* (9-й дан) голландец Йон Блюминг впервые познакомился с *дзюдо*, оказавшись в токийском госпитале после ранения, полученного в Корее в начале 1951 г. Вот как он сам вспоминает об этом: «В эти дни нам устроили экскурсии по Токио. В числе достопримечательностей, которые мы посетили, был и институт *дзюдо Кодокан*. Пожилой мастер по фамилии Мифунэ провел для нас показательные выступления. Он был обладателем высшей мастерской степени в *дзюдо*, но в то время я даже и не подозревал о том, какую большую роль он позднее сыграет в моей жизни... Этот крошечный старичок — по крайней мере, мне он казался старичком — с красным поясом поверх пижамы может разбросать крепких молодых парней в разные стороны, словно горячие пирожки. Помню, я тогда подумал: “Круто! Вот бы мне научиться так же!”»^[87] Позже учителями Блюминга стали и Мифунэ Кюдзо, и Ямагути Гогэн, и преемник Утида Рёхэй в его школе Симидзу-сэнсэй, и не раз уже цитировавшийся нами теоретик и практик *будо*, офицер американской морской пехоты, участник войны и в Японии, и в Корее, обладатель высоких степеней мастерства в очень многих школах и стилях *будо*, Донн Дрэгер.

Таким образом, всего за 5–6 лет японским боевым искусствам пришлось пройти сложный путь от почти всеобщего осуждения и официального полузапрещения до полуофициального признания со стороны тех, кто только что советовал их запретить. Конечно, *будо* пережило тогда очень сильный шок, но ведь *будо* — это, прежде всего, люди, идущие по Пути воина. Хотя в целом для законопослушной нации объявление части ее национальной культуры «наследием преступного милитаристского прошлого» стало серьезным потрясением, от которого она

не может окончательно оправиться до сих пор, понятно, что наибольший моральный урон понесли те из японцев, кто, будучи связан с боевыми искусствами, оказался репрессирован, то есть преподаватели школ и университетов и, конечно, члены Дам *Нитон Бутокукай*. Именно это мы имеем в виду, когда говорим о том, что запрет Общества Воинской добродетели стал, в определённом смысле, очистительной жертвой, принести которую было необходимо во искупление грехов, главным из которых оказалось отклонение от идей истинного *бусидо* и истинного *будоку*.

Казалось бы, как символическим запрещением традиционных единоборств стало запрещение деятельности ДНБК, так началом возрождения логично было бы считать возобновление его работы. Однако не всё так просто. Чётко направленное в русло отрицания собственной истории мышление японцев пока было готово сконцентрироваться только на проблемах, имевших официально выраженную либерально-демократическую привязку. *Дзюдо*, даже *кэндо* и *каратэ* вписывались в новую систему восприятия мира *будо*, так как были признаны достойными существования американцами — главными авторитетами в области либерализации и демократии. Многие виды боевых искусств после войны дали заметный крен на спортивное начало, демонстрацию не индивидуального духа, не духа каждого конкретного воина, как это было принято в японской традиции до войны, а духа командного — понятного и приемлемого всё теми же американцами. Мы думаем, что в этом нет ничего плохого: *до* — Путь сам по себе, и *будо* — Путь воина, в том числе, понятие динамичное, развивающееся. Глубочайшим заблуждением было бы думать, что в такой ситуации Общество Воинской добродетели продемонстрировало косность и неуправляемость. Наоборот, пройдя чистку на пути к возрождению, критически взглянув на свое недавнее прошлое и осознав произошедшее, оно смогло вернуться к тем идеалам, которые вполне осознанно пропагандировало до печального 1942 г., когда «дало заметный крен в военном обучении». Пережившее «реинкарнацию» ДНБК вместе со всей Японией получило импульс для восстановления и развития *будо* и обрело новую... или старую, но «хорошо забытую» духовную основу.

Самурайская элита сегодня

1953 год стал точкой отсчета в процессе возрождения *Дай Ниппон Бутокукай* — «золотого фонда» японских боевых искусств. Новая организация в идеологическом плане имела подчеркнуто мало общего с Обществом довоенного и особенно военного периодов. Целями нового *Бутокукай* были провозглашены сохранение традиций классических воинских искусств и содействие установлению мира во всем мире через практику *будо*. Примечательно, что духовным центром и официальной штаб-квартирой нового *Дай Ниппон Бутокукай* стал уже не связанный с императорским культом и ассоциировавшийся после войны с агрессивным государственным *синто* храм Хэйан-дзингу, а находящийся неподалеку от него и, соответственно, от *Бутодэн*, вполне мирный буддийский монастырь Сёрэн-ин, настоятелем которого традиционно является один из членов императорской семьи и который неизменно пользуется особым вниманием японской августейшей фамилии (рассказ об этом впереди).

Собственно, президентом возрождённого *Дай Ниппон Бутокукай* стал именно этот представитель правящей фамилии (брат покойной ныне супруги императора Хи-рохито — императрицы Нагако, верховный настоятель Сёрэн-ин принц Хигасифусими Дзиго), а руководство Общества составили наставники традиционных воинских искусств высшего уровня. Нетрудно заметить, что это не только соответствовало Уставу старого *Бутокукай*, но и подчеркивало преемственность традиций, столь важных для каждого японца.

Разумеется, подавляющее большинство новых руководителей имели «старую закалку» — относились к школе еще довоенного *Бутодэн* — других в Японии просто не существовало. Они здраво восприняли произведённую поражением в войне коррекцию японских традиций и стали выразителями идей нового *Дай Ниппон Бутокукай*. В разработанной ими программе развития возрождаемой организации особое внимание уделялось сохранению многогранного наследия классических боевых искусств, пониманию *будо* как части национальной культуры, восстановлению традиций элитной японской военной культуры, а также воспитанию духа служения обществу путем усердных тренировок в боевых искусствах.

Очень скоро, по мере углубления мирового процесса интернационализации и развития кросскультурных коммуникаций,

возникла необходимость адекватной современным условиям презентации истории ДНБК, сути и целей нового *Дай Ниппон Бутокукай* мировому сообществу. Выполнение этой задачи легло на плечи одного из самых молодых и одновременно самых ярких и талантливых мастеров Общества Хамада Тэссин Хироюки тогда доктора, а ныне профессора американского университета Доминион (штат Вирджиния), сына ханси довоенного *Дай Ниппон Бутокукай*.

Первой страной, где открылось отделение обновлённого Общества, вполне логично стали Соединенные Штаты Америки. В 1965 г. ханси Хамада совершил первую и сразу очень удачную попытку перенесения традиций *Бутокукай* на восточное побережье Америки, открыв там *додзё*. Семь лет спустя по поручению вице-президента ДНБК ханси Оно Кумао и совета директоров *хонбу* было создано первое официальное подразделение за пределами Японии — в штате Вирджиния, на восточном побережье США. В 1985 г., после успешного выступления представителей Соединённых Штатов на Всеяпонском ежегодном фестивале *Бутокусай* в Киото, было объявлено об учреждении официального филиала ДНБК в США — *сибу* под управлением Хамада Тэссин. Стоит ли говорить, что с довоенным *Хокубэй Бутокукай* эту организацию уже ничего не связывало, да и вряд ли кому в голову приходила мысль о таком сравнении...

Американские «пробы» оказались весьма успешными, и в 1992 г. совет директоров *хонбу* учредил Международный дивизион *Дай Ниппон Бутокукай*. Естественно, что возглавил его ханси Хамада Тэссин, видящий главную цель вновь созданного подразделения в том, чтобы «нести дух *Дай Ниппон Бутокукай* в международное сообщество». После короткого организационного периода в Норфолке, штат Вирджиния, был проведен 1-й Всеамериканский *Бутокусай*, участие в котором приняли двадцать ханси *Дай Ниппон Бутокукай*, а также ведущие эксперты в области боевых искусств, специально приехавшие из *хонбу* и продемонстрировавшие вершины своего мастерства. В 1994 г. в Лондоне был проведен первый европейский официальный семинартренинг по боевым искусствам, и совет директоров *хонбу*, вдохновленный темпами развития *будо* в мире и уровнем понимания парадигмы *бутоку* иностранными членами Общества, принял решение о необходимости проведения международного фестиваля.

1 — й Всемирный *Бутокусай*, участие в котором приняли более двухсот пятидесяти обладателей черных поясов из десяти государств, был проведен в 1998 г. не в Японии, а в США. На фестиваль прибыла официальная делегация *хонбу* в составе двадцати высших мастеров, возглавляемая президентом Общества — принцем Хигасифусими Дзиго.

Участники *Бутокусай* продемонстрировали перед членами делегации свои умения в области *кэндо*, *нагина-тадзюцу*, *дзюдзюцу*, *иайдо*, *содзюцу*, *айкидо*, *каратэдо* и *кобудо*, определив, таким образом, основную программу будущих фестивалей. Церемония проводилась в традиционном формате *Дай Ниппон Бутокукай*, когда акцент в происходящем делается на демонстрацию воспитания коллективного духа единства, чести и достоинства, присущих ведущему обществу боевых искусств.

В 2002 г. 2-й Всемирный *Бутокусай* прошел уже на родине *будо* — в Киото, в историческом здании *Бу-току дэн*, а все сопровождающие праздник церемонии культурно-религиозного характера были исполнены в святилище Хэйан-дзингу. Церемония сопровождалась ритуальным пуском двух стрел по традиции *кюдо*. Две стрелы — особый символ *Дай Ниппон Бутокукай*, изображенный на эмблеме Общества и присутствующий в разных видах на всех предметах, имеющих отношение к *Бутокукай* (например, на галстуках членов Общества). Российская команда впервые тогда приняла участие в этом грандиозном празднике.

Успех 2-го Всемирного *Бутокусай* позволил хонбу надеяться на хорошее продолжение традиции, и эти надежды вполне оправдались. 3-й Всемирный *Бутокусай* прошел, как это было принято еще в XIX веке, в конце апреля в Киото, в *Бутокудэн* и собрал более 900 участников из 41 страны мира. Традиции были не только сохранены, но и получили развитие, позволяющее надеяться, что благородный Путь служения истинным идеалам воинских искусств будет продолжен. В том числе и в России, так как на 3-м Всемирном *Бутокусай* наша страна была официально представлена новым, современным, но уже завоевавшим признание и уважение в *alma mater будо*, стилем—*Кёдзицу дзиссэн будо* (зарегистрирован в дивизионах *дзюдзюцу* и *иайдо*, секция *кобудо*). Наполненные личными эмоциями воспоминания о двух *Бутокусай* и необычном *будо-семинаре*, в которых нам посчастливилось принимать участие, мы предлагаем читателям далее. Первый материал написан А.Д. Арабаджиевым, третий — А.Е. Кулановым, а автором второго выступил сам *ханси* Хамада Тэссин — мы специально приводим его текст, так как считаем, что он наилучшим образом передает те эмоции, которые переполняли тогда всех нас...

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

О 2-м Всемирном фестивале Воинской добродетели (2002 г.)

По современной классификации, принятой в *Дай Ниппон Бутокукай*, все боевые искусства разделены на следующие организационные подразделения:

1. Секция *кэндо*: *кэндо*.
2. Секция *кобудо*: *дзюдзюцудо*, *айкидо*, *каратэдо*, *иайдо*, *дзюкэндо*, *дзюдо*, *нагинатадо*, *кюдо*, *дзёдо*, *сод-зюцудо*, *кобудо*.

За время проведения будо-семинара (*косюкай*^[88]) с японскими мастерами та часть нашего Международного дивизиона, которая изучает японское традиционное *дзюдзюцу*, познакомилась с классическими стилевыми техниками школ *Янаги-рю* (*сэнсэй* Кавамура и Такэда), *Синдэн-рю* (*сэнсэй* Кувахара), *Сибукава-рю* (*сэнсэй* Куруматзи), *Кусин-рю* (*сэнсэй* Ёнэнага). Процесс ознакомления проходил в виде демонстраций традиционных форм—*ката*—представителями стилевых направлений, после чего мы получали время для адаптации увиденной техники.

В других дивизионах демонстрировалась стилевая техника *Окинава Кокан-рю* (*сэнсэй* Маэсиро), *Матаёси Кодокан* (*сэнсэй* Хаясака), *Годзю-рю* (*сэнсэй* Итида), *Кусин-рю каратэ* (*сэнсэй* Ямада).

Дивизион *кэндо* был представлен мастерами Цудзино, Такада, Сато, Ёсимото, Окиаи.

Дивизион *иайдо* представляли фамильные мастера *Ис-син мусо-рю* *сэнсэй* Маэда, Кавасаки, Кава, Накамура.

Дивизион *айкидо* и *дзёдо*: мастера *Дайто-рю* — Ма-цумото, *Сосиндо айкидо* — Ямагути, *Синдо мусо-рю* — Миура и Киносита.

Дивизион *дзюдо* представлял Ямада-сэнсэй.

Дивизион *содзюцу* представлял один из нынешних руководителей *Дай Ниппон Бутокукай* Наката-сэясэм.

По сути, весь процесс проведения *косюкай* был организован для создания единой понятийной технической базы, объединяющей различные школы и направления, что в конечном счёте служило ключом в *Бутокудэн* и создавало единый энергетический фон.

После окончания семинара, обменявшись с коллегами десятками поклонов и поздравлений, наша многочисленная группа двигалась по улицам древней самурайской столицы. Интересно, что японцы практически

не обращали внимания на сотни людей, идущих в *кэйкоги* и *хакама*, несущих за спиной зачехлённое традиционное оружие, и только изредка мы ловили заинтересованные взгляды немногочисленных иностранцев.

Вечером состоялся официальный банкет, посвящённый открытию *Бутокусай*, на котором как две половины — *Ин* и *Ё* (инь и ян) — были представлены Международный дивизион и японские делегаты. Атмосфера благородства духа, гром барабанов *тайно*, подарки от членов императорской семьи, обмен впечатлениями с новыми друзьями — всё это создало единый праздничный фон. Кстати, одной из особенностей *Дай Ниппон Бутокукай* является то, что все присутствующие, независимо от титулов и званий, на официальных мероприятиях в *хомбу* носят чёрные пояса и никоим образом не выделяются — все одинаково взаимно вежливы и церемониальны. Это же можно сказать и об отношениях между представителями различных направлений *будо*. На всём протяжении общения мы не смогли заметить какого-либо негативного отношения представителей какого-нибудь из направлений боевых искусств к своим коллегам. В *Бутокукай* язык *будо* постепенно становится языком мира, где каждый может говорить и обязательно будет услышан.

Позже, когда члены национальных команд разошлись, чтобы отдохнуть и набраться сил перед завтрашним днем, с главами делегаций встретилось действующее руководство ДНБК: *ханси* Адати, *ханси* Миура и *ханси* Хамада. Мы и сегодня часто вспоминаем эту беседу, великого мастера меча Миура Такэюки, ныне уже завершившего свой земной путь, тоща рассказавшего нам о том, что каждый день, когда он приходит в *додзё* и встречается со своими учениками, он воспринимает как очередную весну своей жизни.

В начале Всемирного *Бутокусай* нам выпала великая честь продемонстрировать своё мастерство и боевой дух перед принцем Хигасифусими Дзиго и целой плеядой прославленных мастеров *будзюг^у*. Рано утром перед этим все члены делегаций, одевшись в традиционную форму, направились в святилище Хэйан-дзингу, где должен пройти обряд открытия *Бутокусай*. После совершения синтоистских ритуалов старые мастера, облачённые в фамильные кимоно, посвятили свои *ката* божествам и вознесли молитву о покровительстве и защите. Церемонию официального открытия начал мастер *кюдо*. Выйдя вперед, он тщательно изготавился и, соблюдая строгий этикет, присущий этому древнейшему искусству, послал в центр мишени, установленной неподалеку, две стрелы. Символика этого ритуала заключается в том, что первая стрела отмечает и убивает всё то зло, что есть в настоящем, вторая — то, что ждёт в будущем:

старое дает нам уверенность, новое ведет нас к победе. По другой версии, первая стрела отмечает всё то, что есть в настоящем, вторая ведёт в будущее. Именно поэтому, кстати, на эмблеме Дай Нитон Бутокукай изображены императорская 16-лепестковая хризантема, иероглифы бутоку и те самые две стрелы, убивающие зло и возвращающие нас к счастливому состоянию^[89].

Началась демонстрация, за которой наблюдали более тридцати мастеров фамильных воинских традиций во главе с Благородным Хигасифусими Дзиго. Выходили группы, демонстрирующие искусство меча, их сменяли окинавские стили *кобудо*, после которых мы увидели окинавские школы *каратэ Тито-рю* и *Годзю-рю*. Айкид-зины сменяли дзюдоистов, дзюдоисты уступали татами мастерам *Дайто-рю айкидзюцу*, и так до тех пор, пока все национальные группы не продемонстрировали своё мастерство. Наконец, церемониймейстер объявил о выступлении нашей команды.

Ещё во время первого посещения *Бутокудэн* мы испытали сильное волнение — настолько мощной была энергетика древнего воинского храма. Она чувствовалась повсюду, но внутри нас самих царил пустота. Это чувство повторялось при каждом посещении *Бутокудэн*: он принимал нас, стараясь раскрыть что-то неуловимое, возможно, то, к чему мы стремимся, стараясь изменить себя, идя по воинскому Пути. И вот — мы выступаем в *Бутокудэн*.

После выполнения формального этикета началась собственно демонстрация: входы, защиты, броски, контратаки руками и ногами — всё слилось в единую круговерть изошрённой техники. Сознание работало так стремительно, что исключало всякую возможность какой-либо ошибки. Всё закончилось также мгновенно, как и началось. Ощущение пустоты не покидало, но пришло неожиданное понимание того, что не надо ждать и желать от *Бутокудэн* признания, титулов и *данов*—всего того наносного, к чему обычно стремятся представители западной цивилизации, приезжая в Японию. Наоборот: самое важное — это не то, что мы берем, а то, что мы оставляем в *Бутокудэн* — свой дух в его стенах, наша кровь и пот на *татами*. Мы становимся его частью, его историей, впитывая всё то, что оставлено нам его отцами-основателями. Это и есть для нас главная благодарность и главная награда.

Но оказалось, что нам будут вручены и вполне осязаемые призы. На церемонии награждения А.Д. Арабаджиев стал *рэнсиДай Ниппон Бутокукай* и получил полномочия по координации действий этой организации на всей территории Российской Федерации, а один из

выдающихся фехтовальщиков XX в. Миура-хансм вручил ему диплом за мастерство, мужество и вклад в развитие традиционных боевых искусств.

Был и ещё один знаменательный эпизод в нашей поездке. Это церемония вручения подарков от стран и делегаций ко дню рождения благородного Хигасифусими Дзиго, духовного лидера ДНБК. Приём по этому случаю проводился внутри храмового комплекса Сёрэн-ин, в зале, где в своё время его настоятель встречался с сёгуном. Поражала внутренняя мощь наставника — 92-летнего старца, прочитавшего для всего Международного дивизиона лекцию о мире, гармонии и будо, как олицетворении души Японии. После церемонии каждому из присутствовавших был вручён веер с его собственноручной каллиграфией.

Улетая из этой страны, мы чувствовали, что оставляем там часть своей души — чтобы вернуться. И мы вернулись...

3-й Всемирный фестиваль Воинской добродетели в г. Киото

**(Письмо главы Международного дивизиона *Дай Ниппон Бутокукай*
Хамада Тэссин)**

Свершилось историческое, эпохальное событие, отличавшееся от подобных не высоким числом участников, но духом, столь высоко взлетевшим, что, казалось, он преодолел потолок исторического здания — Павильона Воинской добродетели.

Гравюра, изображающее выступление перед императором Мэйдзи борцов сумо в главном «военном» храме страны — Ясукуни-дзиндзя по случаю победы в японо-китайской войне

Кэндо в конце XIX века

«Великий герой» Сайго Такамори

Сакакибара Кэнкити

Набережная у храма Сэнсодзи сегодня

Кано Дзигоро — основатель Кодокан дзюдо и один из «столпов» ДНБК

Исогаи Хадзимэ — 10-й дан дзюдо, один из выдающихся мастер дзюдо

Основатель Гэнъёсю Тояма Мицуру эпохи Мэйдзи, внёсший большой вклад в становление Дай Ниппон Бутокукай

Уэсиба Морихэй в зените славы

Мисима Юкио

Голова Мисима Юкио

Медаль Бутокукай

«Фото с фронта»: член Бутокукай капитан Аидзава с боевыми

наградами

Занятия дзюдзюу. Гравюра

Отделение Бутокукай на Гавайских островах, 1937

Золотой Павильон до пожара (1893 г.)

...и после восстановления (2008 г.)

*Будущий знаменитый дзюдоист и каратэка Йон Блюминг во время
Корейской войны*

Улица Такэсита в Токио

Российская делегация направляется к тэ-мидзуя перед входом в храм

Хэйан-дзингу сегодня

Торжественный приём по случаю начала Всемирного Бутокусай

(2008 г.)

Бутокудэн, 2008 г.

Выступление российской команды в Бутокудэн

Российская сборная у памятника Будо сэммон гакко

Российская сборная после выступления

Прямо у Бутокудэн идет торговля снаряжением для занятий будо

Кюдо

В саду Сёрэн-ин

Цукубая, подаренная великим полководцем Тоётоми Хидэёси

Памятник Дзиэн в саду Рёандзи

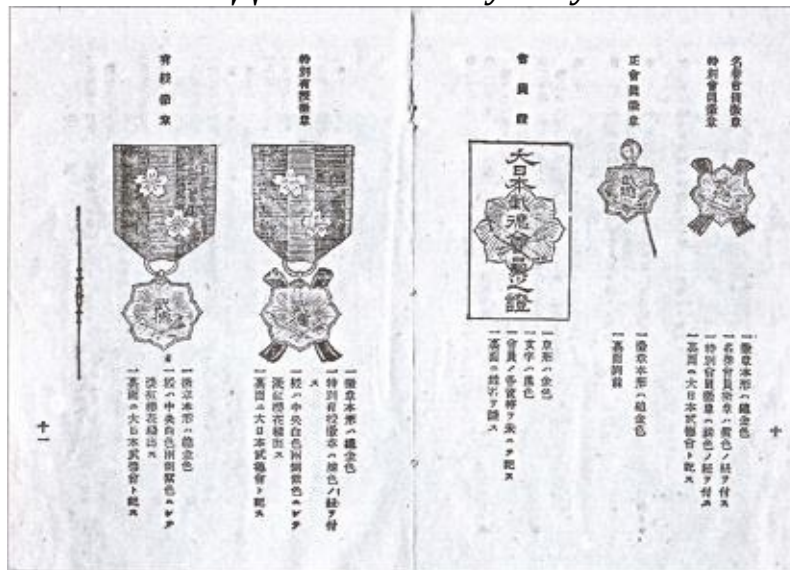
種善
得福

高橋門主 兼治

Каллиграфия преподобного Хигасифусими Дзиго: «Сюдзэн току фуку — «Посеешь добро — пожнешь счастье»

Медаль особого члена Дай Ниппон Бутокукай

Страница из устава Дай Ниппон Бутокукай

Главы международных отделений ДНБК: второй слева шеф МДХамада Тэссин, справа от него представитель ДНБК в Англии кёси Роджер Пэйн и представитель в РФ кёси Александр Арабаджиев

Наша команда на улочках Киото

Финальный, многократно повторенный всеми участниками клич победы — *киай* «Хэй-хэй-хо!», который прежде никогда еще не звучал в завершение Всемирных фестивалей *Бутону*, напомнил нам о древнем культе превосходящего всё Пути самурая. Но это и не был обычный случай демонстрации *будо*, это был выдающийся пример соединения огромной мощи и проникновения во все аспекты и традиции воинского искусства. Ни одна нация не оказалась слишком маленькой для того, чтобы участвовать в таком грандиозном мероприятии, как *Тайкой*^[90]. Никакой отдельно взятый человек не оказался слишком неопытен, чтобы получить эту честь. Каждому была предоставлена для этого лучшая возможность — пожалуй, самая большая в его жизни. Каждое посвященное *додзё* было предоставлено здесь, чтобы испытать себя и получить большее и более глубокое понимание *будо*, чем то, какое может представить отдельная школа. В финальной части фестиваля в самом *Будо-центре* в честь всех наций, принявших участие в *Бутокусай*, и чтобы продемонстрировать гордость за причастность к необыкновенному событию в истории классических *будо*, были подняты около 30 флагов государств, их представляющих. Это было событие невероятных масштабов и возможностей, которое навсегда останется в истории современного *Дам Ниппон Бутокукай*. Оно прекрасно продемонстрировало потенциал настоящих мастеров, и об этой иллюстрации будут помнить еще многие последующие годы.

Третий Всемирный *Бутокусай* начался в старом киотском *Бутокудэн* с поразительным энтузиазмом и при энергичном участии почти 1100 членов из 30 стран 29 апреля 2008 г. Фестиваль освещали национальные СМИ Японии: телекомпания NHK, газеты «Ёмиури» и «Киото», опубликовавшие специальные статьи, посвященные этому событию. Губернатор префектуры Киото Ямада и вице-губернатор Саруватари, мэр города Киото Кадокава посетили церемонию открытия. Представитель *сосай*^[91] Хигасифусими Дзико обратился с официальным приветственным посланием президента *Дай Ниппон Бу-токукай* к участникам Фестиваля, так как сам *сосай* не смог этого сделать из-за болезни. Хигасифусими Дзико также обратился к нам и на церемонии открытия, подчеркнув большое значение данного события и обратив наше внимание на долгое положительное воздействие, которое оказывает японское *будо* как искусство и дисциплина.

Торжественный прием, который имел место 28 апреля, оказался очень

приятен, а произошедшие на нем знакомства и обмен мнениями — просто замечательны. Начиная с самого прибытия делегаций 23 апреля, критически важной стала координация действий и организация всех участников, остановившихся в разных гостиницах. Несмотря на очевидные трудности в коммуникациях и нехватку ресурсов, в большинстве случаев мы сумели хорошо выполнить свою работу, а практика предварительной репетиции Фестиваля позволила гарантировать гладкое прохождение программы. Интенсивные и насыщенные тренировки предоставили вполне достаточные возможности для подготовки главной демонстрации с ультрасовременной точностью. В ходе организационного планирования на протяжении от 24 до 27 апреля потребовались еще несколько серьезных изменений программы — даже после того, как она была издана. Это показало возможности нашего гибкого подхода к решению проблем и скоординированного управления ситуацией в интересах команд.

Официальный *Косюкай* будо-семинар, проведенный инструкторами *хомбу*, предоставил огромные возможности всем участникам для специального изучения и более глубокого понимания *кэндо*, *иайдо*, *дзюдзюцу*, *содзюцу* и *каратэдо*. Это был тот редкий случай, когда почти 30 исключительно высокопоставленных преподавателей *хомбу* вместе поддерживали членов Международного дивизиона ДНБК. Позже участники семинара сообщили, что такое изучение и возможность общения с преподавателями *хомбу* были исключительно важны для них.

Однако мы следили за временем, да и предоставленное место было слишком ограничено из-за большого количества участников. Сессия не предназначалась для сосредоточения на развитии навыков, а скорее для обеспечения шанса обучаться у очень известных преподавателей в родственной области будо. Иметь такой шанс — означает больше, чем просто совершенствование навыков. Те, кто обладает опытом семинаров, знают, что такие ценные *сэнсэи* были бы редкостью на любом из них.

Как изучающие будо мы стремимся быть готовыми к чему бы то ни было в любое время. Однако иногда от нас требуется больше, чем владение навыками оказания первой помощи. Так произошло, когда мы оказались перед критической для жизни нашего коллеги ситуацией. *Рэнси* Гая Меннеро из Франции прямо на *татами* настиг тяжелый сердечный приступ. Невероятные усилия врачей *хомбу*, помощь спасателей, превосходная работа бригад врачей из госпиталя университета Киото, и наши — всех и каждого — молитвы вернули его к жизни после 30-минутного прекращения сердечной деятельности. Это было удивительное чудо — он имел только четырехпроцентный шанс на выживание. Просьбы

каждого из нас и Божья милость вернули его к жизни. У многих были слезы на глазах, когда стало известно о возвращении Гая к жизни, и это стало проявлением истинной заботы о человеке. Перелом в кризисе дал нам силы преобразовать энергию *ки* каждого участника в радостное *киай*, еще более увеличившее наш положительный импульс.

29 апреля, когда с горы Хигасияма дуя приятный ветер, а восход солнца утром был особенно ясен, храм Хэйан-дзингу был заполнен 580 членами Международного департамента (МД) ДНБК, ожидающими своей очереди войти в историю *Дай Ниппон Бутокукай*. В святилище Хэйан ханси Цудзино и ханси Кавано выполнили *ката кэндо*, а вслед за ними *кёси* Инамо исполнил *ката иайдо*.

После совершения ритуала очищения священником *каннуси* все участники почувствовали, что их сердца и души готовы предстать перед *Бутонудэн*. Ритуал *хараи-но ги* был завершён исполнением *ката иайдо Тояма-рю* (ханси Накада) и *ката котэдай каратэдо* (ханси Хамада). После подготовки и очищения пола члены Международного дивизиона ДИБК разошлись по своим местам, чтобы начать демонстрацию собственных стилей *будо* и своего уровня владения ими. За происходящим внимательно наблюдали *хомбу-сэнсэи* и заместитель *сосай*. Объединенное усилие Международного дивизиона ДНБК в демонстрации выглядело очень мощно и остро, это внушало уважение представителям *хомбу*. Не менее примечательны оказались продемонстрированные знание этикета, искренние вежливость и уважение. Это был хороший шанс показать благородство своих намерений — нечто большее, чем очевидное мастерство в технике.

Вообще говоря, демонстрации всех программ выглядели очень внушительно и были исполнены воинского духа, приличествующего случаю. В *осамэ-но гм*^[92] ханси Дометрич убедительно продемонстрировал *ката Сэсан*, несмотря на пространственные ограничения — он выступал вместе с ханси Кумаи и *кёси* Таттерсалом, демонстрирующими *иайдо* в заключительной фазе посвящения. Это очень подняло боевой дух и энергию ханси в церемониальном *осамэ*. В замечаниях после показа президент ДНБК ханси Цудзино подчеркнул важность постоянного соблюдения достоинств Морального кодекса самураев, которые будут повторно осмыслены в культурных тождествах различных национальных культур. Таким образом, им предстоит стать корнями, комбинирующими восточные и западные ценности.

На церемонии награждения *хамбу* с особыми почестями отметил давние усилия в деле развития ДНБК следующих мастеров: ханси

Дометрич получил специальную награду губернатора; ханси Соббартс — приз «Киото Ньюс»; ханси Таттерсал — приз мэра Киото; кёси Пэйн и кёси Толлак — призы президента ДНБК. Ликующие крики «Банзай!»^[93], сопровождавшиеся приподнятым настроением, чувством волнения от получения нового опыта, возвестили об окончании большого праздника — Всемирного *Бутоку-сай*. Участники перемешались в зале *Бутокудэн*, как бы разделяя друг с другом единый успех и единую честь от участия в таком мероприятии. После Фестиваля, на торжественном ужине в гостинице, участники насладились коротким празднованием успеха, но уже на следующий день их ждал юбилейный *Рэнсэй тайкой*.

Всем членам Международного дивизиона ДНБК пришлось вложить все сердце, всю душу для демонстрации выбранного ими *будо*. Причем, многие из тех, кто ранее показывал свое мастерство в отдельном, «узком» виде *будо*, получили замечательный шанс продемонстрировать более широкий диапазон возможностей и многосторонность навыков. *Хараи-но ги* был красиво исполнен ханси *иайдо* Симабукуро и ханси-хо^[94] *каратэдо* Сокэи. Последующие демонстрации различных национальных *додзё* были исполнены чрезвычайно мощно, была показана высокая дисциплина, понимание масштаба задач, продемонстрированы этикет, уважение и восхищение друг другом. *Осамэ-но ги* исполнили опытные мастера: *рэнси* Лонг и *кёси* Анселл; за ними последовали эксперты в области *каратэдо* *кёси* Хоукинс, *кёси* Таллак, *кёси* Клюгер и *кёси* Бургермейстер.

После их выдающегося церемониального посвящения Всемирный *Бутокусай* и *Рэнсэй тайкай* были официально закрыты, а все участники получили новый заряд энергии и опыта от участия в таком большом празднике. Ханси Кувахара, недавно избранный президентом *Рэнсэй тайкай*, объявил его завершённым и поблагодарил всех участников и членов Международного дивизиона ДНБК за огромные усилия по его проведению, мужество и благородство духа.

В заключение вся энергия *Рэнсэй Тайкай* была выплеснута в громоподобных раскатах самурайского *киай*: «Хэй-хэй-хо!», эхом отозвавшегося от древних потолков *Бутокудэн* и умножившего эмоции радости, успеха и чувства исключительности происходящего.

Прощальный вечер в отеле АНА стал прекрасной возможностью для участников ещё раз пообщаться друг с другом в неформальной обстановке, вместе разделить счастье и радость от участия в Фестивале. Сотрудники Международного дивизиона ДНБК представили участникам специальные подарки от *сосай* и его супруги, а ханси Цудзино, ханси Накада, ханси

Миура и ханси Кувахара получили особые награды за поддержку всех трех Фестивалей Воинской добродетели в 1998, 2002 и 2008 гг.

Специальные мемориальные доски и подарки были вручены всем членам *Дай Ниппон Бутокукай*, а также членам правления в знак признания их усилий по поддержке состоявшегося события. Специальные подарки от ханси Кувахара получили все лидеры национальных подразделений ДНБК. Почетной наградой стали и авторские куклы, изображающие знаменитого героя японского эпоса *Куроода-буси*, выполненные мастером То Кусуо из Хаката (Фукуока). Для исполнения этого заказа мастеру потребовалось шесть месяцев. Легенда о *Куроода-буси* рассказывает о том, что он был воплощением истинного духа самурая, всегда готовым без колебания выдвинуться навстречу опасности. Образ *Куроода-буси* с чашей для *сакэ* и копьем, врученном ему *дайме**^[95] Фукусима Масанори, сложился еще в XVI столетии. Кукол, изображающих этого героя, получили все члены *Дай Ниппон Бутокукай*.

Были даны и индивидуальные оценки участия бойцов в благородном празднике. Главы делегаций получили в подарок великолепные лаковые подносы *сёдзобон*, предназначенные для использования при вручении дипломов *Дай Ниппон Бутокукай*. Следуя древним традициям рыцарского кодекса чести, *сёдзобон* символизируют высокий статус членов ДНБК, получающих награды во время официальных церемоний.

Особо был отмечен добровольный и ответственный труд волонтеров ДНБК, их преданное служение миссии организации. Без их постоянных усилий и важных шагов по обеспечению праздника во всех аспектах его подготовки было бы невозможно такое гладкое осуществление всей программы. То было примером самоотверженного служения, которому они следовали вне своей обычной работы.

Как было сказано членами *хомбу*, причина, по которой люди со всего мира живо интересуются *Дам Ниппон Бутокукай*, кроется не только в истории, традициях и известности *Бутокудэн*, но и в том, что эти мощные традиции защищают сильные и благородные люди, настоящие мастера своего дела, полностью посвятившие себя служению. Другими словами, истинные воины, представляющие *Дай Ниппон Бутокукай*, являются реальной причиной того, что многие люди желали бы принадлежать к нашей организации.

Всюду, на протяжении всех происходивших событий, международные члены ДНБК находились под пристальным наблюдением [наставников *хомбу*] и были признаны достойными членства в организации, достойными национального признания. Возможно, не все они имеют оригинальную

линию традиции своего воинского искусства, но все они продемонстрировали открытое сердце и сильный дух, веру в свое дело. Они в высокой степени понимают учение, его сущность. Кроме того, члены *хомбу* заявили, что глубоко впечатлены исполнением иностранными членами организации этикета и ритуалов, их дисциплиной, вежливостью и искренним отношением к *додзё*.

Короткие стихотворные поэмы *хайку*, сочиненные участниками, помогли им выразить рефлексивные воспоминания о событии с чувством нежности и удовлетворения от достигнутого успеха^[96]. Юбилейный DVD дает ценную возможность вновь пережить самые острые и ценные моменты нашего пребывания в *Бутокудэн*.

Смысл Всемирного *Бутокусай* так широк, что мы не сможем полностью понять его, пока на нашем горизонте не появится новый объект устремлений. Человек — лишь временное явление в мимолетном мире. Мы пришли из прошлого и идем по Пути, зная о бессмертном присутствии духа. Самое важное не говорит с нами словами, а лишь присутствует в тишине. Каждый из участников уйдет, как недолговечное воплощение природы, но отполированный, необыкновенный пол *Бутокудэн* сохранит в своей памяти след *ки* каждого участника, так же как он сохраняет память о следах неисчислимого количества воинов прошлого. Главная цель поиска внутреннего «я» и состояла в том, чтобы найти эти следы в этом старом уголке — прибежище *будо*. И когда на следующее утро после отъезда мягкий солнечный свет упал на пол, там еще плыли остатки теней тысяч тех, кто приходил сюда и уходил отсюда, будто влекомый водами плавно текущей реки, а пол продолжал сиять и ждать следующих.

Всемирный *Бутокусай* закончился, исчерпав свою обширную программу и возобновив веру в Человечество. Все участники заслужили поздравления в соответствии с их выдающимися усилиями и навыками. Через познание традиций *будо* они поняли, что можно подключить самые глубины своего сердца для достижения невероятного превосходства, и каждый человек смог увидеть разницу в природе разных человеческих конфликтов. Это было воплощением надежды и гармонии человечества, которые мы нашли вместе с духом сотрудничества, доброжелательности и взаимного уважения. Искусство классического *будо* становится действительно мощным инструментальным фондом для построения универсальной исключительности, в которой мы отчаянно нуждаемся, идя не отмеченным на карте историческим курсом. Всемирный *Бутокусай* 2008 г. стал крупнейшим событием нашей сегодняшней истории, соответствующим по своей глубине прошедшим историческим вехам.

Мы часто говорим, что наше будущее таит немало вывозов и угроз. Прошлое ушло и никогда не повторится ни в каком из событий, как бы мы их ни называли. Будущее видится членами Международного дивизиона *Дай Ниппон Бутокукай* в том, чтобы увеличить возможности каждого человека и коллективного развития в целом с помощью *будо*. Каждый из нас имеет для себя какую-то личную угрозу, но каждый остается в *Дай Ниппон Бутокукай*, и мы заботимся о каждом.

Третий Всемирный *Бутокукай* стал серьезным началом той истории *Дай Ниппон Бутокукай*, которую никто не сможет забыть. Многие люди верили [в это] даже больше, чем я, и невозможное стало возможным. Это было настоящим воплощением веры, которую все мы должны иметь. Это было абсолютным вдохновением и несравнимым благословением всех.

Тренировка в летнюю жару

В августе 2009 г. в историю Общества Воинской добродетели Великой Японии была вписана новая важная страница. Впервые за 114 лет существования организации ее Международный дивизион подготовил и провел Специальный будо-семинар по дзюдзюцу для представителей 7 стран из числа членов Международного дивизиона Дай Ниппон Бутокукай.

Это было крайне необычное мероприятие по целому ряду причин. Во-первых, конечно, потому, что никогда доселе ДНБК не устраивал таких семинаров для интернациональных команд. Во-вторых, потому, что на нем самым интенсивным образом изучалась не одна и даже не две, а сразу четыре школы дзюдзюцу. В-третьих, тренировочной площадкой семинара стал великий Бутоку-дэн, в котором иностранцы хотя и выступали раньше, но который доселе никогда еще не использовался именно как тренировочный зал для неяпонских команд. И, наконец, в-четвертых, формой семинара был выбран метод *сётю гэйко* — тренировки в летнюю жару: занятия проходили в душном августовском Киото: как принято говорить у лингвистов, «с полным погружением», причем русская команда по собственной инициативе решила сделать это погружение еще более глубоким.

Члены российского представительства ДНБК приехали в Киото на день раньше остальных и использовали специально созданное свободное время для паломничества: мы отправились на легендарную гору Курама, где, по преданию, демоны *тэнгу* обучали героя-самурая Минамото Ёсицунэ воинским искусствам, и где мы получили заряд бодрости и воодушевления, попытались немного привыкнуть к удушающе жаркому климату, а заодно приобрели для нашего московского *додзё* амулет *офудо* в виде маленького деревянного меча. Вернувшись в Киото, мы полюбовались пылающим на склоне горы иероглифом (заканчивался праздник поминовения усопших — *о-бон*, во время которого духи умерших слетаются в город, ориентируясь на эти огромные костры) и принялись готовиться к занятиям.

Для изучения на семинаре руководство ДНБК избрало своеобразный «микс» из старых (*корю*) и современных (*гэндай*) школ дзюдзюцу: *Синдэн-рю*, *Сингэцу Мусо Янаги-рю*, *Сибукава ити-рю* и *Тисин-рю хэйхо*. В целях более успешного и разностороннего усвоения материала 7 национальных команд — Австралии, Бельгии, Великобритании, России, Румынии, США и

Франции (всего 28 человек) — объединились в одну, единую команду Международного дивизиона, и вся наша жизнь на протяжении одновременно и долгих, и коротких десяти дней проходила большой общей семьей. Лагерем же команды стал красивейший *рёкан* «Сёгоин Готэнсо» в пяти минутах ходьбы от *Бутокудэн*, где вся обстановка — и бани *сэнто*, и красивый древний сад, и даже гром ударов колокола буддийского храма — погружала нас в полную экзотики японскую жизнь.

Кстати, именно с размеренных ударов этого колокола и начинались наши тренировочные дни. По традиции, первый из них открылся торжественной церемонией, прошедшей в *Бутокудэн* — настоящем храме воинских искусств Японии, где до нас выступали все великие мастера *будо*, чьи имена вписаны золотыми иероглифами в мировую историю единоборств. Президент Совета директоров *Дай Ниппон Бутокукай ханси* Кувахара Такэмита (9-й дан, *дзюдзюцу*) и глава Международного дивизиона *ханси* Хамада Тэссин сказали нам напутственные слова, а *ханси* Кубота (9-й дан *иайдо*) исполнил ритуал очищения *хараи-но ги*. После этого команде были представлены наставники, у которых нам предстояло перенимать бесценные знания и опыт. Даже учитывая, что представителей школы *Сибукава* на церемонии открытия не было (их штаб-квартира находится довольно далеко от Киото, в Хиросиме, и они приехали лишь к концу семинара), все равно получалось, что на каждого из членов интернациональной команды приходилось едва ли не по отдельному учителю. Причем восемь наших преподавателей являлись обладателями 8-х и 9-х *данов*, а остальные — от 4-го до 7-го. О такой чести, о таком уникальном шансе невозможно было даже мечтать. Это был как раз тот случай *итого итиэ* — «одного мига — одного шанса», о котором нередко напоминают нам наши учителя, и который так непросто бывает уловить в обычной жизни.

Оценить представившуюся нам счастливую возможность мы смогли сразу после окончания церемонии открытия. В первый же день мы увидели обзорную демонстрацию техник школ *Синдэн-рю*, *Янаги-рю* и *Тисин-рю*, и немедленно смогли попробовать свои силы в их исполнении. Не откладывая дела в долгий ящик, мы приступили к тренировкам и мгновенно ощутили на себе, что такое *сётю гэйко* — 42–45 градусов жары и почти 100-процентная влажность в помещении без кондиционеров! Но таковы традиции: и Кано Дзигоро, и Накаяма Хакудо, и Фунакоси Гитин, и Уэсиба Морихэи, и многие, очень многие мастера *будо* тренировались именно на этом полу, в таких же условиях, и летом им было точно так же невыносимо жарко, как и нам. Их глаза так же застилал пот, и, кланяясь

друг другу, они так же видели, как тяжелые капли градом сыплются на татами.

Самые тяжкие дни (к концу семинара температура упала до каких-то «несчастливых» 32 градусов) пришлись на школу *Синдэн-рю*. Ее изучение, сочетаемое с тренировками в стиле *Тисин-рю*, продолжалось три дня. При этом наши занятия начинались в 8:30 утра и шли до 16 часов с часовым перерывом на обед. Выдержать влажность, жару и напряжение весьма динамичного стиля, часть обучения в котором проходила по методике *какари гэйко*, когда каждый из нас по очереди выполнял все изученные техники против всех остальных членов международной команды, помогали короткие перерывы, во время которых можно было попить воды, и доброжелательное внимание коллег и сэнсэев. Как тут не вспомнить добрым словом управляющего директора ДНБК ханси Такада (8-й дан кэндо) с супругой, которые лично насыпали нам витаминный порошок в стаканы и накладывали лед!

Наивной ошибкой неопытного было бы думать, что после окончания основного, семичасового блока тренировок у нас появлялось свободное время и мы могли отдохнуть по собственному разумению. Нет, не так закалялись воины прошлого! Вечером, после короткого отдыха и ужина, нас ждали новые занятия. Это могла быть и дополнительная двухчасовая вечерняя тренировка, и медитация *дзадзэн* в храме *Сёгоин*, во время которой многие из нас получили тяжелые удары палкой по спине, испытали от этого новый приток сил и не разумом, но спинным мозгом осознали, что такое настоящий *дзэн*. Были и вечерние лекции, и утомительные занятия по церемониалу обращения с оружием, и даже просмотр видеофильма — уникальной хроники, запечатлевшей демонстрацию одного из основателей *уайдо* Накаяма Хакуцо и *О-сэнсэя айкидо* Уэсиба Морихэи.

Тяжелые, но увлекательные тренировки переносили нас из одного дня в следующий, из одного стиля в другой.

Старинная, основанная в 1735 г. и восходящая традициями к клановой школе клана Набэсима — того самого, о котором была написана «библия» *бусидо* знаменитая книга «Хагакурэ», *Янаги-рю* запомнилась обилием техник, выполняемых из положения *сэйдза*. Сидеть на коленях к тому времени было уже невыносимо больно всем. Кстати, жизнь в *рёкане*, где большую часть времени мы проводили также сидя на коленях, стала своеобразным продолжением тренировок. Жара, усталость, огромная психологическая нагрузка — всё это накапливалось, но странным образом трансформировалось в сознании во вдохновение и азарт. Как только мы входили в *Бутоку-дэн* — порой нам и в самом деле начинало казаться, что

рядом с нами на стенах видны тени мастеров прошлого. Осознание необычности обстановки, в которой мы находились, и интерес к новым, неизвестным техникам, придавали нам сил, и мы вновь поднимались из луж пота на татами и двигались вперед.

Особенно любопытной оказалась хиросимская школа *Сибукава*, лет триста назад готовившая борцов сумо. Сейчас в память о тех днях сохранилась только позиция приветствия. Все остальное оказалось вполне современным и абсолютно доступным для понимания и повторения. Этому способствовали доходчивые и очень образные, с юмором, разъяснения главы школы Курумадзи Ёсимицу (*ханси*, член совета директоров ДНБК, 8-й дан дзюдзюцу), в семье которого стиль *Сибукава* изучают и передают знания по наследству уже более ста лет. Отсутствие привычного в современных школах *будо кихон* — базовой техники — заменяли подробные инсценировки ситуаций Курумадзи-ханси: «Противники играют в *сёгу*^[97]. Один кричит: “Кто жулик? Я — жулик?!” — и достает *тан-то*^[98] ...» Его четкие и меткие комментарии («Нет, не надо так оттягивать, лучше один раз хорошенько врезать») помогли нам быстро найти общий язык друг с другом и преисполниться взаимной симпатией. Сутки спустя, на вечеринке по случаю окончания семинара, растроганный Курумадзи-сэнсэм подарил самому младшему члену нашей команды шестнадцатилетнему Павлу Неволину фамильный веер с каллиграфией. Но это было уже позже, а пока, по завершении тренировочного дня, посвященного *Сибукава-рю* и *Тиссин-рю*, нам предстояли показательные выступления и сдача своеобразного экзамена — *Рэнсэй тайкай*.

В этот день встать нам пришлось еще раньше, и удары буддийского колокола в пять утра застали нас уже готовыми к выходу — перед началом тренировки международной команде предстояло осуществить важную и волнующую миссию. В прошлом году во время Всемирного фестиваля Воинской добродетели нам уже доводилось быть свидетелями праздничной церемонии в синтоистском храме Хэйан-дзингу, бывшем когда-то штаб-квартирой Дай *Hinpon Бутокукай*. Но только свидетелями. На этот раз мы пришли сюда в ином качестве: как непосредственные участники и герои церемонии очищения и представления нас духам святилища Хэйан. Расположившись перед алтарем, мы внимали священнику *каннуси*, который прочел молитву *норито*, совершив обряд благословения на главное событие этого года, и склонились в почтительном поклоне перед теми, кто покровительствовал величайшим мастерам прошлого. Нас ждал *Бутокудэн*.

Рэнсэй тайкай начинался лишь в 14 часов — у нас оставалось время на тренировку. Несмотря на то, что жара немного спала, казалось, что силы

почти покинули наши тела, и подниматься после падений становилось все тяжелее и тяжелее. Тем удивительнее было, что как только Кувахара-сэнсэй разложил прямо перед нами рукописные *мокуроку* с изложением техник, включая секретные, своей и нескольких родственных ей школ, все разом забыли об усталости и внимательно разглядывали старинные списки. Конечно, нам было не понять написанного скорописью, да еще на старояпонском языке, но эти *мокуроку* энергетически подвели нас к высшей точке готовности к выступлению. И, когда руководство *Дай Ниппон Бутокукай* заняло свои места за столом, когда прибыл Благородный Хигасифусими Дзико — вице-президент ДНБК и сын главы Общества, мы были уже полностью готовы к экзамену.

По традиции был исполнен ритуал очищения—*хараи-но ги*, после которого единая международная команда шагнула на *татами Бутокудэн*. Одна техника сменяла другую, школа следовала за школой. И вот уже продемонстрированы все изученные стили: *Синдэн-рю*, *Сингэцу МусоЯнаги-рю*, *Сибукава-рю*, *Тисин-рю*. Изредка, во время падения и удержания, взгляд случайно ловил одобрительные кивки членов *хомбу*, но сознание не задерживалось на них, ощущалась та самая «пустота», «отсутствующий ум», достижение которых являются целью долгих медитаций и сложных тренировочных практик в воинских искусствах. Пришли спокойствие и непоколебимая уверенность, не покинувшие нас и во время демонстрации национальных школ. И здесь не будет преувеличением сказать, что выступления двух крупнейших команд — России и США (в каждой по восемь человек) привлекли к себе наибольшее внимание и вызвали самую бурную реакцию членов *хомбу*. Однако закончились и они.

Наступила та самая часть *Рэнсэй Тайкай*, которая, наверно, взволновала бы нас куда больше, если бы мы пришли к ней раньше, — вручение призов. Но не зря в *Дай Ниппон Бутокукай* говорят: «Воинская добродетель тяжела, как гора. Слава и почести — невесомы как пух»: сейчас мы относились к этим наградам совершенно спокойно, хотя и сознавали их огромную значимость для каждого из нас, тем более, что усилия каждого не остались незамеченными.

Кёси А. Арабаджиев был отмечен высшей наградой *Рэнсэй Тайкай* — *юсёсё*. С. Лановенко и В. Лукин получили «свидетельство о заслугах» — *сёрэйсё*. Отец и сын Невотины, которых наши наставники на семинаре так и звали: *ояко* — «отец и сын», были награждены «свидетельством о силе и упорстве» — *дорёкусё*. Все члены команды получили сертификаты об успешном прохождении Специального будо-семинара — *санкасё*, платки

тэнугуи с эмблемой ДНБК и каллиграфией Благородного Хигасифусими Дзико, а также были награждены специальными медалями за участие в этом тяжелейшем семинаре — теперь это одна из самых дорогих наград для меня. Часть полученных тогда нами знаков признания сегодня можно увидеть в нашем *додзё*, а о *тэнугуи* следует сказать особо.

На платке, который есть теперь у каждого из нас, изображена эмблема *Дай Ниппон Бутокукай* и рукой Благородного Хигасифусими Дзико в стиле монастыря Сёрэн-ин выведены иероглифы «*ти соку*». Это первая часть крайне трудно толкуемой на русском (да и на любом другом иностранном) языке сентенции «*ти соку ю рёку*», которая буквально переводится как «знающий достаток — вечно счастлив». Несмотря на то, что «*ти соку*» является одним из любимых изречений буддийской школы *Тэндай-сю*, к которой относится храм *Сёрэн-ин*, сама максима многомерна и интернациональна, как команда Международного дивизиона. Она происходит из рассуждений Лао Цзы в знаменитом даосском трактате «Дао дэ цзин» (гл. 33), имеет аналог в Коране и Торе, а в христианстве приписывается старцу Силуану Афонскому: «Чтобы пребывать в Боге, будь доволен тем, что имеешь, хотя бы и ничего не имел». На первый взгляд, «*ти соку*» имеет лишь материальный смысл, но на деле она органично закольцовывает философскую триаду «*Воинская добродетель тяжела, как гора... — Один миг — один шанс — Знающий достаток...*», подробно истолковать которую еще предстоит каждому из нас самостоятельно и только для себя.

Вечером, уже в одновременно и неформальной, и торжественной обстановке киотского отеля мы обменялись подарками с нашими преподавателями, и никто из нас снова не остался без личных призов кого-то из наших преподавателей. Глава Совета директоров ДНБК *ханси* Т. Кувахара вручил каждому участнику специальные подарки, представители школ, вице-президент ДНБК *ханси* М. Цудзино (9-й дан *иайдо*) — все приготовили для нас небольшие, но ценные сюрпризы. А на следующий день в Международном отеле Киото состоялась церемония вручения участникам семинара новых званий и наград. *Кёси* А. Арабаджиев получил 7-й дан *дзюдзюцу Дай Ниппон Бутокукай* и титул наставника — *сихан*. С. Лановенко стал обладателем титула «закаленного воина» — *рэнси Дай Ниппон Бутокукай*, а самый молодой член команды шестнадцатилетний Павел Неволин стал *юданся* — обладателем 1 — го дана *Дай Ниппон Бутокукай*. Все мы получили еще один бесценный подарок от *ханси* Т. Кувахара. На этот раз это были пары деревянных тренировочных мечей — *боккэн* с автографами *ханси* Кувахара и с надписями «Дух, энергия и тело

едины» и «Дух Японии». Особенно трогательно выглядело то, что чехлы для этих мечей глава Совета директоров ДНБК специально приобрел с христианской символикой... На этом первый в истории Специальный будо-семинар Международного дивизиона ДНБК был завершен.

ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР

Будо и бутоку

Мы уже не раз упоминали о том, что в основу философской доктрины Общества Воинской добродетели была положена парадигма *бутоку*, что одновременно и отличает его в духовном смысле от множества прочих объединений и ассоциаций *будо*, и роднит с теми организациями, которые ставят похожие цели.

Но что же такое *бутоку*, и чем это понятие отличается от *будо*? В чём смысл их разделения, и не является ли оно излишним усложнением и без того непростого ориентирования в мире запутанных концепций восточной философии? Мы считаем, что правильное понимание *бутоку*, наоборот, многое проясняет. Начнём, однако, с обращения к значительно более широкому и хорошо известному термину — *будо*. К сожалению, далёко не все знают, что это понятие начали активно применять лишь в конце XIX — начале XX в., заменив им более узкое в смысловом значении *будзюцу*, обозначающее воинские техники, боевое мастерство, и что к пропаганде концепции *будо* *Дай Ниппон Бутокукай* имел самое непосредственное отношение. Зато наверняка всем любителям японских боевых искусств хорошо известно, что само слово *будо* образовано из двух иероглифов: соответственно, *бу*—«воинский», «военный», «боевой» — и *до* (*мити*) — «путь», и обычно употребляется в значении «Путь воина».

Исследователи воинских искусств практически единодушно полагают, что это выражение было позаимствовано японцами из классических китайских текстов. Подробный анализ по этой теме выполнен лучшим нашим историком *будо* А.М. Горбылевым в его сборнике «Хидэн». Исходя из отдельных элементов, образующих иероглиф *бу*, его традиционно трактуют как *хоко-о то-мэру* — «останавливать оружие». С точки зрения конфуцианства, это позволяет более широко понимать *бу* как систему взглядов и поступков, направленных на установление и поддержание мира (*хэйва-о сико-суру моно*). Китайцы говорили: «*Бу* (кит. *у*) означает останавливать копье с помощью *бун* (кит. *вэнь*—культура, письменность и “мирное оружие” в целом). *Бу* запрещает жестокость и подчиняет оружие... Оно умиротворяет страну и приводит народ к гармонии». Правда, считать, что сакрализация останавливающей силы оружия была присуща только китайцам и японцам — значит думать, что только на Востоке жили нравственные и думающие люди. Тем, кому духовно ближе христианская культура, достаточно вспомнить Псалом 36: 15, чтобы понять, насколько

всеобъемлюща, глубока и непреходяща идея о наказуемости безнравственного и несправедливого применения оружия: «Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить идущих прямым путём. Меч их войдёт в их же сердце, и луки их сокрушатся». Нравственная основа, независимо от того, шлифовалась ли она на протяжении тысячелетий человеческим разумом или была дарована Свыше, едина. Она призвана модифицировать и направлять сознание воина, концентрируясь в основополагающей для европейской культуры фразе Христа: «Взявшие меч мечом погибнут». Другое дело, что поскольку именно на Дальнем Востоке концепция Пути обрела особую значимость, кристаллизовавшись и трансформировавшись, в некоторой мере, в цивилизационную сущность, следует сказать о ней хотя бы коротко, но особо — не пытаясь при этом «отобрать хлеб» у многочисленных специалистов в области восточной философии и комментаторов классических трудов.

Итак, иероглиф *до* или *мити* обозначает «путь» и является одной из опорных категорий всей дальневосточной религиозной и философской традиции, и это в значительной степени определяет сложность его истолкования. Разные религиозные и философские направления понимают *до* далеко не всегда одинаково. Более того, даже в рамках одной школы разные мыслители вербализовывали его со значительными разночтениями, нередко эскалируя до высот космического агностицизма. Действительно, *до*, как основную дальневосточную философскую парадигму, вряд ли возможно определить однозначно, или хотя бы так немногозначно, как это можно сделать в отношении многих категорий европейской философии. Потому стоит, вероятно, лишь в самых общих словах сказать, что это некоторая наиболее первичная категория, Верховный разум божественного бытия, выраженный в эволюционном развитии микрокосмос, оставив достижение более конкретного понимания данной категории каждому адепту в отдельности.

«Идеальные самураи» прошлого считали, что формирование характера человека происходит в процессе познания им *до* как изначальной Верховной сущности, Великого закона природы, Высшей абсолютной реальности, когда из гигантского Пути рождается феноменальный, особый для каждого человека, мир. В соответствии с этим считалось, что *до* способно, как первичная субстанция, пробуждать в человеке нечто «ценное», понимаемое лишь инстинктивно, мистически. Именно это позволяет индивидууму становиться причастным к великой цели. Такое понимание *до*, согласованное с теориями буддизма (прежде всего, школы

дзэн, хотя и не только), с их концепциями мгновенного, внезапного просветления *сатори*, осознания себя частью Вселенной, пробуждения в себе будды, и, как результат, способности реагировать на всё происходящее единственно верным образом, было особенно характерно для японского восприятия учения китайского неоконфуцианского философа Ван Янмина. В Стране восходящего солнца, как мы помним, оно стало особенно популярным под названием *Оёмэй* или *ёмэйгаку*. Приверженцы *ёмэйга-ку*, а ими были практически все великие самураи — авторы консервативной революции *Мэйдзи Исин*, считали, что знание — это основа жизни, но знание для них означало способность действовать, а не размышлять.

Целью и сутью обучения воинским искусствам является достижение и соприкосновение каждого индивидуума с *до*, то есть слияния единичного с целым. В философском аспекте толкования *будо* его составная часть — *до* имеет характер образующего идеала, начала, без которого эти искусства невозможны. При этом по отношению к различным историческим периодам слово *будо* использовалось (и продолжает широко использоваться сегодня) в очень различных контекстах — то для обозначения политики и военного дела в целом—*гундзи иппан*, то в значении *бусидо*, то для обозначения единого комплекса *будзюцу* и *бусидо*.

В современном мире традиция *будо* японских школ боевых искусств является больше культурно-историческим феноменом, нежели системой обучения тотальному бою. Как и многие другие различные духовно-религиозные практики Японии, такие как каллиграфия-*сёдо*, чайная церемония-*тядо*, искусство оранжировки цветов-*кшю*, ставящие своей основной целью достижение высшей духовной гармонии через изменение состояния сознания, школы воинских искусств преследуют те же идеи постижения Пути. *Бутоку* — Воинская Добродетель является при этом основой гармоничного воспитания воина, формируя в нём благие качества через занятия воинскими, и не только, искусствами в сочетании с глубоким философским пониманием сути *будо*. В контексте вышеприведенных представлений о *будо бутоку* является «правильным» путём соединения для адепта *будо* гражданского и воинского начал — *бунбу рёдо*. Воинская добродетель—*бутоку* достигается через глубокое познание боевого искусства и напряженные тренировки, получение должного знания и развитие необходимых навыков, а также (и это неприменное условие!) через воспитание правильного подхода и становление должной системы жизненных, общечеловеческих ценностей. При этом абсолютным правилом является то, что познать искусство и воспитать этот подход возможно только при выполнении главного условия — наличии учителя.

Те, кто нас окружает...

Казалось бы, это очень просто: всю жизнь нас окружают учителя, и их предназначение вполне понятно. На самом же деле их истинная роль становится ясна нам только со временем. Учителя изменяют наше сознание и возвращают нас к счастливому состоянию — это и есть передача от сердца к сердцу, то, что в Японии называют *исин дэнсин*. В процессе обучения боевым искусствам нам посчастливилось получать наставления от фамильных наставников традиционных школ *дзюдзюцу*, таких как *Синдэн-рю Сингэцу мусо янаги-рю Сибукава ити-рю (Мусо тисин-рю хэйхэй)* целого ряда других. Все они очень разные люди, представляющие разные стили и техники, но есть то, что всех их объединяет. Они могут по-разному воспринимать вопрос традиции, но наиболее ценной и для них и, конечно же, для нас является духовная передача, так как это передача *кё* — «того, что не видно», что «скрыто от глаз», что является «пустотой», но обязательно присутствует в любой японской традиции, создавая сложный колорит техники и духа, и без чего *будо* превращается в спорт. Сегодня нет секретных техник, нет чего-то такого в *будо*, что нельзя было бы показать даже новичку, надеющемуся узнать «тайный удар бакаяро». Но те, кто хотят увидеть в *будо* что-то необычное, то, что поможет им сразу и легко победить, не понимают, что в настоящем *будо* главное — дух, а его разглядеть может лишь тот, кто хорошо представляет себе, что это такое, кто имеет не только опыт работы в *додзё*, на *татами*, но и понимает философскую суть техник.

Как нам кажется, основной проблемой, которая возникает при этом у последователей различных боевых искусств, является недостаток информации по изучаемой ими проблематике, особенно когда они не изучали боевые искусства в Японии, внутри самой школы, где имели бы возможность воспринимать не только технические разделы, но и сложную систему взаимоотношений и культурных традиций, и, самое главное, им мешает неспособность анализировать и систематизировать эту информацию. Особенно характерна данная проблема для восприятия так называемых «старых школ» — *корю дзюдзюцу*—цветистого и разнопланового боевого искусства Японии, менее всего подвергшегося реформации.

Древнее *дзюдзюцу* ставило целью достижение полного контроля над врагом. Победить в схватке, как с использованием оружия, так и без него,

было первостепенной задачей средневековых воинов. Поэтому наиболее воинственная часть феодальных правителей древней Японии, готовясь к критически важным для них битвам, была крайне заинтересована в обучении своих воинских формирований закрытым от посторонних системам *дзюдзюцу*. Эта историческая тенденция создала уникальную модель развития определенной формы борьбы в соответствии с географическими и другими особенностями феодальных кланов.

В общих теоретических принципах *дзюдзюцу* используются законы кинематики движений, основанные на максимально эффективном использовании силы, и также принципы военной стратегии, заимствованных у китайских классиков. Они используются при отработке боевых приемов и навыков группового взаимодействия, которые в конечном счёте объединяются в сложную и замысловатую комбинацию оборонительных и наступательных методов в различных условиях. Обратимся в связи с этим к изданию под названием «Новый учебник по дзюдо, дарующему свободу убивать и оживлять» (*Сак-кацу дзидзай дзюдо син кёхан*^[99]), которое использовалось в процессе обучения в отделениях *Дай Ниппон Бутокукай*, и с уже существующим переводом которого на русский язык мы настоятельно рекомендуем ознакомиться нашим читателям.

Пусть вас не смущает слово «дзюдо» в названии учебника. На разных исторических этапах оно нередко использовалось как синоним *дзюдзюцу*. Помимо различных технических приёмов, большую часть книги занимают вопросы ведения боя в особых условиях, принятые в стилевых направлениях *дзюдзюцу Кито-рю* и *Синно синдо-рю*, а также извлечение из «*Буё хикэцу дзё*» («Выписки сокровенных секретов о делах военных»). Речь идёт о применении разнообразных техник при ведении боя на горном склоне, в лодке, на деревянной или каменной лестнице, при солнечном или лунном свете, во время поединка внутри дома, рассматриваются другие методы достижения победы, разработанные специально для использования в этих затруднительных ситуациях. Кроме того, там же даётся краткий анализ ситуационных вариантов жизнеобеспечения в целях ограждения себя от внезапного нападения. К этому разделу относились, например, правила размещения на ночлег в гостинице во время путешествия, перемещения пешком ночью, выхода и входа через двери и так далее.

Даже по этой небольшой характеристике можно увидеть, что *дзюдзюцу* периода Мэйдзи, когда и был составлен данный учебник, в своей основе уже не имевшее столь большого практического влияния на обучение воинских формирований, сохранило основу комплексного боевого

искусства, объединявшего систему навыков жизнеобеспечения, выживания, рукопашной схватки как с оружием, так и без него, а также методы военной стратегии, основанные на их функциональном применении в различных типовых ситуациях.

Чтобы понять феномен формирования технической базы древних школ *дзюдзюцу*, заглянем в техническую программу одной из них — *Такэноутю*. Техническое наследие школы фактически представляет собой зашифрованную легендарную летопись воинских странствий — *муся сюгё*. Она фиксирует процесс того, как патриархи школы, путешествуя по разным провинциям Японии, встречались с различными мастерами воинских искусств и, побеждая в смертельных поединках с ними, оставляли предания, описания боёв, формируя технический арсенал школы, иногда даже давая техникам названия поверженных ими противников. Так, например, появились *Гэмба домэ-но кото* — «приём, которым был повержен Гэмба», *Накамура домэ-но кото* — «приём, которым был повержен Накамура», и многие другие.

Рассматривая эффективность древних школ, не надо лукавить, перенося реальности эпохи древних воинов с её сложной иерархической системой, социальными и религиозными особенностями и образовательным уровнем, на наше время. Это не только вредно и опасно (в том числе для здоровья), но и попросту глупо. Нам пока не приходилось встречать японских мастеров древних школ, горячо доказывающих их боевую эффективность в отношении других стилей. Для них это в большей степени историкокультурная традиция воинской доблести Японии, переданная из глубины веков и завещанная им по семейной преемственности или же по стилевой генеалогии—*дэнсё*. К слову сказать, большинство биомеханических принципов, которые вкладывались в технические методы старых школ и которые до сих пор можно наблюдать при обучении, весьма спорны, так как в основе технических требований лежал жёсткий принцип передачи техники без изменений. Естественно поэтому, что многие мастера, прожившие большую жизнь в *будо*, отмечают возросший технический потенциал и техническую эффективность современного видения боевого искусства. Их видение процесса продвижения в *бутоку*, основанное на строгой преемственности традиции, можно сформулировать в коротких и четких правилах:

- Старое даёт нам уверенность, а новое ведёт к победе.
- Побеждают не школы, а мастера.
- Нет смысла создавать легенды о школах, дошедших до нас через века. То, что они существуют, уже само по себе достойно легенд.

- Нежелание пойти немного дальше своего «Я», расширить свой взгляд на мир ограничивает человека рамками системы, рамками того образного восприятия, которое он сам себе создаёт. Гора Фудзи очень велика, её видно за сотни километров, но если смотреть на неё даже из-за небольшого дерева, её не узреть.

- Расширение восприятия через развитие тела в будо должно воспитывать высокое духовное начало.

- Истина — это вызов самому себе, постоянное движение, живое, а не застывшее.

- Чтобы уяснить достоинства будо, следите за истинным духом, следуйте ему на своем Пути.

- Помните о том, что настоящий мастер воинских искусств должен быть не только выдающимся бойцом, но и, что более важно, — целостной личностью, гармонично сочетающей в себе высокие морально-этические качества и воинское мастерство. Ибо там, где отсутствует мораль, сила легко превращается в насилие. Идеальный, с точки зрения канона воинского мастерства бугэй, мастер должен понимать пользу, которую он приносит своим мечом.

Изучая эти правила, следуйте им, а мы расскажем ещё об одной важнейшей и старейшей составляющей истинных японских воинских искусств.

Будо и синто

Как только любой человек входит в настоящее, «правильное» додзё, а не приспособленный для занятий единоборствами спортивный зал, первое, с чем он там сталкивается, оказывается *синто*—традиционная японская религия. Говоря об этом, мы должны помнить, что сегодня *синто* является той частью традиционной японской культуры, восприятие которой сильно ограничено по субъективным мотивам. Проще говоря, *синто* имеет очень плохой имидж за пределами Японии, прежде всего, в Китае и Корее, где ассоциируется с захватнической идеологией. Да и в самой Японии далеко не все способны принять даже саму возможность обсуждения *синто* за пределами страны. Причина этого проста, и её исчерпывающе и точно сформулировал видный синтолог, учёный и священник-канниси Сонода Минору: «Стоит только заговорить о *синто*, как немедленно всплывает термин *кокка* [государственное] *синто*. Такой образ *синто*, как мне кажется, безусловно, существует, и у многих вызывает чувство протеста. Послемэйдзийское *синто* огульно именуют “государственным”. Самый термин “государственное *синто*” был впервые использован после войны Штабом оккупационных войск. Раньше в Японии о нём и не слыхивали. Однако в сущности “государственное *синто*” существовало. Попросту говоря, *синто* время от времени оказывалось связанным с национализмом. В известном смысле дело доходило даже до ультранационализма, и *синто*, видимо, посчитали причастным к этому процессу. Нельзя отрицать, что *синто* изначально была присуща некая разновидность национализма... Политика того периода, который связывают с “государственным *синто*”, отнюдь не была желательной для синтоистских храмов, ибо ввиду этой политики значительные масштабы приобрело такое явление, как отчуждение людей от местных *коми* и синтоистских храмов. Достойным сожаления фактом является и то, что в условиях, когда синтоистские храмы были наделены функцией сплочения народа под эгидой государственной администрации, Япония перешла к военной структуре, в связи с чем эти храмы сделались местом пропаганды “лояльности и патриотизма”»^[100].

Как мы помним, стремление сочетать *будо*, *синто* и эту самую пропаганду было характерно для предвоенного *Бутокукай*, что нанесло Обществу серьезный урон, но оно было проанализировано и осознано им после войны. Отличие же современного *Дай Ниппон Бутокукай* от спортивных федераций и клубов *будо* заключается в том, что эта

организация не стесняется воспринимать историю и культуру Японии во всём её многообразии. Современное Общество Воинской добродетели Великой Японии считает естественным методичное изучение и правильное понимание японских *будо* через глубокое осознание первичности *синто* в японской цивилизационной модели, её влияния на менталитет японцев и на историю создания классических воинских единоборств. А в том, что такое влияние было, есть и будет, нет никаких сомнений.

Членам *Дай Ниппон Бутокукай* из самых разных стран, в том числе из России, ежедневно приходится сталкиваться с теми или иными нюансами культуры *синто* в *додзё*—для них чрезвычайно важно соблюдать классические ритуалы, способствующие процветанию духа *будо*. В Японии занятия без четкого и правильного исполнения таких ритуалов (именно ритуалов, а не бессмысленных поклонов «южной стене гимнастического зала», вызывающих лишь тревогу правоохранительных органов), без почтительного отношения к воинской традиции просто немыслимы. В то же время ДНБК не является религиозной организацией и не ставит своей задачей пропаганду *синто*—нам хотелось бы, чтобы все последователи *бутону*, а особенно те, кто интересуется деятельностью Общества, это ясно понимали.

Уже вскоре после начала работы представительства ДНБК в России мы были вовлечены в процесс более серьёзного рассмотрения влияния *синто* и всей традиционной японской культуры на *будо*, в обсуждение различных аспектов этого двустороннего взаимодействия. Вовлечение было инициировано японской стороной: летом 2005 г. официальному представителю *Дам Ниппон Бутокукай* в России А.Д. Арабаджиеву было передано приглашение принять участие в симпозиуме, посвященном изучению различных аспектов боевых искусств. Автором идеи симпозиума выступил глава *Синто покусай гаккай* (Международного научного общества синто, МНОС), один из последних учеников основателя *айкидо* Уэсиба Морихэи Умэда Ёсими^[101].

Соглашаясь на участие в симпозиуме, мы отчётливо понимали, что интерес к взаимосвязи *синто* и *будо*, если и существует сегодня, то лишь в очень неявной и сознательно низведённой к дилетантскому уровню форме. Это вызвано своеобразной «фантомной болью» стран — участниц Тихоокеанской войны, в первую очередь Японии и США, полученной ими от столкновения с идеологией *кокка синто*, служившей обоснованием «особой роли» Японии и её милитаристических притязаний в период «солнца и стали». Но всё же думается, что сегодня, спустя почти 70 лет после окончания войны, настало время, когда мы можем и имеем право

рассуждать о роли *синто* в *будо* совершенно свободно.

Как верно заметил ещё один участник нашего симпозиума профессор Международного университета Акита и автор первого фундаментального исследования в отечественной истории, посвящённого восточным единоборствам «Кэмпо. Традиция воинских искусств», А. А. Долин, «в мировой литературе по воинским искусствам принято за аксиому утверждение, что религиозную доминанту и основу военной подготовки самурайского сословия в Японии составлял *дзэн-буддизм*. Отсюда как бы само собой вытекает, что именно это учение и исповедовали все мастера воинских искусств — *буд-зюцу*. В действительности же источником воинского духа, началом и концом воинской стези для истинного самурая было, бесспорно, учение *синто* с его культурой “отечественных” божеств, покровителей и защитников края Ямато, с его почитанием предков, из которого произошло родовое и клановое устройство самурайского общества. Духи предков и синтоистские божества во главе с Аматаэрасу-омиками и Сусаноо-омикото определяли бытие самурая, к какой бы буддийской секте он ни принадлежал. Синтоистские верования составляли тот фундамент, на котором начиная с VII в. (задолго до широкого распространения *дзэн*) строилось и надстраивалось величественное здание японского буддизма. Не будь *синто*, сам буддизм на японских островах, вероятно, имел бы иную историю»^[102]. Само название религии — *синто* состоит из двух иероглифов: «*син*» или «*коми*» — «божество», и хорошо всем знакомого «*то*», означающего «путь». Таким образом, дословный перевод *синто* — «путь богов». *Синто* возникло в результате объединения верований, распространённых в отдельных местностях Японии, вокруг культа, который сложился в центральной провинции Ямато и остаётся самым тесным образом связан с божествами — легендарными предками императорского дома.

Если верить разнообразным и довольно многочисленным мифам, включая сюда «священные писания» *синто* — «Кодзики» и «Нихонги», то создание многих школ боевых искусств связано с актами мистического озарения или духовной передачи знаний от божеств в период совершения молений и аскетической практики в синтоистских святилищах или в других местах почитания *коми* — как, например, на горе Курама, о которой мы упоминали в предыдущей главе. Согласно *Хонтё бугэй сёдэн* — «Краткому изложению истории воинских искусств», примером тому может служить традиция школ, ставших основой *синбу* — «божественных воинских искусств» — *Катори синто-рю itt/jft*) — «Школы божественного пути храма Катори», посвящённой воинскому божеству *Такэмикадзуту-но коми*

и *Касима синто-рю* — Ш'Ж) — «Божественной школы храма Касима», посвященной духу-воину *Фуцунуси-но коми*. Интереснейшие и глубокие исследования на эту тему, к которым мы вас и отсылаем, также выполнены А.М. Горбылевым^[103].

С храмом *Касима-дзингу* легенды связывают создание древнейшей школы фехтования *Касима-но тати* («Меч храма Касима». Согласно преданию, она появилась благодаря синтоистскому священнику Кунинацу-но Махито, якобы являющемуся потомком божества Кунинацу-но Осика-но микото и первопредком рода Накатоми-Фудзивара — ближайших родственников японской императорской династии. А вот, например, о Хаясидзаки Дзинсукэ Сигэнобу легендарном создателе *иайдзюцу*, рассказывают, что он постиг искусство мгновенного извлечения меча с последующим ударом в период суровых тренировок и интенсивных молений божеству Хаясидзаки-мёдзин. «Синтоистские божества становились покровителями наиболее влиятельных самурайских школ *кэндо* и *дзюдзюф*, таких как *Катори синто-рю*, *Араки-рю*, *Асаяма утидэн-рю*, *Мусо-рю*, *Синсин-рю*, *Ёсин-рю*, *Кураку-рю*, *Итин-рю*, *Тэнсин синъё-рю*, *Рёи синто-рю* (конкурировавшей, кстати, впоследствии с мастерами *дзюдо*, питомцами доктора Кано, на решающем турнире) и многих других. Нередко и центры этих школ были расположены при синтоистских святилищах»^[104].

Но далеко не всегда первоисточником передачи традиции являются известные синтоистские или буддийские божества. Можно привести множество примеров, когда традиции той или иной школы легендарно восходят к различного рода необычным существам или духам, имеющим облик монахов (*синсо*), демонов (*онибито*), человеко-птиц (*тэнгу*), чертей (*они*), водяных (*каппа*), обезьян (*сарубито*), отшельников (*ямабуси*) и других существ, принимающих чужой облик (*обакэ*). Так, о создании одной из известных школ *иайдзюцу* — *Кагэ-рю* легенды рассказывают следующее. В возрасте 36 лет Айсу Икосай Хисатада затворился для молитв в пещере Удо в Никко, где к нему явилось местное божество-ками в образе обезьяны, которое раскрыло ему секреты воинского искусства. *Ками* передал самураю тайную рукопись, в которой описывались принципы боевого искусства. После этого события мастер открыл собственную школу и назвал ее *Кагэ-рю*. Родоначальником же школы *Мусо дзикидэн-рю* считается монах Икэйбо Тёхэн, живший на горе Обаяси-яма в провинции Ямато, который получил секретную традицию воинского искусства от *ками-каппа* по имени Тэнсинсё. Исследователи считают, что это была первая школа борьбы в

доспехах— *ёрои-кумиути* , и поэтому этого монаха называют великим основателем (*дайсо*) *ёрои-кумиути*.

Существует также предание о том, что основатель старейшей школы *дзюдзюцу Такэноути-рю коси-но ма-вари* Такэноути Хисамори удалился в лесную глушь на гору Санномия с целью предаться *сугё* — суровым тренировкам, молениям богу Атаго, которому он поклонялся, и голодной аскезе. На тридцать седьмой день подвижничества перед глазами Хисамори по воздуху стали носиться дорожные посохи, соломенные шляпы и другие предметы из облачения горных отшельников *ямабуси*. Вдруг из ниоткуда появился один из *ямабуси* и сказал: «Ты всегда любил воинскую доблесть и, будучи слабосильным, стремился научиться одолевая сильных, ты обратился за помощью ко мне, и я явился, чтобы исполнить твое желание».

Не следует, как нам кажется, излишне буквально понимать такие легенды, тем более, что вся документальная история японской воинской стратегии выстроена на классических китайских канонах, а великий Сунь-цзы, создатель «Искусства войны», писал: «Упреждающее знание нельзя получить от демонов и духов, нельзя получить из явлений или небесных знамений; оно должно быть получено от людей, ибо только оно есть знание подлинного положения противника»^[105]. Тем не менее уникальная особенность — синтез общевосточной культуры и такого традиционного японского начала как *синто*, позволяет японцам с лёгкостью из поколения в поколение передавать, например, историю о том, что *ямабуси* якобы и обучил Такэноути Хисамори приёмам *торитэ* — захватам рук и *коси-но-мавари* — в данном случае приёмам боя коротким мечом или ножом. Вообще, к секте *ямабуси* — убедительному примеру синтоистско-буддийского синкретизма — возводят свою родословную многие школы боевых искусств Японии, но это отдельная и большая тема^[106]. Отметим только, что стремление перенести легенду в реальность, повторить удивительные свершения воинов прошлого и получить божественное озарение характерно для некоторых мастеров воинских искусств и сегодня. Наибольшую известность среди современных адептов *будо* снискали отшельнические подвиги двух знаменитых мастеров: Уэсиба Морихэи и Ямагути Гогэн.

Первый «провел четыре года на горе Аябэ в неустанных упражнениях духа и плоти, заполняя досуг беседами с преподобным Дэгути [Онисабуро]. При этом синкретические идеи *синто* Дэгути сформулировал в трёх поучительных заветах своей секты:

1. Наблюдая явления природы, постигнешь сущность Единого

истинного божества.

2. Наблюдая непрерывные превращения в природе, постигнешь *ки* Единого истинного божества.

3. Наблюдая психику животных и людей, постигнешь душу Единого истинного божества.

Доктрина секты *Омото-кё* предусматривала самосовершенствование на различных путях, в том числе и на пути воина, и в период своей четырехлетней аскезы в горах Уэсиба полностью следовал ее заветам. Изучение классической китайской философии, теории воинских искусств и канонов *синто* в сочетании с внимательным наблюдением за живой природой вкупе с практикой буддистско-синтоистской йоги в конце концов и привели Уэсиба Морихэи к созданию его учения о концентрации жизненной энергии (*айки*).

Второй — легендарный Ямагути Гогэн, создатель современного *каратэ Годзю-рю*, был убеждённым приверженцем *синто*. Человек шубою) религиозный, Ямагути в зрелом возрасте пришёл к созданию динамичного каратэ на основе слияния идей индийской и даосской йоги, *дзэнбуддизма* и *синто*. Жизнь отшельника укрепила в нём веру в божественные силы природы — *коми*. В его философии нашли отражение исходные постулаты *синто*: «человек подобен зелёной траве» и «человек продолжается во Вселенной». Ямагути считал *синто* основой всех исконнояпонских воинских искусств и уделял много внимания отправлению синтоистских ритуалов. Он пропагандировал *Годзю синто* как философскую базу своей школы и требовал от учеников проникновения в суть синтоистской доктрины бытия. Одновременно он усиленно занимался дзэнской медитацией и увлекался оккультной стороной буддизма. Как писал об этом А.А. Долин, «вполне очевидно, что и в Новейшее время синтоистско-буддийский синтез в сочетании с конфуцианской системой этического воспитания остаётся основой *будо*, воплощая саму суть многовековой целостной традиции физического и духовного самосовершенствования в Японии»^[107].

Конечно, своеобразная «апелляция» к богам синтоистского пантеона в японской культуре не была новацией мира *будо*. Ранее «именно к синтоистским божествам в первую очередь обращались за помощью оружейники, создатели уникальных доспехов и непревзойдённых мечей, считавшихся “душой самурая” отнюдь не в буддийской, как принято об этом думать, но в синтоистской трактовке этого понятия. Начало работы оружейника сопровождалось торжественным ритуалом очищения (*мисоги* и *дсараи*), поклонением синтоистским божествам и духам предков, часто —

покровителям рода или профессии, напрямую не соотносящейся с воинскими искусствами. Ещё более торжественного ритуала требовало завершение работы»^[108]. В сегодняшней Японии даже в далеких от будо областях в этом смысле мало что изменилось. Те же *коми*, что покровительствовали когда-то кузнецам, почитаются, например, в автомобильной корпорации «Тойота» — сегодня не меч, но автомобиль стал «душой» *сараргшана*^[109].

При этом, хотя ныне существующая классическая традиция *будзюцу* сама по себе по политическим причинам не считается религиозной или делающей особый акцент именно на *синто*^[110], она уважительно относится к различным формам церемониального начала, называемым *хараи-но ги* — религиозным ритуалам очищения перед началом тренировки или официального события, или *мисоги* — очищения духа. Этими церемониями в *будо* подчеркивается важность чистоты разума и духа, а также единства с природой и вселенной, необходимость правильного ментального настроения, отсутствия агрессивности, возносится молитва о добрых намерениях, безопасности и успехе для всех.

Любопытно и странно для неяпонцев, что, в отличие от других религий, *синто* не содержит чётких моральных установок. Как ни шокирующе это звучит для европейцев, но место привычных для нас представлений о добре и зле здесь занимают понятия чистого и нечистого. Если человек «запачкался», то есть, в нашем понимании, совершил нечто неподобающее, он должен пройти через ритуал очищения. С точки зрения *синто*, речь не идет о каком-то абсолютном ответе, а скорее о полноте всеобъемлющей истины — во всём её противоречии. Вот что писал об этом Л. Хэрн: «Явно уязвимое место этой доктрины [*синто*] заключается в учении, что не следует бороться со злыми духами — учение, которое должно вызывать особенно глубокое отвращение у римско-католического чувства. Но между злыми духами христианского и синтоистского вероучений существует громадная разница. Злой “ками” есть лишь дух дурного человека, и не рассматривается в качестве абсолютно дурного, раз есть возможность склонить его на милость. Представления о беспримесном, абсолютном зле не существует на Дальнем Востоке. Абсолютное зло безусловно, чуждо человеческой природе, а поэтому невозможно у духов людей... Синтоизм — самая непосредственная из религий, и потому во многих отношениях — самая рациональная. Она рассматривает страсти не непременно в качестве “злых самих по себе”, а злых лишь в зависимости от причин, условий и степени, в которых им

предаются... Пессимист не мог бы обратиться в чистый синтоизм, это учение оптимистично, и всякий, кто питает хорошее мнение о человечестве, не будет сожалеть, что идеи непримиримого зла в синтоизме не существует»^[111].

Как это выглядит на практике? Известно, например, что японский архипелаг гораздо больше других частей планеты подвержен воздействию природных катаклизмов — от разрушительных тайфунов до опасных землетрясений, которые происходят каждый год. С точки зрения *синто*, японцы считают землю частью плавающего мира преходящей, эфемерной природы, получающей от Высшей сущности энергию самовосстановления и вечной трансформации. Вне зависимости от того, насколько колоссальны могут быть эти природные катастрофы, они рассматриваются как форма очищения — *мисоги* и как природная сила самопреобразования. Это не умаляет бед и горя, которые эти катаклизмы могут принести, но заставляет разум отчасти смириться с их неотвратимостью.

Современные японцы воспринимают *синто* как совокупность национальных обычаев и традиций, и обряды *синто* в большинстве своём не рассматриваются как проявление акцентированной религиозности. *Синто* не требует фанатичного религиозного поклонения и не является предметом сакрализации для неяпонцев. В соответствии с традицией *синто*, все японцы уже по факту своего рождения являются синтоистами — точно так же как неяпонцы не могут ими стать ни при каких обстоятельствах. Это исключительно важное положение устраняет саму возможность возникновения религиозного конфликта, как на внешнем уровне (в Японии известен только один факт религиозной войны — в начале проникновения в эту страну буддизма), так и на приватном — человек иной веры может свободно посещать храмы *синто*, исполнять синтоистские обряды, воспринимая их как часть той или иной культурной традиции и не беспокоясь о том, что, участвуя в иной религиозной традиции, он предаёт свою веру. Это так же невозможно, как любому из нас стать марсианином, сколько бы фантастических книжек о войне миров мы бы ни прочитали и какими бы джедаями себя ни воображали.

Однако каким образом и что современный будока может извлечь из духа *синто*, который, как мы убедились, тесно связан с классическими боевыми искусствами? Не надо быть последователем *синто*, чтобы оценить важность простого духовного опыта. В отличие от привычных религии Запада, в нем не существует догм, заповедей, заветов, сложных текстов, которые надо читать и понимать (хотя хороших книг о *синто* написано немало). Дух *синто* — это всё то, что вы сами чувствуете в своей

душе, в природе, в том, что вас окружает в связи с японской культурой. Для японца важной становится ваша связь со всей духовной энергией в земном мире и вне его. Люди вокруг нас, предки, родители, супруги, родственники, друзья, коллеги, учителя, наставники, животные и даже неодушевленные предметы, такие как камни, деревья, мох, реки, водопады, океаны, горы — всё, что есть в природе, может стать вашей духовной семьей, духовным домом. **Синто** в самом древнем своём варианте не провозглашало ни алтарей, ни храмов для поклонения **коми**, ибо **коми** может оказаться во всем. Всё в нас, и всё — вокруг нас. Согласно традиции **будо**, войдя в **додзё** и оказываясь перед зеркалом алтаря — **камидза**, следует глубже заглянуть в самые потаённые уголки собственной души. Зеркало **камидза** отразит чистую правду, тени тщеславия и поиска выгоды. Не следует искать в этом религиозный смысл. Последователь учения лишь оказывает таким образом уважение традициям и духовному наследию всех почитаемых в **додзё** людей — тех, что были до нас и будут после нас, пытается понять свою душу, успокоить свой разум, сделать его спокойным, ровным и отражающим реалии мира, как зеркало.

При том, что **синто** часто носит камерный, интимный характер, существуют и масштабные церемонии, связывающие **будо** и **синто** в единое целое. Так, например, во время проведения **Бутокусай** рано утром перед началом официальных демонстраций сотни делегатов приходят в храм Хэйан-дзингу и участвуют в церемонии **мисо-ги**. Перед входом в храмовый комплекс все совершают омовение в специальной ёмкости **тэмидзуя** — только оmyв руки и прополоскав рот, можно будет обратиться к богам. Вслед за тем, как священник—**каннуси** выполнит ритуал обращения к **коми**, наиболее почитаемые **ханси** демонстрируют различные **ката** непосредственно у главного алтаря, затем всем преподносят ритуальное **сакэ** (также любимое **коми**), после чего весь день, пока не завершится церемония, вообще не рекомендуется пить. По завершении ритуала очищения все участники направляются к Павильону Воинской добродетели — **Бутокудэн**, в котором и происходит непосредственно фестиваль. Перед его началом исполняется ещё один ритуал, о котором уже упоминалось, **хараи-но ги**, в ходе которого старейшие и наиболее почитаемые наставники боевых искусств демонстрируют **ката** своих школ.

Хотя **Бутокудэн** является частью большого синтоистского храмового комплекса Хэйан-дзингу, духовный центр **Дай Ниппон Бутокукай**, как мы помним, после войны был переведён в буддийский монастырь Сёрэн-ин. Храм относится к близкой к традиции **ямабуси** буддийской школе **Тэндай**, которая сегодня исповедует синто-буддийские учения **санно-синто** и **рёбу-**

синто, рассматривающие синтоистские божества как проявления космического буд ды Дайнити, пронизывающего всю Вселенную. Божественным сокровищем и признанным национальным достоянием Японии является находящаяся в главном алтаре храма статуя Фудо-Мёо — одного из воплощений Дайнити, его слуги, традиционно изображаемого на фоне языков адского пламени с мечом в одной руке и верёвкой в другой, готового спасти и наставить на истинный путь тех, кто по неведению движется к духовной пропасти, и даже сгореть вместо грешников в аду.

В 2002 г. во время 2-го всемирного *Бутокусай*, при встрече с настоятелем монастыря принцем Хигасифусими Дзиго нам была передана *О-Фуда* (ритуальная дощечка с символом духа покровителя) Фудо-Мёо, которая вместе с *О-Фуда* создания и инициации школы находится теперь в *камидза Кёдзицу дзиссэн будо додзё*. Эта церемония сопровождалась «разделением духа» божества при его передаче на новое место — по аналогии с огнём, который остаётся тем же пламенем, на сколько бы частей его ни делили.

Не раз нам приходилось наблюдать и участвовать ещё в одном ритуале, проводимом в *Дай Ниппон Бутокукай* — церемонии *Фудокэн* («меч Фудо-Мёо»). Она выполняется как для очищения и усмирения мятежного духа, в том числе в *додзё*, так и при инициации получения званий ДНБК — *рэнси, кёси и ханси*. Интересно, что *боккэн*, с помощью которого отправляется ритуал, принадлежал знаменитому фехтовальщику средневековой Японии Миямото Мусаси. Меч в данном случае отождествляется с *синтай* — «телом бога», то есть предметом, замещающим *коми* и, по поверью, обладающим всеми чудесными свойствами этого божества. По настоянию совета директоров *Дай Ниппон Бутокукай* аналогичный ритуал проводится и в московском *додзё Кёдзицу дзиссэн будо*, но не мечом (*боккэн* Миямото, разумеется, остается в Японии), а веером с каллиграфией, выполненной настоятелем Сёрэн-ин Хигасифусими Дзиго.

Духовный мистицизм *синто* всегда присутствует в общем смысле понимания традиционного обучения боевым искусствам, где роль наставника в боевом искусстве сродни роли синтоистского священника *каннуси*. Мастер *будо*, так же как и синтоистский священник, является проводником, соединяющим дух ушедших мастеров для передачи их духовного и технического наследия своим ученикам. Таким образом, вся передача традиций каждой конкретной школы как бы освящается высшими силами и становится высшим приоритетом её последователей. Возможно, в этом кроется главная духовная причина жизнестойкости воинских искусств

Японии. Некоторые *ханси Дай Ниппон Бутокукай*, главы семейных школ, одновременно являются и *каннуси* местных храмов (например, вице-президент ДНБК *ханси* Миура Хидэфуса Такэюки, 10-й дан *иайдо*, служил священником одного из святилищ в Осаке). Естественно, что при этом в обучении *будо* присутствует ещё какая-то часть религиозных практик. При внимательном наблюдении за демонстрациями воинских искусств в Японии можно заметить, как представители тех или иных школ проводят мистические ритуалы *кото-дама* (душа слова) с целью защиты или непосредственно перед выступлением выполняют замысловатые движения руками, «выстраивая оборону» девятью магическими решётками. Так что хотим мы этого или нет, осознанно или не осознанно, но древняя традиция *синто* переходит к нам вместе с традицией передачи *будо*, как переходит она ко всем, кто практикует любые классические японские виды искусства, даже к любителям *оригами*, которое в традиции главного синтоистского храма — Исэ-дзингу — служило одним из способов усмирения души. *Синто*, во всём его противоречивом многообразии, по-прежнему остаётся гарантией правильной передачи традиции для нас и источником вдохновения и жизненным стимулом для многих японских мастеров новейшего времени — надо только правильно к этому относиться.

Духовный центр

Храм Сёрэн-ин, известный также как дворец Авата и являющийся ныне штаб-квартирой *Дай Ниппон Бу-токукай*, был построен на востоке Киото, у подножия горы Хигасияма в конце XIII в., но его прошлое уходит корнями в более раннюю эпоху процветания императорской столицы — период Хэйан (794—1185). Тогда в стране едва ли не безраздельно царствовали представители двух основных буддийских школ — *Сингон* и особенно *Тэндай*. Религиозные объединения последней стали своеобразным государством в государстве и в течение нескольких столетий фактически представляли официальную религию Японии. Основатель школы и ее первый патриарх Сайтё разработал буддийскую доктрину теократического государства, и монастыри *Тэндай*, возвысившиеся вокруг Киото, стали грозным напоминанием светским властям об ограниченности их влияния на земле и ничтожности — на небе. Не случайно в «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*) — первом «самурайском романе» мировой истории, император-инок Сиракава с горечью восклицает: «Три вещи мне неподвластны: воды реки Камо, игральные кости и монахи с горы Хиэй!» Именно там — на горе Хиэй и находилась основная резиденция патриархов школы *Тэндай* — монастырь Энрякудзи, а их столичным представительством при императоре Тоба стал Сёрэн-ин.

В знак уважения и признания особого положения храма его настоятелем был назначен сын императора Тоба. С тех пор традиция никогда не прерывалась — главой Сёрэн-ин может стать только близкий родственник императора. Фотографии нынешнего настоятеля — Благородного Хигасифусими Дзиго, его сына — Благородного Хигасифусими Дзико (иероглиф М — «дзи» в буддийских именах настоятелей Сёрэн-ин означает «милосердие») и их сегодняшних Высочайших родственников — императора Акихито и императрицы Митико, сделанные во время посещения храма, висят на стенах монастырских павильонов, украшенных лучшими художниками Японии. Третий по счету настоятель Сёрэн-ин — Дзиэн (MR, 1155–1225), сын канцлера империи Фудзивара Тада-мити, несмотря на то, что при нем учение *Тэндай-сю* разделилось на четыре основные ветви, снискал себе особое уважение со стороны правящей династии за свое внимание к теоретическому обоснованию укрепления централизованного правления императора (что, впрочем, не спасло империю от прихода к власти

самураев, свершившегося именно в то самое время), и за выдающийся вклад в японскую науку. Кисти Дзиэн принадлежит *Гукансё*—первый академический труд по истории и философии Японии. Близко знавший великих поэтов тех времен — Сайгё, Фудзивара Садаиэ, Дзякурэн — и сам бывший прекрасным поэтом, Дзиэн оставил после себя поэтическую антологию *Сюгёкусю* («Собрание подобранных сокровищ»), в которой собрано более шести тысяч пятистиший.

Одним из ответвлений школы *Тэндай* стала чрезвычайно популярная в Средние века, да и в сегодняшней Японии, школа Чистой земли будды Амида — *Дзёдо-сю*. Дзиэн покровительствовал новому учению и предоставил убежище его основателю — Хонэн и его ученику — Синран. С тех пор каждый глава штаб-квартиры секты *Дзёдо* — храма Хонгадзи, чтобы быть признанным в этом качестве, обязан пройти своеобразную стажировку в Сёрэн-ин.

Вообще, верность традициям — главная и лучшая традиция Сёрэн-ин. Так, например, семнадцатый по счету настоятель храма и один из сыновей императора Фусими в Средние века стал создателем уникального стиля каллиграфии, объединившего в себе лучшие китайские и японские традиции. Этот стиль и сегодня передается из поколения в поколение настоятелями храма и считается одной из его «визитных карточек».

О своей близости правящей династии Сёрэн-ин напомнил в 1788 г., когда страшный пожар уничтожил императорский дворец и храм стал временной резиденцией едва спасшегося в огне двора. Сам император при этом жил в Кобун-тэй — небольшом павильоне, использовавшемся после Реставрации Мэйдзи (1868) и переезда столицы в Токио в качестве чайного домика. К сожалению, в 1993 г. «традиция» дала о себе знать и тут — как и большинство японских храмов, Кобун-тэй сгорел, но вскоре был восстановлен в первоначальном виде. В 1995 г. глава чайной школы *Урасэнкэ* в присутствии принца Микаса-но мия провел первую чайную церемонию в обновленном здании. Через десять лет было восстановлено изрядно поблекшее от времени главное сокровище Сёрэн-ин — мандала (буддийское схематичное изображение Вселенной) — дар военного объединителя Японии Тоётоми Хидэёси. В центре мандалы изображен будда *Дайнити Нёрай*, но вообще Сёрэн-ин — единственный храм в Японии, посвященный популярному в период Хэйан, а ныне практически забытому, будде — *Синдзёко Нёрай*.

Главный павильон храма был отреставрирован в 1895 г., тогда же, когда совсем неподалеку от него был построен Хэйан дзингу и восстановлен *Бутокудэн* — главный зал для занятий японскими воинскими

искусствами в этой стране. Прямая, как стрела, дорога связала эти храмы, открыв новую эпоху в развитии Сёрэн-ин. Элитный клуб, объединивший лучших мастеров японских воинских искусств, педагогов и философов будо, сразу получил признание императорского дома Японии, и ее главой, как мы помним, был назначен генерал принц Комацу-но мия Акихито.

Его родной брат — адмирал принц Хигасифусими Ёрихито был женат на старшей дочери принца Ивакура Томоми — инициатора и главы беспрецедентной дипломатической миссии японского правительства, известной как «миссия Ивакура», во время которой специально отобранные посланники на протяжении двух лет познакомились с опытом различных стран (в том числе России) в области политики, администрирования, организации армии и флота, подготавливая таким образом модернизацию Японии. У принца и принцессы не было детей, и в 1931 г. император Сева (Хирохито) предложил своему ближайшему родственнику — князю Куни Кунихидэ, приходившемуся внуком дайме Сацумы — Симадзу Та-даёси, на службе которого состоял знаменитый «последний самурай» Сайго Такамори, стать приёмным сыном четы под именем Хигасифусими Кунихидэ.

Спустя 12 лет, приняв имя Хигасифусими Дзиго, принц Кунихидэ стал настоятелем храма Сёрэн-ин и остается им по сей день. Он продолжает великие буддийские традиции храма, сочетая их с самурайским наследием своих предков. С 1953 г. Благородный Хигасифусими Дзиго возглавляет *Дай Ниппон Бутокукай*, а его сын — Дзико Л,МЖ?;) со временем стал вице-президентом этой уникальной организации, к числу членов которой относятся теперь и несколько представителей России. Но принадлежность к какой бы то ни было элите в Японии — не пустой звук.

Настоятель и его сын принимают живейшее участие в делах *Дай Ниппон Бутокукай*, своим духовным авторитетом под держивая и развивая его. Во время Всемирных фестивалей Воинской добродетели—*Бутокусай* — они обязательно не только приветствуют участников, но и по возможности (все-таки настоятелю почти 100 лет!) наблюдают за всеми демонстрациями техник и духа будо. Ну и, конечно же, получить по окончании выступления приз или специальный подарок из рук глав Сёрэн-ин — совсем особенная и уже испытанная нами честь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРАВИЛА ДАЙ НИППОН БУТОКУКАЙ^[112]

Часть I. Общие правила

Статья 1

Наша организация ставит себе целью поддержку боевых искусств (*будо*) и воспитание в людях воинской добродетели (*бутпоку*), во исполнение чего мы занимаемся, в частности, следующими видами деятельности:

1) Сооружение Павильона Воинской добродетели (*Бутокудэн*) при святилище Хэйан-дзингу.

2) Проведение ежегодного Фестиваля Воинской добродетели (*Бутокусай*).

3) Чтение лекций о *будо* в рамках фестиваля, с целью передачи *бутоку* из поколения в поколение до скончания времён.

4) Постройка разного рода мест для демонстрации боевых искусств (*эмбудзё*) с целью поощрения изучения *будо*.

5) Изыскание способов сохранения даже тех видов боевых искусств (*бугэй*), которые не подходят для практического применения в наши дни.

6) Постройка оружейного склада (*буко*) и коллекционирование всевозможных видов оружия — старого и нового, японского и зарубежного.

7) Изучение военной истории, а также истории боевых искусств и оружия нашей страны и других стран с древности до нынешних времён.

8) Публикация Вестника *Бутокукай* (*Бутокукай-си*).

Статья 2

Наша организация называется *Дай Ниппон Бутокукай*, имеет свою штаб-квартиру (*хомбу*) в городе Киото и отделения (*сибу*) в других частях страны. Впрочем, существуют отдельные правила относительно деятельности *сибу*.

Часть II. О членстве

Статья 3

В нашей организации существуют следующие три разновидности членства:

1) Особый член (*токубэцу кайин*) — человек, имеющий какие-либо особые заслуги перед нашей организацией, либо платящий членские взносы (*гикин*) более 5 иен.

2) Рядовой член (*сэй кайин*) — человек, платящий членские взносы в размере более 1 и менее 5 иен.

3) Младший член (*сандзё кайин*) — человек, вносящий более 30 сэн и менее 1 иены в качестве членского взноса.

Статья 4

Общим желанием членов организации, либо на основании особых заслуг, мы можем выдвинуть одного из членов в почётные члены (*мэйё кайин*).

Статья 5

Человеку, согласному с целями и задачами нашей организации, и желающему стать её особым, рядовым либо младшим членом, надлежит для этого направить в нашу штаб-квартиру, либо в *сибу* по месту жительства (либо же, в случае отсутствия *сибу* — в местное представительство (*тихо-иин*) организации) следующее прошение:

Прошение о принятии (*Нюкай моосикоми-сё*) Объём членского взноса...

Я согласен с целями и задачами организации и прошу принять меня в её члены.

Префектура_город/уезд_р-н/деревня_дом_

Сословие: аристократ/служивый/простолюдин

Год_месяц_число_

Фамилия_Имя_Печать_

В Дай Ниппон Бутокукай

Статья 6

Человек, подавший заявление вышеприведённого образца, при вступлении в организацию получает членский билет и значок, подтверждающие его членство.

Младшим членам, однако, полагается только билет.

Статья 7

В случае смерти особого или рядового члена, его потомки могут унаследовать его статус. Для этого им необходимо обратиться с заявлением в отделение организации, либо, в случае отсутствия оногo поблизости, — обратиться к главе местного комитета (*тихо иинтё*) организации.

Статья 8

Рядовые и младшие члены организации, несколько раз уплатив членские взносы в размерах, указанных в ст. 3, получают статус, соответствующий величине взноса.

Статья 9

Имена и фамилии членов организации, а также размеры вносимых ими взносов, записываются в список членов [ДНБК] и сохраняются в *Бутокудэн* на веки вечные.

Статья 10

Если член организации имеет какие-либо особые заслуги в деле развития *будо*, либо конкретно перед организацией, ему предоставляется диплом о заслугах (*юкосё*).

Статья 11

Членам общества, обладающим высокой степенью мастерства в боевых искусствах (*будзюцу*), выдаётся сертификат о мастерстве (*будзюцу ютосё*).

Статья 12

Во время выдачи диплома о заслугах или сертификата о мастерстве имя их получателя заносится в список выдающихся деяний (*коро сюки*) и сохраняется в *Бутокудэн* на веки вечные.

Статья 13

Тех, кто с небрежением станет относиться к нашим целям и задачам, а также будет замечен в поведении, позорящем звание члена *Бутоку кай*, надлежит исключать. Имеющиеся же у них членские билеты и значки необходимо изъять.

Часть III. Должности в организации

Статья 14

Главой нашей организации должен быть [представитель] императорской семьи. Но, в соответствии с нуждами организации, ему необходимо назначить заместителей.

Статья 15

В нашей организации учреждаются следующие должности, избираемые из числа её членов (впрочем, конкретные детали делопроизводства оговариваются отдельно):

- 1) Глава (*кайтё*) — 1 человек. Управляет делами организации.
- 2) Его заместители (*фуку-кайтё*) — 2 человека. Помогают главе, либо замещают его.

3) Члены консультативного совета (*сэгиин*) — несколько человек. Совещаются по вопросам исключительной важности.

4) Члены постоянного комитета (*дзэгиин*) — 30–50 человек. Принимают решения по вопросам, оговоренным в статье 23.

5) Управляющие (*кандзи*) — 7 человек. Под руководством главы управляют делами организации.

6) Секретари (*сёки*) — несколько человек. Занимаются канцелярией и бухгалтерией организации, следуя указаниям управляющих и под контролем оных.

Статья 16

Глава выдвигает членов организации в постоянный комитет и на посты управляющих, а секретарей — назначает и снимает с должности.

Статья 17

В нашей организации срок полномочий обладателя той или иной должности (кроме секретарей) составляет три года, после чего должность занимает преемник. Впрочем, по истечении своих должностных полномочий можно быть переизбранным на ту же должность.

Статья 18

Правила для членов совета относительно будо должны быть установлены особо.

Статья 19

Глава организации при необходимости может сформировать из её членов временный комитет для каких-либо целей.

Статья 20

На местах глава комитета (*иинтё*) ставит чиновников уровня управляющего (*кандзи*), поручая им заниматься всевозможными делами организации. Впрочем, конкретное содержание дел организации, о которых говорится в этой статье, следует впоследствии оговорить особо.

Статья 21

Лица, занимающие в настоящей организации какие-либо должности (кроме секретарей — *сёки*), совмещают их с основным местом службы, и жалование им не положено. Впрочем, смотря по обстоятельствам, они могут получить определённое вознаграждение.

Часть IV. Постоянный совет (дзэгиинкай)

Регулярные собрания (*цудзёкай*) проходят каждый год в феврале^[113]. Помимо этого в любое время может при необходимости быть созвано

чрезвычайное собрание (*риндзикай*).

Статья 23

В ведении постоянного совета находится рассмотрение нижеследующих вопросов:

- 1) Определение и принятие бюджета организации.
- 2) Вопросы, связанные с управлением имуществом организации.
- 3) Вопросы, связанные с правилами организации.
- 4) Регламент расходов и поступлений.
- 5) Вопросы, связанные с выдвижением чьей-либо кандидатуры на звание почётного члена (*мэйё-кайин*) организации.
- 6) Вопросы, связанные с выдвижением кандидатов на пост главы организации (*кайте*), его заместителей (*ифуку-кайтё*) и членов консультативного совета (*сёги-ин*).
- 7) Установление лиц, имеющих перед организацией особые заслуги, либо обладающих выдающимся мастерством в буцзюцу.
- 8) Другие вопросы, которые глава организации посчитает важными.

Статья 24

Если более трети членов постоянного совета не может присутствовать на заседании, то и заседание не может быть открыто в этот день.

Статья 25

Председателя (*гите*) постоянного совета назначает глава организации (*кайте*).

Статья 26

Присутствующие на собрании члены совета принимают решение большинством голосов.

Статья 27

Член постоянного совета, выдвинувший какой-либо проект на заседании, может выступить с разъяснениями своего проекта. При этом особые члены (*токубэцу кайин*) при голосовании по выдвинутым ими проектам имеют те же права, что и прочие члены.

Часть V. Финансы

Статья 28

Средства, получаемые от членских взносов и пожертвований, идут на уплату налогов и прочие неисчислимые текущие расходы.

Статья 29

Когда наше дело будет завершено, и нужное количество членов

набрано, то с помощью процентов от основного капитала мы погасим все расходы.

Часть VI. Пожертвования

Статья 30

Если кто-либо, будь он членом организации или человеком со стороны, пожертвует в пользу организации какие-либо деньги или имущество, то имя этого человека, размер денежной суммы, либо описание имущества записываются в каталог и хранятся в *Бутокудэн* на веки вечные. Дарителю же объявляется письменная благодарность.

Статья 31

Если даритель особо указывает, для какой цели он делает пожертвование, то полученные от него деньги и имущество не могут быть использованы для других целей.

Дополнительные правила:

Статья 32

После вступления в силу настоящих правил все должностные лица в организации, кроме главы, должны быть переизбраны. Впрочем, это не касается глав местных комитетов и их подчинённых, а также секретарей (*сёки*).

Статья 33

В случае, если где-то открывается новый филиал (*сибу*) организации, то глава местного комитета освобождается от должности и передаёт свои дела филиалу.

Статья 34

Настоящие правила вступают в силу с 1 января 31 г. Мэйдзи (1898).

Знак почётного члена (мэйё-кайин кисе) и особого члена (токубэцу-кайин кисе).

- 1) Оба знака — золотистые.
- 2) Знак почётного члена организации снабжён фиолетовым шнуром.

- 3) Знак особого члена организации снабжён красным шнуром.
- 4) На реверсе у обоих выгравировано «*Дай Ниппон Бутокукай*» .

Знак рядового члена (сэй-кайин кисе).

- 1) Сам знак — золотистый.
- 2) На реверсе, как и у предыдущих, выгравировано «*Дай Ниппон Бутокукай*».

Членское удостоверение (кайинсё)

- 1) Изображённая на удостоверении эмблема организации — золотистая.
- 2) Иероглифы — чёрные.
- 3) Все регалии и заслуги владельца пишутся красными иероглифами.
- 4) На обратной стороне удостоверения — имя и фамилия владельца.

Знак за особые заслуги (токубэцу юдзю кисе)

- 1) Сам знак — золотистый.
- 2) К знаку прикреплён красный шнур.
- 3) Посередине ленты проходит белая полоса, а по краям ленты — фиолетовые полосы; на ленте вышиты розовые цветы сакуры.
- 4) На реверсе выгравировано «*Дай Ниппон Бутоку-кай*»

Знак с лентой (юдзю кисе)

- 1) Сам знак — золотистый.
- 2) Посередине ленты проходит белая полоса, а по краям ленты — фиолетовые полосы; на ленте вышиты розовые цветы сакуры.
- 3) На реверсе выгравировано «*Дай Ниппон Бутоку-кай*».

Внимание:

- 1) Вступительный взнос (*гикин*) в нашу организацию надо внести вместе с прошением о принятии в организацию в один из её филиалов, либо главе местного представительства.

2) Не возбраняется, впрочем, послать деньги через местного представителя в должности *кандзи*.

3) Во всех уездах префектуры Киото вступительный взнос и прошение о вступлении следует направлять в организацию через местного её представителя в ранге *кандзи*.

4) В случае утраты полученных в организации знаков отличия можно получить новые, подав заявление напрямую в организацию либо же в местное её представительство и заплатив сумму, необходимую для их повторного изготовления.

5) Лица, желающие получить в настоящей организации знак с лентой, должны обратиться по этому вопросу к любому члену организации выше рядового (*сэй-кайин*) и через него передать в организацию деньги на изготовление знака.

6) Знак с лентой не надлежит открыто носить на улице и во время каких-либо публичных церемоний под открытым небом. Можно же его носить во время каких либо мероприятий нашей и аналогичных ей организаций, в помещении, где есть крыша или, в крайнем случае, стены.

7) Все знаки настоящей организации, за исключением знака с лентой, позволяет носить на себе без каких-либо ограничений.

8) Лица, желающие получить буклет о причинах существования настоящей организации и её правилах, должны обратиться с просьбой в саму организацию, либо в местное её представительство.

9) Продавать, либо давать в пользование посторонним лицам членский билет и какие-либо знаки отличия настоящей организации запрещается.

10) Лица, желающие на основании статьи 7 настоящих правил, унаследовать статус своего родственника в организации, должны как можно скорее обратиться в организацию, либо в местное её представительство с заявлением о замене членского удостоверения.

Киото, район Камигё, квартал Окадзаки, Святилище Хэйан-дзингу, Дай Ниппон Бутокукай.

Приложение 2

ИЗ ИНТЕРВЬЮ КАВАБАТА ИТИРО ЖУРНАЛУ

«ДОДЗЁ»

Крупный японский дипломат, специалист по России, генеральный консул этой страны в Санкт-Петербурге (2009–2013) Кавабата Итиро дал интервью, посвященное его личному опыту занятий одним из самых редких видов будо.

— **Уважаемый Кавабата-сан, в одной из телепередач вы обмолвились, что в детстве занимались в школе самурайского плавания. Эта тема очень интересна для нашего журнала, и поэтому не могли бы вы поподробнее рассказать о том, как вы попали в школу суйэйдзюцу?**

— Нет никого, кто умел бы плавать от рождения: люди приобретают этот навык путем тренировок. В Японии человека, который не умеет плавать, называют «молоток». Я тоже был одним из таких «молотков». Мой отец считал, что японцу стыдно не уметь плавать, так как мы живем в стране, которая со всех сторон окружена морем. Поэтому, когда мне исполнилось 10 лет, он силком отвел меня в школу плавания. Она находилась недалеко от нашего дома и называлась «*Киото Тосуйкай*».

— **Что представляли собой занятия в этой школе? Сколько они длились по времени, насколько были тяжелы, из чего состояли?**

— Школа существовала на базе водоёма на дренажной дамбе и работала всего два месяца в году — в июле и августе. Преподавали в ней те, кто в детстве сам учился плавать в этой же школе: хозяева местных магазинчиков и ресторанов, служащие компаний, учителя. Сначала я думал, что это обычная школа плавания, но потом узнал, что у нее давние традиции: она была основана в 1896 г. и изначально специализировалась на так называемом «японском плавании».

В Японии существует такое понятие, как *бугэй дзю-хаппан*, то есть 18 основных видов оружия и боевых искусств, которые должен освоить самурай. Это *кэндзюцу* (искусство фехтования), *дзюдзюцу* (рукопашный бой), *кюдзюцу* (стрельба из лука), *содзюцу* (искусство владения копьем) и многое другое. В их число входит и искусство плавания. В Японии

существуют различные школы и направления этого искусства. В настоящее время Японской федерацией плавания официально признано 12 таких направлений.

Школа плавания, куда ходил я, принадлежит к одному из них— *Кобори-рю*. Отличительная особенность этого направления — стиль плавания *тати-оёги* (буквально «плавание стоя»). Этот стиль служит базой для освоения особого искусства, когда человек, плавая в воде, одновременно пишет кистью иероглифы.

Известен также вид плавания под названием *годзэн-оёги*, предназначенный для демонстрации перед императором и знатью. Действительно, когда смотришь на него, он кажется очень элегантным. Есть также прием под названием *укими*, когда надо просто лежать на воде в горизонтальном положении, не двигая при этом руками и ногами. Кажется, нет ничего сложного, но попробуйте сами: вы убедитесь, что это не так-то легко. Чем проще прием, тем труднее его освоить.

Тренировки десятилетнего, не умеющего плавать, мальчика заключались в том, что надо было опускать лицо в воду, открывать в воде глаза, нырять, болтать ногами, учиться правильно дышать, опуская и поднимая лицо из воды, набирать в легкие воздух для того, чтобы держаться на поверхности, и делать многое другое.

— **Воздух все время должен быть в легких?**

— Да, человек ведь держится на воде за счет того, что в его легких есть воздух. При обычном выдохе воздух выходит и получается «молотою». Поэтому так важно было научиться дышать, оставляя в легких немного воздуха.

Ежедневные тренировки посвящались отработке этих основных навыков и, по сути, ничем не отличались от общепринятого способа обучения плаванию. Наш преподаватель был очень строгим и не разрешал нам вылезать из воды до тех пор, пока мы не освоим требуемого. Некоторые ребята бывали готовы расплакаться.

Надо заметить, что при освоении каждого приема большое значение придавалось *ката* (определенная последовательность красиво организованных движений), что является общей особенностью всех видов японских боевых искусств. Помню, что наша школа работала с 10 часов утра и до 6 вечера. Таким образом, все сорок дней летних каникул я ежедневно занимался плаванием.

— **Какая-то система разрядов там существует?**

— Все ученики школы в зависимости от своих навыков плавания делились на несколько уровней. «Молотки» начинают с «шести белых

полосок на красной шапочке». Потом, если сдаешь экзамены, количество белых полосок уменьшается по одной штуке, а когда заканчивается красная шапочка, ученик переходит к «трем красным полоскам на белой шапочке».

По окончании красных полосок происходит переход к «трем черным полоскам на белой шапочке», а когда освоен и этот этап, ученик признается окончившим школу. После этого можно совершенствовать свое искусство и получить первый или второй дан. В первый год обучения можно продвинуться только до «трех красных полосок на белой шапочке», а в последующие годы, кажется, можно было подниматься не быстрее одного уровня в год.

Кроме того, каждый год проводились заплывы на дальнейшее расстояние на озере Бива, самом большом в Японии (оно находится в соседней префектуре). Заплывы были двух видов — на 5 и 10 км, а участие в них было обязательной частью экзаменов для перехода на следующий уровень. Я тоже каждый год принимал участие в заплывах на 10 км. С каждым уровнем экзамены становятся все сложнее. Кроме заплывов на расстояние, плавания под водой (на 40–50 метров) и других испытаний, необходимо также продемонстрировать красивые *ката*.

— **Каких успехов вам лично удалось добиться?**

— Я ходил в эту школу четыре года и достиг уровня «двух черных полосок на белой шапочке». Я научился свободно плавать, а кроме того освоил технику безопасности на воде и спасения утопающих, поэтому чувствовал себя очень уверенно. Но, поступив в среднюю школу, я начал заниматься волейболом. Волейбольные тренировки продолжались и в летние каникулы, и из-за недостатка времени я бросил школу плавания. Это произошло как раз в тот момент, когда мы только начинали основательно заниматься традиционным японским плаванием.

Обладатели высших *данов* в этом искусстве владеют такими приемами, как *суйкэн* (бой в воде с использованием настоящего меча), *суйдзю* (стрельба из ружья в воде), плавание в доспехах весом 40–50 кг и т. д. Я помню, как с восторгом смотрел на замечательные выступления мастеров на показах, которые проводились раз в год. Но тогда меня все же больше интересовал волейбол, и я полностью отдавался этому виду спорта. В результате моя команда заняла первое место на чемпионате средних школ Киото, и я не жалел, что бросил плавание.

— **Сейчас не возникает желания вернуться к занятиям?**

— С тех пор прошло уже около сорока лет, и я совсем забыл о том, что когда-то ходил в школу плавания. Но, узнав об этом интервью, я заглянул на сайт школы в Интернете. Более 30 лет назад у нее появился свой

бассейн, где ведутся занятия в течение всего года. Я также узнал, что большое внимание там сейчас уделяется спортивному плаванию, в том числе синхронному, а среди выпускников школы много сильных профессиональных пловцов и есть даже олимпийские медалисты. Но, думаю, там продолжает жить и традиционное японское плавание — возможно, кто-то из тех, с кем я вместе учился, сейчас сам стал преподавателем и учит этому ребят. В следующий раз, когда буду дома в Киото, обязательно схожу посмотреть.

— **Наверняка, бывая в редких и коротких дипломатических отпусках, вы иногда оказываетесь и на море. Вспоминаете ли вы то, чему учились когда-то в Киото?**

— Да, я плаваю не очень быстро, но... надежно.

— **А сыну вы передали мастерство?**

— Он окончил обычную школу плавания и, когда я рассказываю ему о самурайских стилях, он хохочет. Пока ему неинтересно. В Японии молодежь не интересуется старыми традициями. Я ведь тоже в юности бросил плавание ради волейбола. Но многие японцы с возрастом возвращаются к занятиям традиционной культурой, в том числе боевыми искусствами.

— **Занимались ли вы еще какими-нибудь японскими будо!**

— Нет, у нас в школах есть обязательные предметы из этой области: на уроках физкультуры нам преподавали либо дзюдо, либо кэндо. Я попал в группу кэндо, но специализации потом не проходил.

— **Сейчас не возникает желания заняться?**

— Да, я хочу заняться традиционной японской культурой, в том числе и одним из видов будзюц. Но здесь, в России, это неудобно. Представьте себе, что я буду заниматься, например, айкидо — тогда другие федерации будут на меня жаловаться: почему Кавабата занимается не нашим видом? Придется заниматься всеми, а этого я не выдержу! Так что желание есть, но я вам не могу пока сказать, чем бы я хотел заниматься.

Беседовал Александр Куланов

Приложение 3

УНИВЕРСИТЕТ ТАКУСЁКУ — «КУЗНИЦА КАДРОВ БУДО».

Из интервью с Танака Такэнори

Справка: **Танака Такэнори** — вице-президент NPO JKS, почётный президент федерации Сётокай каратэ России, сихан, 8-й дан каратэ. Сын профессионального преподавателя дзюдо и кэндо, окончил университет Такусёку, где обучался у Накаяма Масатоси и Асаи Тэцухи-ко. Входил в десятку лучших бойцов Японской ассоциации каратэ, чемпион Японии по кумитэ. Сейчас руководит работой 58 клубов каратэ Сётокай в Японии, главный менеджер Японской ассоциации каратэ Сётокай по проведению чемпионатов и турниров.

— **Танака-сэнсэи, я попросил вас о встрече, чтобы побеседовать на не совсем обычную тему: о преподавании каратэ в Японии и, прежде всего, в университете Такусёку, в котором вы, как мне известно, учились сами. Такусёку дайгаку славен своими традициями занятий будо. Если можно, расскажите для начала немного о них.**

— У нас в Такусёку действительно училось много выдающихся людей, в том числе иностранцев. Это несколько необычно, не так ли? Но наш университет основан 105 лет назад специально для изучения азиатских стран. Кстати, автор популярной книги «Бусидо. Дух Японии» доктор И. Нитобэ был в то время проректором нашего университета. Но так много каратистов появилось в нём, как и во всей Японии, после 1945 г., когда Америка оккупировала Японию. Традиционные виды японских будо — кэндо и дзюдо — были запрещены тогда оккупационными властями. Американцы, напуганные пилотами-смертниками *камикадзе*, опасались, что с помощью практики традиционных будо японцы будут поддерживать в себе самурайский дух *бусидо*, и «закрыли» кэндо и дзюдо. Однако уже через шесть лет, в 1951 г., было разрешено преподавание и обучение дзюдо.

— **Дзюдо и кэндо?**

— Нет, кэндо было разрешено только в 1956 г. Но вот что интересно: всё это время *каратэ* оставалось открытым, оно было разрешено, оно существовало! О нём было известно: основатель *каратэ* Фунакоси Гитин ознакомил со своей системой представителей министерства образования в 11-й год эпохи Тайсё, то есть в 1923 г. После этого официального

представления *каратэ* начали преподавать в Токийском императорском университете.

Потом *каратэ* появилось и в других самых престижных университетах Токио: Васэда, Кэйо и Такусёку. Но очень скоро именно у нас, в университете Такусёку, оно стало самым популярным.

— **При этом сам Фунакоси-сэнсэй никогда не преподавал в Такудай, как сокращённо называют ваш университет?**

— Нет, не преподавал, но трое наших студентов с самого начала учились у него, и они принесли *каратэ* в Токудай. Среди этих людей был и будущий *сэнсэй* Накаяма Масагоси. Я горжусь тем, что мне посчастливилось стать его учеником. Примерно в 1946 г. этот человек сделал очень рискованный шаг: он продемонстрировал *каратэ* в министерстве иностранных дел Японии. Это было потрясающе: маленькие японцы легко одерживали победы над огромными американскими спортсменами. Те американцы были высокопоставленными людьми и смогли оценить всю необычность и показа, и собственно *каратэ*. Они восприняли это как часть японской культуры, которой нельзя противопоставить ни бокс, ни борьбу, — это было потрясающе!^[114]

Примерно в это же время Накаяма-сэнсэм сформировал команду по *каратэ* в университете Такусёку, в которую вошли и некоторые выпускники. Вскоре оккупационные войска покинули Японию, оставив лишь несколько баз. Некоторые американцы, возвращавшиеся на родину, уезжали из Японии с твёрдым желанием развивать *каратэ* у себя. Им в этом помог капитан нашей университетской команды Накаяма-сэнсэм, который в начале 50-х годов совершил большое турне по Америке, где познакомил многих американцев, особенно военных, с основами *каратэ*.

Надо заметить, что к тому времени в университете Такусёку были уже очень сильные бойцы, и многие из них, окончив Такудай, уехали работать в Европу и Америку, где начали преподавать *каратэ* и пропагандировать его. Вскоре и я стал одним из них, и эта традиция продолжается до сих пор. Так что вот уже около 50 лет японская культура и *каратэ* распространяется по всему миру — это ли не повод для гордости?

— **И происходит это при прямом участии студентов и выпускников университета Такусёку?**

— Да, до сих пор наш университет является центром изучения и преподавания *каратэ* в Японии, хотя, безусловно, и во многих других университетах есть очень сильные школы *каратэ*. Но всё же около 50 процентов японских каратистов — это школа Такусёку *дайгаку*.

— **Насколько мне известно, не только в *каратэ* так сильны**

позиции вашего университета. Ведь среди его выпускников значится даже выдающийся мастер *айкидо*, основатель школы *Ёсинкан* Сиода Годзо.

— Да, Сиода-сэнсэй тоже учился в Такудай. А есть ещё такие имена, как Асаи Тэцухико, Канадзава Хиро-кадзу, Като Садасигэ, Иида Норихико, «Тигр *Сётокан*» Эноэда Кэйносукэ, Хигаонна Морио, признанный самым опасным *каратэка*, вместе с которым учился и я. Три года назад на Тайване умер Табата-сэнсэм... Я называю только мастеров *каратэ* с мировым именем, руководителей крупнейших организаций. Специалистов в других будо вы, наверно, знаете и сами? Хотя я, например, помню обладателя Кубка императора по *дзюдо* Кимура Маса-хико: на него мне, младшекурснику, странно было даже посмотреть, настолько он был силен!

— **Действительно, в Такудай учились и представитель *Айкикай айкидо* в Европе Фудзита Масатакэ, Канэцука Минору, занимающий аналогичный пост в Великобритании, Тэрада Киёюки, глава федерации *Ёсинкан айкидо*, основатель *Кёкусинкай* Ояма Масутацу...**

— Нет, нет, нет! Ояма проучился у нас всего два года и был отчислен!

— **Вот как? Об этом у нас мало кто знает, как и о том, что Ояма-сэнсэй был корейцем... Кстати говоря, вы упомянули о том, что Табата-сэнсэй умер на Тайване... Дело в том, что за рубежом у Такудай несколько своеобразная репутация...**

— Да, я понимаю, о чём вы говорите. Наш университет всегда готовил специалистов по изучению Китая, Кореи, Тайваня и др. Вначале он даже назывался Школой Тайваньского общества. Действительно, тогда у Такусёку была несколько правая репутация, но это уже в прошлом. Сейчас всё изменилось, и нельзя оценивать университет с позиций полувековой давности.

Приложение 4 (по материалам <http://home.comcast.net>)

**Федеральное бюро расследований Министерство юстиции
Соединенных Штатов Вашингтон, округ Колумбия
16 февраля 1942**

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ ДИРЕКТОРА

На: Полученные отчеты о японских организациях

Изложенная в данном документе информация касается полученных ФБР отчетов о деятельности различных японских организаций по всей стране. Подготовлено в ответ на запрос Генерального прокурора. Меморандум от 11 декабря 1941 г. был направлен в Специальное оборонное подразделение Департамента с отметкой, что рассмотрение вопроса о выдаче ордеров на обыск в соответствии с положениями Акта Вурхиса^[115] или других соответствующих федеральных законов, зависит от наличия организации в списке организаций, потенциально опасных для внутренней безопасности страны.

В меморандуме от 16 декабря 1941 г., полученном от Уголовного отдела Департамента, разрешено включение в указанный Бюро меморандум названия еще трех немецких, двух итальянских организаций и одной японской группы...

Впоследствии в Департамент были дополнительно представлены факты по десяти японским организациям и, по получении разрешения, они были занесены в список. Во многих случаях требуемый материал был добровольно сдан агентам...

В целом, названия одиннадцати японских организаций и их филиалов, по которым имеются данные, были переданы в Департамент для рассмотрения в рамках этого проекта вместе с основаниями для их занесения в отчет в каждом конкретном случае. В настоящем документе зафиксированы следующие названия и адреса японских организаций, чья запись была санкционирована и обеспечена:

.. Сококу кай, также известное как Общество Черного дракона,

Портленд.

.. Дай Ниппон Бутоку кай, Сакраменто.

С уважением, *(подпись)* Д.М. Лэдд

Приложение 5 (Здесь и далее цит. по <http://ejmas.coni>)

**ИЗ МЕМОРАНДУМА ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ ИМПЕРАТОРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ
ОБ АДМИНИСТРИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ (22
ОКТАБРЯ 1945 г.)**

Управление системой образования Японии

1. В целях полного информирования вновь сформированного кабинета японского императорского правительства о целях и политике в области образования, следует указать:

.. Распространение милитаристской и ультранационалистической идеологии будет запрещено, а все военное образование и подготовка будут прекращены...

Приложение 6

ИЗ УВЕДОМЛЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ОБРАЗОВАНИЯ ЯПОНИИ № 80 (ХАЦУТАЙ № 80) ОТ 6 НОЯБРЯ 1945 г.

Губернаторам префектур, директорам школ.

Совершенствование послевоенного курса физического воспитания.

Кокумин гакко (народные школы начального уровня): «Курсы будо (кэндо, дзюдо и нагината) будут упразднены. Эти часы будут отданы общей физической подготовке...»

Сюто гакко (школы второй ступени): «Будо (кэндо, дзюдо, нагината и кюдо), включенные в учебный план, должны быть упразднены. Кроме того, вышеизложенные субъекты не следует включать в программы внеклассных мероприятий...»

Главам *Сэммон гакко* и *Кото гакко* (высших и средних профессиональных заведений): «Будо (кэндо, дзюдо, нагината и кюдо), включенные в учебный план, должны быть упразднены. Кроме того, вышеизложенные субъекты не следует включать в программы внеклассных мероприятий...»

Президентам университетов: «Было решено, что студенты не будут образовывать ассоциаций по видам будо (кэндо, дзюдо, кюдо)...»

Приложение 7

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА 9-й СЕССИИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА ПО ПЕТИЦИЯМ (30 АВГУСТА 1946 г.):

Г-н Бандо, член парламента: *Дзюдо* запрещено, но существуют различные школы *дзюдзюцу*, аналогичные *дзюдо*. Например, школа Адзума или школа Сибукава. Кроме того, существует *каратэ*. Вы имеете в виду, что всё это запрещено, как и *дзюдо*?

Г-н Хидака, представитель правительства: «Да, это так. *Дзюдо*, *каратэ*, *кюдо*, всё, что называется *будо*, не предполагается для использования в школе. Это понимание мы согласовали.

Приложение 8

ИЗ ОТЧЁТА ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ИНТЕРЕСАХ ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О ДЗЮДО И ДРУГИХ ВИДАХ СПОРТА (5 ДЕКАБРЯ 1946 г.):

Дзюдо, которое практикуется в настоящее время в Японии, по большей части направлено на физическую и психологическую подготовку. С началом Тихоокеанской войны содержание и форма *дзюдо* довольно резко изменились, война потребовала, чтобы акцент был сделан именно на боевой составляющей [*дзюдо*]. Вместе с тем, с возвращением мира *дзюдо* вновь будет восстановлено как полноценный вид спорта... Новое *дзюдо* будет иметь демократическое направление, лишённое древней мистики, формализма и феодальных элементов, в особенности, его милитаристических и ультранационалистических аспектов, таких как приспособленность к боевым действиям, проявившееся в ходе войны превращение его в вид рукопашного боя.

Приложение 9

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США № 74 ОТ 27 МАРТА 1947 г., ПОДГОТОВЛЕННОЙ ДЛЯ РУКОВОДСТВА В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ И НАПРАВЛЕННОЙ ВЕРХОВНОМУ КОМАНДОВАНИЮ ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ

Преподавание военных предметов должно быть полностью запрещено во всех учебных заведениях. Ношение учащимися одежды военного стиля должно быть запрещено. Классические виды спорта, такие как *кэндо*, которые поощряют военный дух, должны быть полностью удалены из программ. Физическая культура не должна быть связана с *сэйсин кёйку* [«духовное просвещение»]. Большой акцент должен быть сделан на игры и другие развлекательные мероприятия, нежели чем на простые физические упражнения. Если бывшие военнослужащие работают в качестве преподавателей физической культуры и спорта, они должны предварительно пройти тщательный отбор.

ПРИМЕЧАНИЕ: Несмотря на то, что *каратэ* не было запрещено в школах и университетах в рамках общего уведомления, [положение об этом] должно быть истолковано в рамках предыдущего *Хацутай* № 80. **Приглашение на Совещание о древних японских рыцарских искусствах 28 мая 1948 г.**

Кому: Директору отдела физической подготовки Департамента образования Верховного командования.

Приглашаем Вас посетить встречу представителей древнего японского искусства рыцарей, во время которой ведущие мастера продемонстрируют свои искусства.

Время и дата: с полудня до 5:00 вечера субботы_ июня 1948 г.

Место встречи: Общественный зал Хибия в Токио Виды японского рыцарского искусства:

Кю-дзюцу (стрельба из лука)

Хобаку-дзюцу (Искусство задержания) *Сирикэн-дзюцу* (Искусство ручного меча) [так в оригинале]

Дзё-дзюцу (искусство палки)

Кусаригама-дзюцу (искусство серпа с цепью) *Дзингай-дзюцу* (Искусство корпуса, используемое в лагере) [так в оригинале]

Нагината-дзюцу (Искусство алебарды) *Дзиттэ-дзюцу* (Искусство

металлической дубинки) Кодати-дзюцу (Искусство короткого меча)

Со-дзюцу (искусство копья)

Дзё-дзюцу (искусство самообороны)

Кэн-дзюгю (Искусство японского фехтования)

Бо-дзюцу (Искусство длинного шеста)

Объяснение:

Древние японские рыцарские искусства существенно отличаются от существующих в настоящее время, поскольку эти искусства всегда практиковались для того, чтобы культивировать достоинство, благородство, скромность, нравственность и взаимопонимание. Именно благодаря этим искусствам они [древние самураи] были миролюбивы, и даже иероглифы, которыми обозначается это искусство, означают «остановить войну».

Древние японские рыцари всегда были джентльменами. Им строго воспрещалось использовать свои мечи и копья в неблагородных целях. Очевидно, что они были джентльменами и благоприятно влияли на окружающих их людей.

Мы будем рады, если вы сможете прийти на эту встречу со своей семьей, коллегами, друзьями и другими людьми.

Тэцусабура Каваути, наследник древних воинских искусств.

Приложение 11

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ КОМИТЕТА ПО СОЗДАНИЮ ВСЕЯПОНСКОЙ ЛИГИ ДЗЮДО (25 ОКТЯБРЯ 1948 г.)

Кому: Джеку П. Напье, правительственная секция, Штаб Верховного командования

По результатам экспертизы в отношении вашего запроса по поводу Всеяпонского союза дзюдо, настоящим с удовольствием представляем вам следующие доклады.

Название: *Дзэн Ниппон дзюдо рэммэй дзюнбиин кай* (Общество по подготовке Всеяпонской лиги дзюдо (временное название)).

Бюро по связям: Кодокан, 1, Койсикава, Касуга-тё, 1-тёмэ, Бункё-ку, Токио.

Цель: Цель должна быть направлена на распространение и развитие дзюдо, дружбы и гармонии.

7. Переход от образования и реформ Подготовительного комитета по созданию Лиги.

15 марта прошлого года [1948], когда более восьмидесяти представителей из числа любителей дзюдо из различных частей Японии собрались для участия в крутом столе в городе Фукуока, было выражено искреннее желание большинства присутствующих, чтобы в Японии для демократического развития и распространения дзюдо путем объединения школ дзюдо различных районов и профессиональных групп, ныне пребывающих в бесконтрольном хаосе, была создана Лига дзюдо с участием должностных лиц Кодокан.

Как следствие, 2 мая прошлого года, в десятую годовщину [смерти] Дзигоро Кано, основателя Кодокан, пятнадцать представителей дзюдо в различных частях Японии были назначены руководителями региональных объединений в целях подготовки к созданию Всеяпонской лиги дзюдо с тем, чтобы в соответствии с духом учения Кано принципы *сэйрёку дзэнъё* (правильное использование силы) и *дзита кёэй* (совместное процветание) могли быть реализованы.

С одной стороны, в офисе Подготовительного комитета по созданию Лиги были достигнуты договоренности о том, что причиной организации этой Лиги и предварительного комитета будет понимание характера подлинно демократической сути спортивных организаций; те, кто попал под Указ о запрещении [*будо*], и те, кто разделял позитивные взгляды на

войну, были добровольно отклонены [представителями комитета]. Например, среди вышеупомянутых пятнадцати представителей дзюдо высокого уровня, Гэнсуи Аран (7-й дан, директор *Кодокан* в префектуре Сайтама) был признан подпадающим под действие Указа, так как он был директором отделения *Бутокукай* префектуры Сайтама с 1942 по 1945 год, а потому, учтя мнение большинства членов Подготовительного комитета, он ушёл в отставку.

Наши взгляды

Дзюдо является одним из видов искусства физической подготовки в Японии, передаваемым с древних времен. В *дзюдо* мы видим десятки различных школ, которые разрабатывались и совершенствовались из поколения в поколение, постоянно стимулируя друг друга или конкурируя друг с другом. В военное время, однако, по инициативе *Бутокукай* (создано в 1895 г.), все залы *дзюдо* были объединены под началом департамента *дзюдо Дай Ниппон Бутокукай* (сентябрь, 1942). Вслед за этим были сформированы регулярные организации *дзюдо* во всех областях Японии. Официальная система *Бутокукай* была распущена Указом № 45 от 9 ноября 1946 г. Министерства внутренних дел, в результате чего школы *дзюдо*, как и группы любителей *дзюдо*, оказались бессистемно разбросаны в разных частях Японии.

После восстановления *дзюдо* в мирных целях энтузиазм любителей *дзюдо* постепенно возрастёт по всей Японии, как растёт сегодня число любителей *дзюдо* в разных странах Европы и в Америке. Этот энтузиазм, естественно, проявляется во всех областях Японии и среди людей всех профессий, и для создания органа координации в *дзюдо*, очевидно, необходимо создать Всеяпонскую лигу *дзюдо*.

С. Особенно важной прямой причиной является потребность в создании общей оценочной классификации *дзюдо* в Японии. Другими словами, в настоящее время главным экспертом в этой области для всех любителей *дзюдо* выступает *Кодокан*. Однако в марте прошлого года в районе Кансай проводилась классификация по *дзюдо* по стандартам *Кодокан Ниппон дзюдо Сингикай*, входящего в систему бывшего *Бутокукай*. Таким образом, мы можем видеть отсутствие упорядоченной системы в этом вопросе...

Д...

Р. Такиути, директор Специального бюро экспертизы, прокуратура.

Приложение 12

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВСЕЯПОНСКОЙ ЛИГИ кюдо (16 ФЕВРАЛЯ 1949 г.):

Кому: Джеку П. Напье, правительственная секция Штаба Верховного командования

От: Директора Бюро специальной экспертизы прокуратуры Мицусада Ёсикава.

Что касается Вашего запроса, то настоящим имеем честь представить Вам результаты нашего расследования:

Учетная запись.

Дата образования: 1 ноября 1946.

Расположение офиса: 146, Ниси-Окикубо, 3-тёмэ, Сугинами-ку, Токио.
Строительство: Маруноути, 2-тёмэ, Тиёда-ку, Токио.

Цели: Мы стремимся внести свой вклад в улучшение физического состояния людей и культивирования их личности путем распространения и поощрения занятий стрельбой из лука, и в то же время способствовать взаимной дружбе членов Лиги и развитию дружбы между народами...

6...

7. На 19 декабря 1948 Ёдзабуро Уно (бывший вице-президент *Дай Ниппон Бутокукай*) подал в отставку, и на пост президента был избран вице-президент Минору Хигути.

.. Семь сотрудников Департамента кюдо *Бутокукай* занимают свои позиции. Соответственно, мы сообщили руководству Лиги, что, хотя это и не противоречит статье 4 Императорского указа в юридическом смысле, но всё же эти должностные лица должны быть уволены...

Наше мнение:

Дай Ниппон Бутокукай является организацией, распущенной Постановлением Министерства внутренних дел, и поэтому мы не можем создавать Лигу на основе этой организации.

А теперь о том, что развитие этого вида спорта, предвидение возможной реакции со стороны бывших милитаристов (или лиц, которые могут быть легко рассматриваемы в качестве таковых) является предметом изучения Секции по вопросам физического развития Министерства образования, так как мы знаем, что существует много возможностей, когда эта Лига будет рассматриваться в качестве организации, связанной с *Дай Ниппон Бутокукай*. В результате расследования мы получили

представление о реальных сторонах деятельности этой Лиги.

Нам удалось обнаружить, как указано выше, некоторые неувязки в отношении персонала. В славные дни [так в оригинале] *Дай Ниппон Бутокукай* каждый любитель стрельбы из лука был поглощён структурой *Бутокукай* в той или иной форме. Таким образом, все любители стрельбы из лука в прежние времена связали свои имена [с *Бутокукай*] и несли определённые обязанности, но только в техническом смысле.

Все они считают, что не имели ничего общего в политическом аспекте их отношений. И, что касается собственности и идеологии этой Лиги, они никак не связаны с *Дай Ниппон Бутокукай*. На это проливает свет анализ книг счетов, инструкций и Устава Ассоциации (громкое название является одним из обычаев, которые были популярны у такого рода спортивных организаций в старину, и в этом *Бутокукай* не особенно выделяется).

Тем не менее на нынешнем этапе некоторые главные должностные лица этой лиги являлись и главными должностными лицами организации, распущенной в соответствии с приказом Министерства. В этой связи нет необходимости говорить о том, что эти сотрудники не являются необходимыми в свете Меморандума от 4 января 1946 г., даже если они непосредственно и не станут объектами действия статьи 4 Императорского указа № 101.

.. Лига будет создана вновь как организация для развития спорта в демократическом духе и собственными силами, а потому люди, связанные с бывшим *Бутокукай*, должны быть выведены из числа главных должностных лиц.

...Здоровую и яркую организацию не следует рассматривать как правопреемника *Дай Ниппон Бутокукай* по форме и способам действий.

М. Ёсикава.

Примечание: На полях карандашная отметка: «рекомендовать утверждение».

Приложение 13

ПИСЬМО ВСЕЯПОНСКОГО СОЮЗА ДЗЮДО В ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

СОЮЗНЫМИ СИЛАМИ (8 ИЮНЯ 1949 г.)

Дорогой сэръ,

Всеяпонский союз дзюдо был создан 6 мая демократическим путем по воле всех дзюдоистов Японии. Мы, члены Союза, сделаем всё зависящее от нас в настоящее время для здорового развития нашего мирного спорта— дзюдо.

Мы слышали в эти дни о том, что наш министр образования представил Вам документ с просьбой об одобрении школы дзюдо. Ждем с нетерпением Вашего подтверждения о восстановлении нашей школы.

Здесь мы представляем волю и нетерпение со стороны всех членов Союза.

Надеемся, что Вы поможете нам Вашим утверждением данного вопроса.

С по-прежнему огромным уважением,

Рисэй Кано, президент Всеяпонского союза дзюдо.

Приложение 14

МЕМОРАНДУМ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ГРАЖДАНСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЯ (4 МАРТА 1950 г.)

От начальника отдела образования [Артур К. Лумис]

Вопрос о восстановлении спорта будо [так в оригинале]

Выводы

1. Преподавание и практика *дзюдо*, *кэндо*, *кюдо*, *нагината* и *каратэ* были запрещены в школах и университетах Японии в течение последних четырех лет. По официальным каналам со стороны членов и спонсоров этих организаций были предприняты [следующие] усилия для поощрения этих видов спорта в Японии:

Ликвидация символических церемоний, которые отвлекают и вмешиваются в спортивную деятельность.

Изменение норм и правил, регулирующих спорт, с целью соответствия стандартам чистой спортивной деятельности с акцентом на добрые спортивные отношения.

Отделение спорта от военных упражнений в сознании спортсменов и широкой общественности с помощью различных средств в области образования и публичной прессы. Степень достигнутых результатов по пункту «С» трудно оценить. Можно предположить, что частично это будет сделано сейчас, но для сравнительно полного разделения понадобится много времени, возможно, от 10 до 15 лет.

2. При оценке целесообразности выдачи разрешений на обучение и участие в спортивных организациях, которые сейчас запрещены в школах, следует иметь в виду, что:

Учащиеся средних школ и студенты высших учебных заведений в той или иной степени принимали и принимают участие в этих видах спорта в клубах и других организациях, которые поощряют занятия этими видами.

Эти виды спорта не являются более милитаристскими и напоминают некоторые из видов физической культуры и спортивной программы школ и университетов в Соединенных Штатах. Сравнение показывает, что борьба и *дзюдо*, стрельба из лука и *юодо*, фехтование (на саблях, в частности) и *кэндо* очень похожи и по технике, и по соревновательному духу.

Участие в соревнованиях и совершенствование в *юодо* не имеет более военной основы и не способствует в достаточной степени физической и боевой подготовке.

3. Оценка состояния спорта, в том числе запрещённых в настоящее время в школах и университетах Японии видов, свидетельствует о том, что спорт имеет довольно посредственный рейтинг воспитательного значения. Это следует указать, в частности, для того, чтобы понять степень акцента, который [власти] делают на этих видах спорта в рамках общей программы физического воспитания. Руководители не считают их настолько важными, какими они, очевидно, были в ходе войны.

4. Одна из целей Отдела по реорганизации, руководству и надзору за программой физического воспитания в Японии заключается в том, чтобы поощрять спортивные команды, которые имеют четкие образовательные ценности. Это было сделано в довольно большой степени, и запрещение будо способствовало достижению этой цели в значительной мере. Это не повлекло исчезновение педагогов этих видов спорта в Японии, а заключалось в отсутствии оборудования, спортивных площадок и спортивных залов, что блокировало дальнейший прогресс в развитии этой деятельности.

5. Хотя можно считать, что военное и ультранационалистическое влияние было фактически исключено из будо, включение его затем в качестве спорта и части физического воспитания в программы школ и университетов должно быть тщательно рассмотрено в свете образовательных ценностей, которые каждый из этих видов спорта может предложить:

Кэндо не является хорошей спортивной школой, потому что необходимое оборудование стоит дорого, и инциденты с травмами являются относительно частыми.

Каратэ это не спорт в реальном смысле этого слова. Оно во многих отношениях напоминает рукопашный бой и предназначено для защиты от врагов. Это практическое значение подходит для развития хорошей формы, но не допускает соревновательной конкуренции без опасности получения серьезных травм.

Нагината является борьбой с длинным мечом (алебардой) и является так называемым женским видом спорта. Этого представляется мало, чтобы рекомендовать его для образовательных программ.

Дзюдо практикуется многими военнослужащими Оккупационных сил и, как представляется, является фаворитом японского спорта. Оно похоже на борьбу, и имеется несколько причин, чтобы рекомендовать его для школьного физического воспитания и спортивных программ.

Кюдо—вид активности, который может быть доступным для мальчиков и девочек всех возрастов. Он может также быть использован в

качестве спорта для людей с физическими недостатками. Существует очень малая опасность причинения вреда.

Рекомендации

1. Представляется целесообразным и возможным изменить строгие правила и инструкции, запрещающие участие будо в школах и университетах...

2. Поэтому можно рекомендовать толкование директивы № 74 с допуском некоторых исключений для разрешения некоторых из этих видов спорта в рамках ограничений, изложенных ниже:

Дзюдо допускается для включения в программу физического воспитания и внеклассной деятельности в старших классах средней школы и университетах.

Кюдо может быть разрешено на всех уровнях школьного образования и в университетах в рамках программы физического воспитания, а также на внеклассных мероприятиях.

Кэндо допускается как вид внутренней и межуниверситетской спортивной активности в университетах.

Каратэ и *нагината* не будут включены как часть физического воспитания и внеклассных спортивных мероприятий в школах и университетах.

3. Настоящим рекомендуется японским правительственным учреждениям иметь в виду эти изменения в политике по отношению к будо в целях разрешения Министерству образования внести поправки и изменения, необходимые для представления общих прав для развития будо. Также должно быть очевидно, что:

Школы или университеты должны включать любой из рекомендованных видов спорта в занятия физической культурой и внешкольные программы.

Особое внимание следует уделять подбору квалифицированных инструкторов в целях предотвращения травм в разрешённых отныне в школах видах спорта.

Вес и, возможно, рост и возраст учащихся следует учитывать при определении классификации в дзюдо и в соревнованиях.

Приложение 15

ХОДАТАЙСТВО О ВОССТАНОВЛЕНИИ ШКОЛЫ ДЗЮДО (28 АПРЕЛЯ 1950 г.)

От: Министерство образования, Токио

Кому: генералу армии Дугласу Макартуру

Ваше Превосходительство,

Сразу же после окончания войны Министерство образования в целях ликвидации всех милитаристских оттенков в образовании исключило дзюдо и некоторые другие виды спорта из школьных программ физического воспитания. С того времени дзюдо не используется в школьных программах физического воспитания. Вместе с тем Министерство образования провело различные исследования по поводу этого вида спорта и пришло к выводу, что нынешнее дзюдо является настоящим демократическим видом спорта в его подлинном понимании, и что в настоящее время ассоциация дзюдо является демократической организацией и полностью и полноценно управляется.

Не существует никакой возможности установления связи нынешнего дзюдо с милитаристскими представлениями о прошлом. Таким образом, мы пришли к выводу о том, что было бы целесообразно включить дзюдо, как вид физической активности, в школьную программу.

В настоящее время, когда число любителей дзюдо растет среди персонала оккупационных войск, мы считаем, что характер настоящего дзюдо становится, до некоторой степени, известным и в Вашем офисе. Исследования, касающиеся образовательной ценности современного дзюдо, и другие соответствующие материалы были представлены в Управление информации и образования в июле 1949 г.

Мы просим Вашего разрешения упомянуть здесь некоторые из изменений, которые были внесены в современное дзюдо...

Мы считаем, что наступило время для включения дзюдо в его нынешнем виде в школьную программу физического воспитания. Мы просим Вас любезно рассмотреть вопрос об этом и разрешить восстановление преподавания дзюдо в программе физического воспитания...

С уважением,

Сотаро Такасэ, министр образования.

Приложение 16

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, AG 000.8 (13 МАЯ 1950 г.) СЮ, SCAPIN 7265-A, 15 СЕНТЯБРЯ 1950 г.

От: Генеральная штаб-квартира Верховного командования сил союзников

ВОПРОС: Восстановление школы дзюдо

1. Рекомендательное письмо Министерства иностранных дел, Глава секции по связям, FOM № 946 (EM), от 13 мая 1950 г. Тема: «Заявление о восстановлении школы дзюдо».

2. Нет возражений, предлагается восстановить дзюдо как вид физического воспитания и спортивной деятельности всех образовательных учреждений, как это было определено в письме министра образования от 12 мая 1950 г., озаглавленном «Просьба о восстановлении школы дзюдо».

От Верховного командования:

К.Б. Буш, бригадный генерал США

Приложение 17

ИЗ РАССЕКРЕЧЕННЫХ В 1956 г. ДОКЛАДОВ ДИРЕКТОРУ ФБР ПО ПОВОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДАЙ НИППОН БУТОКУКАЙ (ХОКУБЭЙ БУТОКУ КАЙ) В ГОДЫ ВОЙНЫ

6 мая 1942, Киуца Утида^[116] (родился 18 марта 1880, в Фукуока, Япония, въехал в Соединенные Штаты в августе 1905 г. через Такома, штат Вашингтон)... показал, что он являлся членом правительственной организации *Хокубэй Бутokuкай*... Утида сообщил, что организация никогда не направляла никаких денег в Японию и что она была создана исключительно для здоровья. Он заявил, что она носит характер чисто физической организации...

Рикидзи Сиики... признался, что он знал, что Мицуру Тояма, известный как основатель «Общества Черного дракона» в Японии и филиала этой организации в нашей стране, входил в руководство *Хокубэй Бутokuкай* в Японии.

Сигэдзи Охаси заявил, что он знал, что Тояма, организатор «Общества Черного дракона», был почетным советником *Хокубэй Бутokuкай* в Японии...

27 апреля 1942 г. Ватанабэ Исао сообщил специальному агенту [...], что... присоединился к *Дай Ниппон Бу-токукай* около трех лет назад, якобы с целью получения работы. Он заявил также, что был членом организации только около одного года и, так как он слишком стар, чтобы участвовать в мероприятиях, требующих напряжения сил, он собирается выйти из состава организации на одном из заседаний клуба. Он сказал, что он никогда не читал книг и журналов, публикуемых организацией, и не участвовал в деятельности этой организации, кроме практики *кэндо*^[117].

30 апреля 1956 г. [...] Портленд, который связался по данному вопросу, заявил, что... он посещал школу фехтования под эгидой Портленд *Бутokuкай*, хотя сам он не является членом последней. Он сказал, что был членом ряда японских атлетических клубов, особенно связанных с *дзюдо*, и также обучался японскому фехтованию. Он показал, что жил в Портленде с 1924 г. и был очень хорошо информирован о националистических настроениях в Японии в этой области в течение всего этого периода. [...] и говорит, что убежден в том, что внесение *Бутokuкай* в ордер генеральной прокуратуры № 10450 в список подозрительных организаций является ошибкой. Он желает сделать следующее заявление:

«Портленд, штат Орегон, 30 апреля 1956 “Я, [...], желаю представить это заявление [...], которых я знаю, как специальных агентов ФБР.

Я жил в штате Орегон с 1924 г. Хотя я никогда не был членом Портленд *Бутокукай*, я был хорошо знаком с некоторыми из его членов, и уверен, что в штатах Орегон и Вашингтон эта организация обеспокоена только атлетикой, дзюдо и другими упражнениями. Члены не проявляли никакой политической активности. Молодёжь совершенно не интересовалась политикой. Таков был обычай в этой организации: выбирать для повышения престижа в качестве руководителя организации какое-то известное лицо, например, князя или отставного генерала. Часто член организации не имел серьезных связей с ней, но упоминание его имени помогало привлечь новых членов. Я считаю, что эта процедура могла вызвать вопрос в отношении лояльности этой организации к США, и я искренне считаю, что это является серьезной ошибкой... Я не знаю ни одного члена Портленд *Бутокукай*, которые не был бы нелоялен к этой стране”.

Я прочитал вышеприведённое заявление, и подтверждаю это.

[...]

В присутствии: [...], специальный агент ФБР, Портленд ”.

В соответствии с полученным ордером Джо Кодзо Уэниси был задержан 1 мая 1942 г. в Сиэтле, штат Вашингтон, специальным агентом ФБР. 29 апреля 1942 Уэниси сообщил специальному агенту [...], что он является гражданином Японии 42 лет, приехавшим в Соединенные Штаты в 1917 г. С октября 1923 по апрель 1924 г. он возвращался в Японию. Он признал, что он был членом отделения *Дай Ниппон Бутокукай*, организованном в Сиэтле, и являлся финансовым секретарём этой организации в 1939–1941 гг. Он заявил, что его обязанности состояли в основном в учете взносов и расходов организации. Уэниси сообщил, что *Дай Ниппон Бутокукай* [между 1940–1942] ежемесячно получал из штаб-квартиры этой организации в Киото, Япония, журналы. Он отрицал, что все сборы местного клуба направляются в штаб-квартиру, но заявил, что они иногда направляли небольшую плату, когда производилась оплата сертификатов на ранги. Сертификаты получали из центральной штаб-квартиры в Киото. Он сообщил, что клуб присваивает различные ранги своим членам в зависимости от степени их владения техникой. Он заявил, что есть много новичков, не имеющих никакого ранга, и правильно вести рейтинг с уровня *сёдан*. Он сообщил, что существуют девять званий, которые распределяются следующим образом: *Сёдан Нидан Санда*

Юдан [так в оригинале]

Годан

Рокудан

Хорошо подготовленные самураи [так в оригинале] — *рэнси*

Самурай-инструктор — *кёси*

Самурай, имеющий высокие достижения — *ханси*

Уэниси показал, что местный клуб отправляет отчет о своей деятельности в штаб-квартиру в Киото три или четыре раза в год. Он сообщил также, что ежемесячный журнал, получаемый из штаб-квартиры, в основном содержит технические рекомендации по *кэндо*, рассказы о самурайской культуре и японской культуре в целом. Он заявил, что иногда журнал содержит выдержки из выступлений высокопоставленных офицеров японской армии или военно-морских офицеров, занимающихся политикой, озабоченных судьбой Японии, и направлением развития её величия.

Со ссылкой на ритуал *кэндо* он сообщил, что в Японии *кэндоисты* также следуют ритуалу и обращаются к японским богам. Местные японские организации проводят эти церемонии, обращаясь к южной стороне зала для *кэндо*, потому что именно в этом направлении находятся их святыни. Поклонившись южной стороне зала, они кланяются друг другу и начинают тренировку.

Что касается истории *Дай Ниппон Бутокукай* в Сиэтле, Уэниси показал, что эта организация начинала свою работу как местный клуб *кэндо* в 1933 г., когда он был известен как Сиэтл *Кэндо-клуб*. В 1937 г. [...] [Токити Накамура] приехал в Сиэтл из Калифорнии и организовал соперника. *Кэндо-клуба*, ставшего известным *кзза Хокубэй Бутокукай*. Он сообщил, что несколько видных членов Сиэтл *Кэндо-клуба* перешли в *Хокубэй Бутокукай*, и что эта организация стала настолько мощной, что *Кэндо-клуб* в Сиэтле собирается прекратить свое существование, и нужно было что-то сделать для восстановления его престижа. Уэниси заявил, что лично обсуждал этот вопрос с японским консулом в Сиэтле в то время, и консул [будучи главой *Хокубэй Бутокукай*] организовал объединение с *Дай Ниппон Бутокукай* Японии, и, следовательно, Сиэтл *Кэндо-клуб* стал отделением *Дай Ниппон Бутокукай* в Сиэтле.

Уэниси сообщил, что в Японии *Дай Ниппон Бутокукай* подчеркивает лояльность по отношению к императору и послушание родителям. Однако он указал, что организация в Сиэтле подчеркивает только послушание родителям и такие добродетели, как воинское мужество, честь, верность, и т. д. Он считает, что руководство *Кэндо-клуба* в Сиэтле не пыталось внедрить среди своих молодых членов идею лояльности японскому

императору»...

Приложение 18

ОФОРМЛЕНИЕ КАМИДАНА В ДОДЗЁ

Одной из отличительных особенностей традиционного додзё является наличие *камидза* или *тмидана* — «полки бога», места, где находится *додзё-но коми* (дух додзё). Это нечто большее, чем деталь экзотического интерьера. Расположенная в додзё *камидана* является священным местом, соединяющим мир *коми* (*какурэё*) с миром людей (*уцусиё*) в пределах помещения. *Камидана* — своеобразное ядро, отражающее духовную наполненность додзё, без шторой оно представляет собой просто гимнастический зал. Именно этим — духовной наполненностью отличались школы традиционных воинских искусств от залов обычной военной подготовки *рэмпей*.

Основные символические составляющие камидана — алтаря синто

1. *Симэнова* — верёвка из рисовой соломы со свешивающимися зигзагообразными полосками белой бумаги (*сидэ*), символизирующая границу священного чистого пространства — символ нахождения *коми* в этом месте.

2. *Сакаки татэ* — сосуд для священного дерева *сакаки*.

3. *Кагами* — священное зеркало, напоминающее о безупречной чистоте сердца и помыслов.

4. *Мидзутама* — сосуд с водой.

5. *Сара* — блюдо с рисом.

6. *Сара* — блюдо с солью.

Блюда соли или риса символизируют готовность жертвовать ради духовного и физического роста, увеличения наших собственных изначальных способностей.

7. *Хэйдзи* — бутылки с *сакэ*. Белый рис и приготовленное из него рисовое вино — *сакэ* традиционно считаются лучшим подношением богам.

8. *Томё* — священный очищающий огонь.

9. *Синдэн* — дворец божества.

10. *О-фуда* — символы духов-покровителей додзё.

На *камидана* также могут находиться другие символы *синто* и *будо*: меч, свитки с изображением тотемного божества, портреты наставников

прошлых лет, деревянные дощечки (*эма*) с надписями о целях занятий, каллиграфические свитки с изречениями знаменитых мастеров и некоторые иные предметы.

Приложение 19

ИЗ СТАТЬИ «НАШИ В БУТОКУДЕНЕ»

«Небольшая российская делегация, представлявшая Академию традиционного джиу-джитсу, возглавлявшаяся Александром Арабаджиевым, впервые приняла участие в Мировом фестивале воинской доблести. Местом его проведения стал Зал воинских достоинств (Бутокуцен) в Киото.

Каждый день более шестисот человек из разных стран, переодевшись в кимоно, по очереди демонстрировали свое мастерство и свой воинский дух. Одно направление единоборств сменялось другим, пока все национальные группы не продемонстрировали все свое умение. На память о пребывании в монастыре Shorin-in российская делегация преподнесла хозяевам копию храма Христа Спасителя, выполненную в Гжели...»

«Красная звезда» от 8.06.2002 г.

Приложение 20

ГАЗЕТА «ЁМИУРИ» О ТРЕТЬЕМ ВСЕМИРНОМ БУТОКУСАЙ

«В столице истинного *кобудо* прошел праздник воинских искусств — Всемирный *Бутокусай*, котором приняли участие около 600 человек из 42 стран.

В Киото, в районе Сакё, в старом здании *Бутокудэн* состоялся Всемирный *Бутокусай*. Около 600 человек из 42 стран продемонстрировали на нем свое мастерство в *дзюдзюцу*, *каратэдо*, *дзюдо*, *иайдо* и других стилях *кобудо*, ознакомились с выступлением своих коллег и провели серьезные тренировки. *Дай Ниппон Бутоку-кай* — общество энтузиастов боевых искусств, штаб-квартира которого находится здесь же, в Киото, в третий раз организовывало такой фестиваль. Шесть лет назад в *Бутокудэн* прошел Второй *Бутокусай*. В ДНБК считают, что популярность японских боевых искусств растет с каждым годом, и на этот раз число стран-участников увеличилось почти вдвое по сравнению с событиями шестилетней давности. Около 100 человек приехали из Соединенных Штатов. Были также участники из Европы, Ближнего Востока и других регионов. Место прохождения праздника было наполнено людьми, и мощные аплодисменты не раз звучали здесь после его закрытия».

«Ёмиури» (Кансай) 22.04.2009

Приложение 21

ИЗ СТАТЬИ «БУМ БОЕВЫХ ИСКУССТВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРЕЗИДЕНТА»

В последнее время японские боевые искусства стали настолько популярны в России, что Япония «теряет лицо» — образ родоначальника *будо*. В одном из московских *додзё* преподает Александр Арабаджиев. Его ученики в возрасте от 20 до 40 лет учатся *дзюдзюцу* и технике работы с мечом. В то время как они выполняют ката, слышны японские слова, в том числе «*дзитакеэй*» (философия основателя дзюдо Д. Кано) и «*Хагакурэ*» (одна из книг о духе самурая — *бусидо*), которые обычные иностранцы вряд ли поняли бы, но здесь, похоже, это совершенно обычная вещь.

Арабаджиев изучал дзюдо с 7 лет. Он родился в семье военного и с раннего возраста мог наблюдать различные воинские практики. С 1983 по 1999 г. он служил в спецназе МВД, участвовал во многих военных конфликтах в разных точках страны, получил боевые награды, получил ранения...

Сменив род деятельности и став профессиональным преподавателем *будо*, он, путем синтетического объединения различных школ *кобудо*, создал свой стиль и основал школу *Кёдзицу дзиссэн будо*. Сейчас к его школе принадлежат более 100 человек. Он имеет 7-й *дан дзюд-зюцу* и 3-й *дан иайдо*. Его рост 172 см, а вес 80 кг, техника выполнения приемов молниеносна...

В последние годы в Москве открылись залы под известными названиями «Будокан» и «Кодокан». На юге столицы на одном из главных проспектов в разгаре строительства находится крупнейший «Московский центр боевых искусств» площадью около 8500 кв. метров. Всего же в России боевыми искусствами разными видами единоборств занимаются около 5 миллионов человек.

Инициатором бума стал президент Путин, который во время своего визита в Японию получил 6-й *дан Кодокан дзюдо*. Вместе с олимпийским чемпионом, преподавателем дзюдо университета Токай Ямасита Ясухиро президент участвовал в написании книги и съемках для учебного фильма по дзюдо, который должен скоро выйти на DVD...

Приложение 22

ИЗ ПИСЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ДИВИЗИОНА ДНБК В АДРЕС РОССИЙСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В октябре 2008 г. руководство Общества Воинской Добродетели Великой Японии назначило своего официального представителя в России — кёси А.Д. Арабаджиева — кэнсёин — инспектором направления дзюдзюцу (джиу-джицу) Международного дивизиона ДНБК. В письме, направленном в связи с этим, главой Международного департамента ханси Хамада Тэссин в адрес А.Д. Арабаджиева говорится:

«Вы признаны Международным дивизионом Дай Ниппон Бутокукай в качестве официального представителя ДНБК в направлении дзюдзюцу. Это важное и символическое признание означает, что отныне Вы будете выступать в качестве нашего официального представителя в этой классической и традиционной дисциплине будо, которую мы намерены поддерживать.

Это признание основано на Вашем профессиональном опыте и выдающихся навыках и лидерстве в данном виде будо, которые Вы продемонстрировали на протяжении многих лет. У нас в Японии существует система инспекторов — кэнсёин. Это те, кто выступают от имени нашей организации в официальном качестве с целью контроля, рассмотрения, консультирования, предоставления рекомендаций и организации управления в различных аспектах изучения конкретных дисциплин будо.

Выполнение таких обязанностей с целью организации процесса истинного обучения и подготовки кадров для МД ДНБК является большой гордостью и честью для официальных представителей и координаторов различных дисциплин будо. Проще говоря, теперь и Вы стали одним из главных наших наставников и лидеров.

Благодарим Вас за Вашу неустанную самоотверженность и поздравляем с оказанием высокой чести!

Глава Международного департамента Дай Ниппон Бутокукай, Тэссин Хамада, Ханси, 9-й дан, Киото, Япония, октябрь 2008».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эта книга была написана в основном в период с 2008 по 2010 год. К сожалению, тогда нам не удалось ее издать, и только теперь, благодаря нашим друзьям, она попала в руки читателей — в ваши руки. За это время наши взгляды на *Дай Ниппон Бутокукай* не изменились, а понимание, как мы надеемся, стало глубже. Способствовала этому, прежде всего, история, которая продолжается вне нашей воли, но в которой по собственному желанию мы принимаем участие. Начиная с описанного в книге специального семинара по *дзюдзюцу* 2009 г., члены московского *сибу Дай Ниппон Бутокукай* ежегодно, в страшную летнюю жару ездят в Киото на другие специальные семинары — по *иаидо*, *каратэ*, *содзюцу* и прочим видам *бугэй*. Каждая поездка начинается раньше и заканчивается позже времени проведения семинара: русские *будока* предваряют и завершают обучение паломничеством по самым важным в истории японских боевых искусств местам. Члены нашей команды не раз поднимались на гору Курама, бродили по овечьим славой Мусаси предгорьям Хиэй, путешествовали за окраины города Нара в *додзё* великого фехтовальщика Ягю, побывали на могиле патриарха *дзэн* Такуана Соха, в храме Сэнгакудзи, навсегда попавшего в японскую историю благодаря 47 благородным ронинам, да и где они только не побывали...

Разумеется, мы приняли участие в очередном, четвертом по счету, Всемирном фестивале Воинской добродетели, вновь прошедшем в апреле 2012 г. в *Бутокудэн*. Хотя участников фестиваля на этот раз было заметно меньше, чем в прошлый раз, это вновь было важное, красивое, завораживающее событие, навсегда вошедшее в историю японских воинских искусств. Стоит ли говорить, что наша команда выступила на таком высоком уровне, который от нее и ожидался, и в *Дай Ниппон Бутокукай* не осталось наград, которых не было бы в нашей коллекции. Хорошо познакомившиеся с нами члены *хонбу* заранее внесли «русскую группу» в список выступающих и демонстрирующих редкие школы традиционного *будо* не только в составе Международного дивизиона, но в сугубо японской части фестиваля. *Дзюдзюцу*, *каратэдо*, *иаидо*, *содзюцу* — теперь эти дисциплины в древнем здании *Бутокудэн* руководству *Дай Ниппон Бутокукай* на равных демонстрируют не только японцы, но и мы — российское *сибу* ДНБК. Впрочем, не только в *Бутокудэн*. По просьбе *хонбу* *Дай Ниппон Бутокукай* наша группа выезжала для специальных

выступлений в замок Нагоя, где участвовала в местном фестивале будо. Средневековая, носящая отпечаток славы «Хагакурэ» школа дзюдзюцу Мусо сингэцу Янаги-рю каждый год проводит теперь особые тренинги с группой юданся—обладателями черных поясов школы Кёдзицу дзиссэн будо, видя в них наиболее глубоко понимающих дух и форму древнего будзюцу.

Предположение, сделанное нами во вступлении к книге о том, что со временем к стойке регистрации на токийский рейс мы будем подходить с новыми и новыми членами российского отделения Дам *Hinpon Бутокукай*, сбывается. Сегодня уже не только в Москве (где нас тоже стало больше), но и в Екатеринбурге и Тольятти появились отделения ДНБК. Их адреса вы увидите ниже и сможете обратиться в тот филиал, который ближе к вам, но прежде, чем вы сделаете это, подумайте хорошенько. Ведь «слава и почести невесомы как пух, а Воинская добродетель тяжела как гора». Готовы ли вы к таким испытаниям?

Александр Арабаджиев, Александр Куланов
Москва, 2014

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арабаджиев АД, Косоротое С.А. Каноны дзюдо. М., 2007. Бенедикт Рут. Хризантема и меч. М, 2004.

Блюминг Йон. От уличного хулигана до десятого дана, М, 2004. Вопросы научного атеизма / Под ред. Гараджи В.И. М., 1989.

Гокуи дзукай дзюдо син кёхан. Новый учебник по дзюдо, объясняющий сокровенные секреты убивать и оживлять / Под ред. А.Д. Арабаджиева. М., 2006.

Дайдодзи Юдзан. Буцо Сёсинсю. СПб., 1996.

Данн Чарльз. Повседневная жизнь в старой Японии. М, 1997.

Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо — традиция воинских искусств. М., 2007.

Дрэггер Донн Ф. Классическое буцо. М, 2001.

Дрэггер Донн Ф. Современные будзюцу и буцо. М., 1998.

Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987. Идеалы самураев. Сочинения японских воинов / Под ред. Уилсона Уильяма С. СПб., 1999.

История сёгуната в Японии (Нихон гайси) / Под ред. В.М. Мендрина. СПб, 1999.

Кинг Уинстон Л. Дзэн и Путь меча. Опыт постижения психологии самурая. СПб., 1999.

Куланов А.Е. Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России. М., 2003.

Кодзики. Записки о деяниях древности. СПб., 1994.

Куланов А.Е... Молодяков В.Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007.

Куланов А.Е. Обратная сторона Японии. М, 2008.

Крэй Уильям. Падение Японии. Смоленск, 1999.

Курэ Мицуо. Самураи. М, 2004.

Мисима Юкио. Солнце и сталь. СПб., 1994.

Мисима Юкио. Хагакурэ Ньюмон. СПб., 1996.

Миямото Мусаси. Книга пяти колец (Горин-но сё). СПб., 1997.

Молодяков В.Э. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи // Глобальные вызовы — японский ответ. М, 2008.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1998.

- Молодяков В.Э. Подсудимые и победители. Токио, 1996.
- Молодяков В.Э. Россия и Япония: Золотой век. М., 2008.
- Молодяков В.Э. Россия и Япония: Меч на весах. М., 2005.
- Молодяков В.Э. Россия и Япония: Поверх барьеров. М., 2005.
- Молодяков В.Э. Россия и Япония: Рельсы гудят. М., 2006.
- Нитобэ Инадзо. Бусидо. Дух Японии. Киев, 1997.
- Пронников В.А., ЛадановИД. Японцы. М., 1996.
- Прошлое и будущее российско-японских отношений. По следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума. М., 2004.
- Равинна Марк. Последний самурай. М., 2005.
- Розанов О.Н. Япония: награды и политика. М., 2007.
- Сато Хироаки. Самураи. История и легенды. СПб., 1999.
- Синто. Национальная религия японцев / Под ред. Э.В. Молодяковой. М., 2008.
- Синто — путь японских богов. В 2-х т. СПб., 2002.
- Сонода Минору. Мир синто. М., 2001.
- Удар солнца, или Гири — чувство чести (сборник). М. — СПб., 1999.
- Успенский М.В. Самураи Восточной столицы. Калининград, 1997. У-цзин.
- Семь военных канонов Древнего Китая СПб., 1998.
- Такуан Сохо. Письма мастер дзэн мастеру фехтования. СПб., 1998.
- Тёрнбулл Стивен. Самураи. Военная история. СПб., 1999.
- Хэрн Лафкадио. Душа Японии. СПб., 1998.
- Ягю Мунэнори. Хэйхо Кадэн сё. СПб., 1999.
- Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. СПб., 1996.
- Япония от А до Я. Популярная иллюстрированная энциклопедия, М., 2000. Версия на DVD — 2008.
- Япония, открытая миру / Под ред. Э.В. Молодяковой. М., 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арабаджиев Александр Дмитриевич (1964).

Кёси 1 дан дзю-дзюцу Дай Ниппон Бутокукай Кёси 1 дан карате-до Дай Ниппон Бутокукай Кэнсёин (инспектор) дзю-дзюцу Дай Ниппон Бутокукай (DNBKID) Со-Сихан дзю-дзюцу Дай Ниппон Бутокукай Сихан 7 дан Кёкусин Будокай Кан Ренси 5 дан иайдо Дай Ниппон Бутокукай Даури (официальный представитель) Дай Ниппон Бутокукай в России

Президент союза «Кёдзицу Дзиссэн Будо».

Автор многочисленных статей и двух книг о боевых искусствах Японии. В **1982–1999** гг. проходил службу в подразделениях специального назначения РФ. Кавалер ордена Красной Звезды, «За личное мужество», медали «За отвагу» и других правительственных наград. Имеет более чем 40-летний опыт военного обучения и преподавания различных видов воинских искусств. Участник многих специальных программ и семинаров в России, Японии, Европе и США. Неоднократно поощрялся *Дай Ниппон Бутокукай* за боевое мастерство, высокий уровень понимания и преподавания будо.

Куланов Александр Евгеньевич (1970).

Специалист в области политической имиджологии и кросскультурных коммуникаций, историк, колумнист приложения «Россия сейчас» к японской национальной газете «Майнити» и веб-ресурса «Загадочная Япония». Член правления российской Ассоциации японоведов и японской Ассоциации исследователей российской истории, член *Дай Ниппон Бутокукай*. В 1988–1998 гг. служил в Воздушно-десантных войсках. Позже работал в ряде отечественных изданий в качестве корреспондента. В 2002–2003 гг. исследовал проблемы компаративного анализа имиджей России и Японии в аспирантуре Токийского университета. Главный редактор журналов «Додзё» и «Будокан» (2005–2006). В 2007–2011 гг. — сотрудник Московского бюро крупнейшей японской газеты «Ёмиури». Автор нескольких сотен статей, опубликованных в десятках изданий России, Японии и США, десятка о Японии, коллективных издательских проектов Института Востоковедения РАН. Имеет российские и иностранные награды. Лауреат IV интернационального конкурса «Имидж-директория» за компаративный анализ имиджей России и Японии.

notes

Примечания

1

Указ. соч. М, 1998. С. 57–58.

Из Устава Дай Ниппон Бутокукай, принятого в 1895 г. Перевод Ф. Кубасова.

Император Дзимму — легендарный основатель и первый император Японии. Согласно «Кодзики», родился 1 января 711 г. до н. э. и умер 11 марта 585 г. до н. э. В древней японской религии *синто* Дзимму выступает как правнук богини солнца Аматэрасу Омиками, являющейся главной богиней пантеона синто. Сам же Дзимму является вторым по старшинству божеством. Нынешний, 125-й по счёту, император Японии — Акихито (р. 1933) считается прямым потомком Дзимму.

4

782–806 гг. н. э.

Камму Тэнно (737–806) — император Японии (781–806). В 794–796 гг. перенёс столицу государства из г. Нагаока (недалеко от современного г. Осака) в Хэйан-кё — ныне Киото, основав, таким образом, первую постоянную столицу (до этого было принято менять места расположения главных городов после смерти императоров).

6

796 г. н. э.

Имеется в виду, по всей вероятности, Мэйдзи Исин — Реставрация Мэйдзи, известная также как Революция Мэйдзи, — консервативная революция, приведшая к кардинальным изменениям в японской политической и социальной структуре и положившая начало современной Японии.

Дайгокудэн (Тайкёкудэн) — помещение для важных церемоний. В частности, там в старину проводилась церемония возведения нового императора на престол. Древнее здание погибло при пожаре в 1177 г. (Примечания переводчика здесь и далее даны по данным «Расширенного словаря по истории Японии» (*Нихон-си кодзитэн*) изд-ва *Кавадэ сьуппанся*, 1997.)

Император Мэйдзи (*Мэйдзи Тэнно*), прижизненное имя Муцухито (3.11 1852—30.07.1912) — 122-й и один из наиболее почитаемых императоров Японии (1867–1912), при котором она сменила статус малоизвестной азиатской страны на роль одного из лидеров мировой политики.

Ватанабэ Тиаки (1843–1921), политический деятель периодов Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926), граф. Выходец из самураев клана Такасима провинции *Синано*. Занимал важные посты в провинциях, с 1910 г. вошёл в число придворных. Был членом тайного совета (*сумицуин*).

Мибу Мотооса (1835–1906), политический деятель годов *бакумацу* (начального периода Реставрации Мэйд-зи) и Мэйдзи. В период *бакумацу* активно выступал за почитание императора и изгнание варваров (*сонно дзёи*). После революции Мэйдзи вернулся к активной общественной деятельности. С 1891 г. граф. Член верхней палаты парламента.

Заметим, что японские авторы никогда не согласятся с таким сравнением, так как у нас в этом вопросе разные системные подходы. Так, по мнению популярного писателя Сиба Рётаро, «ничего подобного феномену казачества не найти в истории Японии. Вот почему для нас часто непонятна сама идея “героя”. Система, о которой я пишу, сама рождала героев, в то время как в традиционном японском сознании герою появиться на свет очень трудно (хотя нельзя сказать, что в нашем климате не рождались крупные политические деятели» (Сиба Рётаро. *О России. Изначальный облик севера*. М., 1999. С. 60).

См. приложение 2.

В средневековой Японии при сёгунате Токугава была принята сословная система *си-но-ко-сё*, где *си*—самураи; *но*—крестьяне; *ко*—ремесленники; *сё*—торговцы. Над всеми сословиями находилась немногочисленная аристократия, компактно проживавшая в Киото. Кроме того, священники и монахи не выделялись в отдельное сословие, но сохраняли определённое влияние. Отдельно существовали также неприкасаемые — *эта*. К их числу относились мясники, дубильщики, кожевенники, мусорщики и могильщики — то есть японцы, выполнявшие самую грязную работу.

В данном контексте имеются в виду фактические правители Японии, представители верхушки буси, установившие в стране военно-бюрократический режим, при котором самураи являлись господствующим классом.

1688–1704 гг.

Эта история повествует о том, как сорок семь самураев подготовили и претворили в жизнь план отмщения Кира Кодзука-но-Сукэ, чиновнику при дворе сёгуна Токугава Цунаёси, за смерть своего господина — князя (*дайме*) Асано Такуми-но-Ками Наганори. В 1701 г. Аса-но был приговорён к *сэнпуку* (*харакири*) за нападение на чиновника в ответ на оскорбления и издевательства со стороны последнего — такова каноническая версия событий. Потеряв своего господина, 47 *буси*, ставших самураями без хозяина — *ронинами*, во главе с Оиси, дали клятву отомстить за смерть. Однако, чтобы не возбуждать подозрений, они около двух лет, тщательно соблюдая конспирацию, делали вид, что забросили все думы о мести, и в конце концов ввели обидчика в заблуждение. 15 декабря 1702 г. *ронины* напали на поместье Кира в Эдо, перебив 16 и ранив более 20 человек. Самому Кира было предложено совершить *сэнпуку*, но тот отказался или же просто не смог этого сделать. Оиси убил его сам. Голову поверженного врага *ронины* отнесли в монастырь Сэнга-кудзи и возложили на могилу своего господина, исполнив тем самым клятву, данную ими два года назад, после чего сдались властям. Сёгун оказался в затруднительном положении: с одной стороны, *ронины* поступили согласно духу *бусидо*, отомстив за своего хозяина; с другой стороны, они нарушили ряд его приказов. В итоге суд всё же приговорил заговорщиков к смерти. Однако им было позволено провести благородный обряд ритуального самоубийства, как надлежало настоящим самураям, вместо того, чтобы быть казненными как уголовникам. Их могилы с тех пор стали объектом поклонения, а история мести — классическим, хотя и далеко не бесспорным, примером исполнения самурайского долга, который и по сей день является предметом ожесточённых дискуссий между историками и специалистами по *бусидо*.

Завершающий период эпохи Эдо с 1853 по 1869 год, «смутное время», когда феодальный строй безуспешно пытался бороться с веяниями времени и иностранным вмешательством в дела Японии.

Указ. соч. С. 146–147.

Долин А.А. Пророк в своем отечестве. М., 2002. С. 34–35.

Война Босин (1868–1869) — гражданская война между *сёгунатам* Токугава и проимператорскими силами в Японии. Закончилась поражением сторонников сёгуна, что привело к Реставрации Мэйдзи. Противостояние между *сёгунатом* и реформистским проимператорским движением за изгнание варваров — *сонно дзёи* продолжалось несколько лет. В ноябре 1866 г. император Мэйдзи дал свою санкцию двум мятежным провинциям — Сацума и Тёсю — на свержение власти *сёгуна*; однако правящий сёгун Токугава Ёсинобу обошёл это препятствие, отказавшись от своего поста (но не от своей власти) на следующий день. 3 января 1868 г. император Мэйдзи провозгласил реставрацию всей полноты императорской власти. Через семь дней после того, как сёгун объявил о том, что императорская декларация «незаконна», началась война. Войска Ёсинобу атаковали резиденцию императора в Киото. Несмотря на соотношение сил 3:1 и помощь французских военных советников, первая значительная битва возле Тоба и Фусими привела к поражению 15-тысячной армии сёгуна, и Ёсинобу был вынужден бежать в Эдо. Сайго Такамори из клана Сацума повёл императорскую армию на северо-восток Японии, что привело к капитуляции Эдо в мае 1868 г. После того как Ёсинобу капитулировал, большая часть Японии признала императорское правление, но ядро сторонников *сёгуна*, возглавляемых кланом Айдзу, продолжило сопротивление. После затяжного сражения, продолжавшегося месяц, клан Айдзу наконец признал своё поражение, после чего масса юных самураев из отряда Белого Тигра (*Бяккотай*) совершила самоубийство. Через месяц Эдо был переименован в Токио, и началась эпоха Мэйдзи. В финальной стадии войны адмирал флота *сёгуна*, Эномото Такэаки, с остатками флота и несколькими французскими советниками бежал на остров Хоккайдо и организовал там республику, объявив себя президентом, но в мае 1869 г. был разгромлен войсками императора, после чего война была закончена.

Японо-китайская война (1894–1895) велась против Китая с целью установления контроля над Кореей (номинально являвшейся вассальной по отношению к Китаю страной) и проникновения в Китай. В ходе войны превосходство японской армии и флота привело к крупным поражениям Китая на суше и на море и подписанию унижительного для Китая мирного договора в Симоносэки.

Указ. соч. С. 74–75.

Нынешний император Японии — Акихито — 125-й в списке единственной в мире непрерывно правящей династии.

Молодяков В.Э. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи // Глобальные вызовы — японский ответ. С. 46.

Молодяков В.Э. Консервативная революция, М., Восточная литература, 1997. С. 82–83.

Цит. соч. С. 45.

Сацума (*Сацума-хан*) — княжество на юговостоке о. Кюсю, существовавшее в Японии в период Токугава. Наряду с княжеством Тёсю играло ведущую роль в Реставрации Мэйдзи. Управлялось кланом Симадзу. С 1609 г. было сюзереном королевства Рюкю. Из Сацума вышли знаменитые деятели Мэйдзи Исин, премьер-министры, министры и генералы, в том числе Сайго Такамори, Окубо Тосимити, Того Хэйхатири, Ояма Ивао, Курода Киётака и многие другие.

См. приложение 3.

Личность Нитобэ, и особенно его неоднозначное, во многом противоречивое произведение ещё долго будут будоражить поклонников боевых искусств. Мы тоже не раз обращались и будем обращаться к книге «Бусидо. Дух Японии», но хотим напомнить, что спустя недолгое время после её появления американский журналист и японовед Хью Байес называл автора «очаровательным апостолом полуправды, объясняющим Японию западным народам», а наш современник В.Э. Молодяков очень точно охарактеризовал Нитобэ Инадзо как «лукавого комментатора». Причина такого отношения к выдающемуся японскому пиарщику исходит из понимания его профессиональных обязанностей: пропагандируя бусидо в мире, Нитобэ, как и его последователи, пытались «приспособить его этику и эстетику к пониманию иностранцев, затушевывая всё, что могло показаться «жестоким» или «отсталым».

С проведением Токийской олимпиады в 1964 г. и широким распространением дзюдо и каратэ в мире, главной международной площадкой для выступления мастеров по этим видам в Японии стал построенный тогда же столичный Будокаан. Тем не менее Бутокудэн сохранил свои позиции как самое старое, престижное, традиционное и не затронутое излишней коммерциализацией место для демонстрации традиционных будо.

Подробнее об этом в главе «Духовный центр».

См. приложение 1.

иероглифы

Цит. по «Токё супоцу» от 05.1971.

ДрэггерД. Указ. соч. С. 58–59.

Любопытно, что в советское время похожая система действовала в ряде наших военных училищ. Например, наряду с обучением по основной специальности, скажем, командира взвода, курсанты имели шансы получить диплом переводчика с одного из иностранных языков — при успешном освоении соответствующей программы, разумеется.

Указ. соч. С. 58.

Указ. соч. С. 32.

Так в Японии называли войну против США и союзнической коалиции в 1941–1941 гг.

Цит. По *Дрэгер Д.*: Современные будзюцу и будо. С. 81–82.

Там же. С. 83.

Там же. С. 85.

Молодяков В. Консервативная революция. С. 202.

Указ. соч. С. 107.

Цих по докладу Кусахара Кацухидэ «Нитобэ Инадзо и Россия», «Прошлое и будущее российско-японских отношений». М., 2005. С. 26.

Молодяков В. Консервативная революция. С. 203.

Там же. С. 268.

Официальной религией Японии в конце XIX в. стало «государственное синто» — *кокка синто* — система использования *синто* властями в целях оправдания экспансионистской политики Японии, и правительство этой страны весьма нетерпимо относилось к неформальным течениям, сектам и школам, которые были созданы раньше или создавались в тот период как в *синто*, так и в буддизме.

Адмирал Такэсита Исаму (1869–1949) был весьма интересной личностью. Потомок сацумских самураев, он участвовал в Японо-китайской (1894–1895) и Русскояпонской (1904–1905) войнах. Много и долго работал за границей, в частности в Вашингтоне. Ему принадлежит идея знакомства президента США с одним из лучших представителей *Кодокан дзюдо* Ямасита Ёсиаки. Эта встреча во многом обеспечила начало успешного шествия *дзюдзюцу* не только в США, но и в мире в целом. С 1925 г. адмирал стал другом, учеником и патроном Уэсиба, не забывая при этом о других единоборствах. В частности, он был президентом Ассоциации сумо. Возглавлял Такэсита и японскую ассоциацию скаутов, способствуя, по мнению некоторых исследователей, «милитаризации японского спорта и молодёжи». Наконец, нельзя не добавить, что, по иронии судьбы, на месте его резиденции в Токио сегодня находится самое ультрамодное место в мире — улица Такэсита-дори. Можно только догадываться, что сказал бы старый адмирал Такэсита, если бы узнал, что будет на месте его резиденции 50 лет спустя...

Не оправдывая подобную практику, заметим, что она не являлась «эксклюзивной» прерогативой Квантунской армии. Некоторые сотрудники НКВД, увлекавшиеся единоборствами, оттачивали, например, свое мастерство на заключенных и последственных, ломая им конечности, шлифуя технику удушающих приемов и даже откручивая головы. Воспоминания о таких практиках дошли до нас благодаря одному из учеников основателя дзюдо в Советском Союзе В.С. Ощепкова — А.А. Будзинскому.

Именно эти события описаны в бестселлере Б. Акунина «Алмазная колесница».

Историю кланов Хираока и Утида нам поведал Танака Такэюки — правнук Утида Рёхэй и праправнук Хираока Котаро, любитель *бадзюцу* — искусства самурайской верховой езды, специалист по азиатскому национализму, журналист, член сразу нескольких тайных организаций современной Японии, участник событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. и партизанской войны в Бирме в начале 1990-х и большой друг России.

В 2008 г. вместе с внуком Тояма Мицуру он объявил о воссоздании в Японии *Кокурюкай* — история продолжается, но это уже совсем иная история.

Указ. соч. С. 69.

Манею — маньчжурский (*яп.*).

Молодяков В. Консервативная революция. С. 203.

Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг.,
М., 1947. С. 45.

Панов А. Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период. 1945–1952. М., 2010. С. 84–86.

http://aikibal9.ucoz.ru/news/godzo_sioda_intervju_gazete_osaka_asakhi/2010-07-01 -32

Macdonald D. Memoirs of Revolutionist: Essays in Political criticism. New York, 1958. P. 163.

61

Указ. соч. С. 21.

Иоган Е., Танин О. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933.
С. 33.

Караев Б. А. Восточный ветер. Воспоминания и размышления. Екатеринбург, 2003. С. 60–62.

Тодзё (Тодзио) Хидэки (1884–1948) — генерал армии, министр обороны (1940) и премьер-министр Японии (1940–1945). Один из наиболее одиозных японских политиков-милитаристов, участник разработки военных планов Японии, включая нападение на Пёрл-Харбор и подготовку к нападению на СССР. Казнён как военный преступник по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

В 1978 г. имя Тодзё вместе с другими 13 казнёнными было высечено на плитах храма Ясукуни. Через два года на месте приведения приговора в исполнение ему был поставлен памятник.

Панов А. Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период. 1945–1952. М., 2010. С. 43.

Указ. соч. С. 286.

25 ноября 1970 г. Мисима Юкио во главе созданного им *Татэнокай* попытался поднять восстание на базе сухопутных войск Сил Самообороны Японии в токийском районе Итигая. Мятеж окончился неудачей, и вот как описывали последние минуты Мисима свидетели: «Ровно в 12.00 он появился на балконе, на его голове была белая повязка с красным кругом восходящего солнца, на белых перчатках — пятна крови. Мисима обратился к солдатам со словами: “.. Сегодня японцы думают только о деньгах... Где же наш национальный дух?.. Вы должны восстать, чтобы защитить Японию. Японские традиции! Историю! Культуру! Императора!.. Вы же солдаты. Почему вы защищаете конституцию, отрицающую само ваше существование? Почему вы не проснетесь?..” Он был освистан. Поняв, что призывы тщетны, Мисима трижды прокричал: “Да здравствует император!” и вернулся в комнату. “Нам остается одно”, — сказал он товарищам. Будучи опозоренным, самурай обязан умереть — формальный повод для самоубийства был Мисимой получен. В соответствии с самурайскими традициями он расстегнул мундир и заколол себя мечом. Затем меч взял его сподвижник Морита. По традиции он должен был отсечь голову Мисимы, что удалось только с третьей попытки. После этого Морита также распорол себе живот, а его голову отсек другой его товарищ. В комнату ворвалась полиция. Позже обряд сэппуку совершили еще семь последователей Мисимы. После смерти писателя “Общество щита” прекратило свое существование». Цит. по: *ЕрмаковаИ., МисимаЮкио.* http://www.krugosvet.ru/articles/112/1011262/1011262a_1.htm

Дрэггер Д. Современные будзюцу и будо. С. 90.

Приложение 14.

Приложение 9.

Приложение 7.

Приложение 3.

Приложение 11.

Приложение 13.

Приложение 17.

Приложение 12.

Приложение 5.

Приложение 11.

Morris Ivan. Nationalism and Right Wing in Japan / A study of Post-War Trends. London, 1960. P. 9—12.

История войны на Тихом океане (в пяти томах). Т. 5, гл. 5. М., 1957,1958.

Дрэггер Д. Современные будзюцу и будо. С. 90–91.

Ivan Morris/ Nationalism and Right Wing in Japan / A study of Post-War Trends. London, 1960. P. 161.

Там же. Р. 110.

Война в Корее (1950–1953) — конфликт между Северной Кореей и Южной Кореей, длившийся с 25.06.1950 по 27.07.1953 г. (хотя официального окончания войны объявлено не было). Часто этот конфликт рассматривается как «опосредованная война» между США и их союзниками и силами КНР и СССР.

Приложение 14.

Дрэггер Д. Современные будзюцу и будо. С. 91–92.

Блюминг Йон. От хулигана до десятого дана. М., 2004. С. 35, 67.

краткосрочные курсы.

Логотип *Дай Ниппон Бутокукай* включает себя стилизованное изображение *цуба* (гарды) — японского меча, иероглифов «*бүтоку*», лука и двух скрещенных стрел. Таким образом, сохраняется историческая память о первых и наиболее традиционных японских *будо* — *кэндо* и *кюдо*. К тому же по-японски «две стрелы» и «Япония» звучат одинаково — «*нихон*».

большие соревнования, фестиваль.

президент.

завершающая церемония.

буквально: «Десять тысяч лет!»

«стремящийся кханси», переходный ранг между традиционными *кёси иханси* в современном Дам *Ниппон Бутокукай*.

Даймё — крупнейшие военные феодалы (с доходом более 10 000 мешков риса в год) средневековой Японии, близкие по статусу европейским князьям. Если считать, что класс самураев был элитой японского общества того времени, то *даймё* — это элита среди самураев. Один из таких *даймё* — правивший в конце XVI в. Фукуока на о. Кюсю Фукусима Масанори, стал героем народного эпоса. Князь Фукусима владел огромным копьем — чудесным оружием длиной более 2,3 м, с 80-сантиметровым клинком. В то время существовал определенный стандарт, регламентирующий длину копья, поскольку разносортница мешала согласованности маневров с участием больших скоплений пехоты. В среднем размер составлял 2 метра, но разброс (особенно в большую сторону) достигал заметных величин. Если минимум равнялся росту владельца, то выдающиеся образцы превосходили его чуть не втрое. Однажды слуга *даймё* — самурай из клана Курода — Мори Такэ — поспорил со своим хозяином, кто больше выпьет. Ставкой было копье, и крепкий Мори перепил хозяина. Протрезвев, Масанори попросил вернуть раритет, но Такэ резонно отказал. Сохранилась старинная песня, повествующая об этом подвиге, называемая «Курода-буси» и до сих пор популярная в Японии. Само же копье Курода-буси хранится сегодня в городском музее Фукуока.

Афористичные японские трехстишия — *хайку* сочиняют все участники мероприятий ДНБК. При этом, разумеется, делают они это на своих родных языках, а затем переводчики озвучивают их на английском или японском языке. *Хайку*, сложенное *кёси* Арабаджиевым, по-русски звучало так: «Хризантема и меч / Что общего между ними?/ Дух Японии». Японоязычный вариант по нашей просьбе подготовил специалист в области средневековой японской литературы, доцент ИСАА при МГУ В.П. Мазурик: «*Кику катана я / Аварэ мо надзэ ва / Ва га кокоро*».

Японские шахматы.

Нож, самурайский кинжал.

Новый учебник по дзюдо, объясняющий сокровенные секреты. М.:
Будо-Спорт, 2007.

Указ. соч. С. 56–61.

Синто кокусай гаккай — японская общественная организация, аккредитованная в Департаменте неправительственных организаций ООН и ставящая своей задачей изучение древней японской религии — *синто*, а также широкую популяризацию *синто* в мире. Руководители МНОС справедливо замечают, что без понимания *синто* сложно разобраться не только в традиционной, но и в современной культуре Японии. Разумеется, изучение *синто* является необходимым и для тех, кто намерен всерьез практиковать японские единоборства. В 2003–2004 гг. *Синто кокусай гаккай* провело два международных симпозиума, посвященных взаимосвязи *синто* и боевых искусств — сначала в Нью-Йорке, а затем в Токио. Третий симпозиум было предложено провести в Москве. После того как был найден партнер этой акции — компания «Будо-Спорт», организаторы приняли решение несколько расширить тему обсуждения с учетом российской специфики, и осенью 2005 г. симпозиум под названием «Духовные и практические ценности боевых искусств» открылся в Восточном центре Российской государственной библиотеки.

Мероприятие, прошедшее под эгидой Информационного центра ООН в Москве, получило приветствия от президента МНОС Ё. Умэда, сопредседателя Российского союза боевых искусств (РОБИ) С.В. Кириенко, основателя советского *каратэ* А.Б. Штурмина, председателя Ассоциации японоведов профессора РГГУ, д.и.н. А.Н. Мещерякова. Вела симпозиум глава московского филиала МНОС профессор МГИМО, д.и.н. Э.В. Молодякова. Компанией «Будо-Спорт», выступившей в организации симпозиума равноправным партнером МНОС, были выпущены специальные номера журналов «Будо-кан» и «Додзё» (№ 6/2005 (32)) с информацией о симпозиуме и кратким содержанием прозвучавших докладов. Официальный представитель ДНБК в России *кёси* А.Д. Арабаджиев подготовил к симпозиуму доклад по основополагающей теме: «Традиция *синто* и духовный мистицизм в боевых искусствах», а второй автор данной книги — А.Е. Куланов рассказал о «роли духовной составляющей боевых искусств в формировании имиджа Японии в России».

Долин А.А. Духовное наследие японских будо в эпоху глобализации // Доклад на международном симпозиуме «Духовные и практические ценности боевых искусств» // Додзё, № 6/2005. С 7.

Горбылев А. Синтоистская традиция воинских искусств // Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1. С. 601–623.

Долин А.А. Духовное наследие японских будо в эпоху глобализации // Доклад на международном симпозиуме «Духовные и практические ценности боевых искусств» // Додзё, № 6/2005. С. 8.

Сунъ-цзы. Искусство войны. СПб.: Евразия, 1998. С. 164.

Подробнее о *ямабуси* см.: Долин А.А. Духовное наследие японских будо в эпоху глобализации // Доклад на международном симпозиуме «Духовные и практические ценности боевых искусств» // Додзё, № 6/2005. С. 8—10.

Там же. С. 11.

Там же. С. 8.

Клерк, офисный работник в Японии.

О духовных составляющих *будо* мы еще надеемся поговорить более подробно, а пока адресуем читателей к книге И. Нитобэ «Бусидо» и другим материалам по *синто* из нашего списка литературы, в которых эта тема освещается более подробно.

Указ. соч. С. 292–293.

Перевод Ф. Кубасова.

Учебный и финансовые года в Японии начинаются 1 апреля.

Очевидно, речь идет об одной из многочисленных демонстраций «японских рыцарских искусств», которые японцы активно проводили перед оккупантами, стараясь как можно скорее добиться снятия запрета на преподавание будо. В таком случае, Танака-сэнсэй косвенно подтверждает факт запрещения *каратэ*.

«Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США» или «Акт Вурхиса» (§ 2386 Раздела 18 Кодекса законов США), принятый 17 октября 1940 г. — федеральный законодательный акт Соединенных Штатов Америки, регулирующий деятельность организаций, связанных с международными или иностранными политическими структурами, или, согласно определению правительства США, «организаций, являющихся субъектами иностранного влияния». Такая организация была обязана регистрироваться в ведомстве генерального прокурора, и предоставить абсолютно полную и исчерпывающую информацию о себе и своих членах.

Родившийся в Фукуока человек по фамилии Утида сразу навел нас на соблазнительную для исследователя мысль, что он является одним из родственников Утида Рёхэй, столь часто упоминавшегося в нашей книге. Связавшись с семьей Утида, мы выяснили, что если и родственник, то не очень близкий — память о нем не сохранилась.

Когда мы изучали эти показания, то поневоле вспоминали советский фильм «О бедном гусаре замолвите слово»: «Мои орлы газет не читают, книг в глаза не видели, идей не имеют!»